

Андрей Астахов

HEAVEN: Сборщики пепла

Год 2115, который не наступил. Мир, который был уничтожен. Позади разрушительная ядерная война, принесшая бесконечную зиму. Выжившие люди скрылись под землей на десятки лет, чтобы когда-нибудь вернуться на поверхность и снова увидеть солнце. Однако спустя столетие мир предстал перед ними настоящим кошмаром. На руинах былых городов обитают жуткие мутанты, смертельные болезни представляют реальную угрозу, а за право находиться на земле приходится сражаться с себе подобными. Выжить во что бы то ни стало стремится и охотник Егор Чигарев по прозвищу Зих. И так уж обернется, что пути Зиха и таинственных "сборщиков пепла" — бойцов элитного постъядерного спецназа HEAVEN, — однажды пересекутся.

Тридцатиметровая труба заводской котельной, непонятно как выстоявшая все истекшие со дня Катастрофы десятилетия, возвышалась над руинами и была отличным наблюдательным пунктом — с ее верхушки Зверь мог сканировать местность на много километров кругом. Очень хорошее место, второго такого в этих местах просто нет.

Зверь не знал, что много лет назад его нынешние владения назывались «Приреченский судостроительный завод», и людей — его самой любимой, вожаемой добычи, — здесь было очень много. Рядом с заводом стоял маленький уютный городок с многоэтажными домами, в которых эти люди жили. Теперь от домов, цехов и хозяйственных построек завода остались одни развалины, в которых обитало множество крыс, да и мутапсы сюда частенько заходили, чтобы на этих самых крыс поохотиться. Зверь пришел сюда несколько месяцев назад с севера, истощенный, мучимый голодом — и сразу обнаружил, что эти развалины сделала своим домом молодая самка. Случись эта встреча хотя бы парой недель раньше, природа взяла бы свое, но течка у самки уже прошла, и она встретила пришельца очень неприветливо. Убив свою предшественницу, новый хозяин Приреченского поступил так, как привык поступать все последние голодные месяцы в случае удачной охоты — не стал пожирать драгоценную плоть сразу, без остатка, но, утолив первый голод, лучшие части тела убитой самки спрятал в подземелье под развалинами, так, чтобы вездесущие крысы не могли до них добраться. Когда мясо стало заканчиваться, Зверь внезапно понял, что мутапсы и прочие бродячие хищники, раньше заходившие в руины на охоту, будто почувствовали появление в Приреченском настоящего монстра и теперь не рискуют охотиться на его территории. Тогда Зверь схитрил, на время покинул свои новые владения и затаился в меловых пещерах, недалеко от Приреченского. И надо же, глупые животные купились на его уловку — вернувшись через неделю в Приреченский, Зверь сразу обнаружил стаю мутапсов, вольготно расположившуюся в его владениях. Плоти убитых зверей ему хватило на две недели, и теперь Зверь знал, как ему правильно поступать, чтобы впредь не испытывать голода, который так мучил его на северных пустошах.

Сегодня перед рассветом он как раз вернулся в Приреченский в надежде, что в его охотничьи уголья в очередной раз забрело какое-нибудь животное. Голода он пока не испытывал: накануне недалеко от пещер ему попались павшие от какой-то болезни сурки, и Хозяин не только наелся до отвала, но еще и сделал запас на черный день. Но плоти никогда не бывает много — скоро выпадет снег, большая часть живых существ заляжет в многомесячную спячку, искать добычу станет труднее, изапас пищи просто необходим. Нужно запастись драгоценную плоть при любом удобном случае.

Он не ошибся: в Приреченском появилась добыча. Это была самая лучшая, самая желанная добыча для Зверя, и называлась она «человек». Впервые за много ночей в его владения забрело не четвероногое, а двуногое мясо. Редкая добыча, в последний раз Зверь полакомился человечинной много дней назад, как раз после поединка с самкой. Потом он еще дважды чувствовал появление человека на своей территории, но человек приходил днем, а при свете солнца Зверь не нападал.

Присутствие пришельца Зверь почувствовал сразу, как только влез на трубу. Пока еще человек был достаточно далеко, однако Зверь уже мог его почувствовать. Зверь был слеп, но его острый слух уловил ритмические сокращения сердца пришельца, тепловые рецепторы

засекли точку, где двигалась плоть — горячая, живая, мягкая, так хорошо утоляющая голод. Зверь сжался в ком на верхушке трубы, пасть наполнилась вязкой слюной, длинные пальцы с острыми кривыми когтями сжались в кулаки. Человек, если он один — очень легкая добыча. Когда людей много, и они вооружены, охотиться на них сложнее и опаснее. А этот был один, Зверь слышал стук только одного сердца, и стук этот приближался. Человек шел через развалины прямо к нему.

Цепляясь когтями за выбоины в трубе, Зверь быстро спустился на крышу цеха и оттуда спрыгнул на землю. Цель была совсем недалеко, рецепторы животного четко определяли радужное светящееся пятно, медленно передвигающееся в нескольких десятках метров впереди него. Совсем близко, если бы не остатки кирпичной стены, Зверь бы преодолел расстояние до жертвы парой прыжков. Застиг врасплох, как делал это уже сотни раз, невидимый и молниеносно быстрый, вцепился бы клыками в хрупкую шею, да так, чтобы кровь из прокушенных артерий сладким обжигающим фонтаном ударила в небо, разодрал бы беззащитное тело когтями и...

Вылетевшая из темноты крупнокалиберная пуля с надпиленной головкой ударила Зверя прямо в затылок в тот самый миг, когда хищник собрался для прыжка. Вторая пуля, выпущенная через секунду, попала уже в труп. Прошло довольно много времени с того мгновения, как стих звук второго выстрела, а потом в развалинах вспыхнул мощный фонарь, и темная фигура не спеша подошла к еще вздрагивающему трупу Зверя.

— Ну, вот и все, — с удовлетворением сказал стрелок, положив винтовку на плечо и с удовлетворением разглядывая безобразную голову твари, развороченную разрывной пулей. — Э-эй, ты где? Иди сюда!

На куче обломков, некогда бывших стеной заводского цеха, показался еще один человек, одетый в рваную парку из шкур мутапсов. Он шел неуверенно, спотыкаясь — руки у него были связаны кусками старой капроновой веревки. На стрелка он смотрел злобно и вместе с тем испуганно.

— Иди сюда! — Человек с винтовкой помахал ему рукой. — Быстро!

Человек с опаской приблизился к распростертой на забрызганном темной кровью бетоне смрадной туше. Подошел, присел на корточки, протянул к мертвому зверю связанные в запястьях руки и громко заскрипел зубами.

— Да-да, приятель, вот так он выглядит, Ночной Ужас, — сказал человек с винтовкой. — Ты первый из Диких, кто увидел его и остался жив. Можешь этим гордиться.

Опустившись рядом с мертвым зверем, охотник достал из ножен охотничий нож и его рукоятью быстро и сноровисто, и вместе с тем аккуратно, чтобы не замараться в крови и кожном секрете твари, выбил из лунообразной пасти мертвого чудовища длинные, в указательный палец взрослого мужчины, красноватые клыки. Три клыка он положил в карман своего комбинезона, а один клык показал человеку со связанными руками.

— Вот, Дикий, смотри, — сказал он. — Это твоя доля. Хоть ты с друзьями и пытался меня убить, но я парень не злопамятный. Ты помог мне, и я тебя отпущу целым-невредимым, да еще с трофеем. Моя башка вам не досталась, ну да ладно, подарочек я тебе все равно сделаю. За этот зуб ты получишь в жены любую телку в своем клане. Сегодня твой счастливый день, Дикий.

Охотник подошел к связанному, одним взмахом ножа перерезал веревки на запястьях пленника и протянул ему клык. Дикий замер, не сводя с лица охотника напряженного взгляда, но все же выхватил из пальцев зверя клык — и бросился в темноту, громко крича, не

то от ужаса, не то от радости. Охотник проводил беглеца взглядом в тепловой прицел, точно раздумывал, не послать ли пулю вслед счастливчику, который этой ночью сыграл в его охоте роль живца, но потом передумал — патрон стоил дороже жизни никчемного дикаря. Постояв еще немного у трупа зверя, будто любуясь им, стрелок положил винтовку цевьем на сгиб локтя и побрел прочь. После пятичасового сидения в засаде ему больше всего хотелось согреться, поесть и выспаться.

Глава 1 Джентльменское соглашение

1.

Сигареты были сухие, приятно похрустывали в пальцах, горели ровно и красиво, и дым имел тонкий смолистый аромат. Даже не сравнить с тем дерьмом, которое привозят в город странствующие торгаши. И где только проклятый Усач берет такой отменный товар? Или места надо знать? Зих давно не курил таких отличных сигарет, а чувство хорошо сделанной работы еще больше увеличило удовольствие от курения.

Живоглот мертв. На этот раз зверюга не успела серьезно испортить жизнь обитателям здешних мест — счастье, что ее вовремя засекали и тут же сообщили Усачу. Мозги твари и осколки ее черепа разлетелись по бетонным обломкам на несколько метров вокруг туши. Теперь люди в городке № 13 будут спать по ночам гораздо крепче и спокойнее. Надолго ли? Пройдет совсем немного времени, и в округе опять объявится какая-нибудь неведомая тварь, очередное порождение Внешнего мира. Или шайка Диких зайвится за добычей. Тогда Усач опять начнет искать желающих заняться мужской работой, и он, как всегда, будет первым в списке кандидатур.

Зих усмехнулся, достал из плоской металлической коробки еще одну сигарету и прикурил ее от окурка — спички следовало беречь. Спички достать трудно, даже труднее, чем патроны. Впрочем, однажды, на Южных пустошах, ему невероятно подфартило — он нашел в развалинах целый ящик спичек. Большинство упаковок пришли в негодность, но те, что были в середине ящика, оказались очень даже ничего. Несколько десятков коробков со спичками сделали Зиха настоящим богачом, а ведь ему еще восемнадцати в ту пору не было. Тогда он в полной мере насладился всем, что может дать богатство — хорошей едой, настоящей выпивкой и любовью профессионалок из городского борделя. Деньги кончились через неделю, но второй такой роскошной недели в его жизни больше не было.

Это была первая большая удача в его жизни. А вторично ему крупно повезло, когда он наткнулся в руинах к западу от городка № 13 на незамеченный прежними искателями добычи полузасыпанный мусором и обломками вход в подвал дома. А там...

Зих снял перчатку и любовно погладил ствол винтовки. Он нашел ее в оружейном шкафу в том самом подвале. Она будто ждала его там все эти годы. Новенькая, в масле и в полиэтилене, будто только что покинувшая оружейный завод. Даже не верилось, что ее выпустили больше ста лет назад. В ящике шкафа Зих нашел четырехкратный тепловой прицел в кожаном футляре и коробку с патронами. В том подвале он второй раз в жизни почувствовал себя по-настоящему счастливым.

— Ни хрена себе! — присвистнул Усач, когда увидел винтовку. Буквально вырвал ее у Зиха из рук, тискал, мял, гладил, будто женщину, заглядывал в дуло, щелкал затвором и все время сыпал восхищенными ругательствами. — Ну и везуч ты, паренек! Это же настоящий бельгийский «Стормер» FN205, полуавтомат. Я и не видел таких прежде вживую ни разу, только картинки в старых журналах! Продай! Триста банкнот дам и любой ствол из моих на выбор в придачу.

Зих не продал. Он бы не продал винтовку за три тысячи банкнот, за триста тысяч, за миллиард, за все деньги мира. Эта десятизарядная винтовка с полированным ложем из

красного дерева, такая красивая, изящная и такая смертоносная, стала его первой любовью. Она была точно и неотразимо, никакое оружие не могло с ней сравниться по точности и убойности. Он спал с ней, прижимая ее к груди, не расставался с ней ни на миг. Ни одна женщина, кроме разве что его Лизы, не могла в городке № 13 похвалиться тем, что Зих любил ее так же нежно и самозабвенно, как эту винтовку. Когда кончились «родные» патроны, найденные в подвале, Зих отдал все свои сбережения мастеру, который переделал его винтовку под стандартный армейский патрон калибра 7,62 — и не пожалел. Из своего «Стормера» Зих за истекшие годы убил не одну сотню порождений Дикого мира — двуногих и четвероногих. И при этом ни единой осечки, ни одной нештатной ситуации. До Катастрофы умели делать оружие, кто бы что ни говорил.

Охотник вспомнил труп живоглота, который остался в Приреченском. Крупный экземпляр, наверное, не меньше двух метров ростом и килограммов под сто восемьдесят весом. Кожа угольно-черная, голая, морщинистая и блестит, будто ее варом облили. Зих знал, что у живоглота имеются множество сальных желез, которые обильно покрывают кожу густой теплоизолирующей смазкой, потому-то чертова зверюга и в самые свирепые морозы активна и не впадает в спячку. Бродит в морозные ночи и безошибочно определяет логова заснувших животных и человеческие укрытия, и спасения от нее нет никому. Зубы и длинные и острые как боевые ножи когти на лапах слегка красноватые — живоглот только-только вышел из юношеского возраста, начал матереть. В самой силе был мутант. И такое чудло он, считай, с одного-единственного выстрела завалил. Выследил тварь по следам слизи на камнях, подманил на Дикого, которого сделал отличной приманкой, удачно выбрал позицию — и покончил с чудовищем одной пулей. Есть повод гордиться собой. Зих вспомнил, как однажды охотники с востока рассказали ему, как такой же вот мутант ворвался в городок «Бетонная скала» далеко на восток от их мест, и за пару часов растерзал там больше тридцати человек. Люди пытались спрятаться в домах, так зверюга ударами лап двери и окна шутя выносил. Тварь, в конце концов, пристрелили, но потребовался на это не один десяток зарядов. Даже после двух прямых попаданий из ДШК живоглот попытался атаковать. После визита монстра уцелевшие жители разбрелись из «Бетонной скалы» по другим поселениям, не желая больше жить там, где погибли их близкие, и на карте этого умирающего мира добавился еще один город-призрак.

Плохо все это, подумал Зих. Внешний мир все время порождает новых чудовищ. Прошлой зимой в окрестностях городка № 13 появился здоровенный кабан-падальщик, который не только могилы разрывал, но и живыми людьми весьма сильно интересовался, теперь вот Ночной Ужас пожаловал. Про Диких и говорить нечего, эти появляются постоянно. Весело, мать его так.

Зих сделал последнюю затяжку, обжигая губы, бросил окурок на землю, раздавил его носком ботинка, встал и побрел в сторону одинокого столба с прибитой к нему поржавевшей жестяной табличкой, на которой еще можно было разобрать надпись: «Поселение № 13. Всем добрым людям и торговцам душевно рады, сволочь отстреливаем без предупреждения!» Пора двигать к Усачу и получить награду за упокоенного живоглота.

Девушка Зиху понравилась. Да, она была рабыней Усача, из пленных Диких, ее услуги

были частью платы за уничтожение Ночного Ужаса в развалинах завода, но Зих получил то, что хотел, а это было главное. И потом, девушка была славная — молоденькая, с испуганными черными глазами, с пышной гривой и славными крепкими титечками, ласкать которые было так приятно. Такая свежая, молодая, аппетитная, совсем не похожая на Лизу. И еще — она сама получила от близости с ним удовольствие, Зих прочел это в ее взгляде. Поэтому он презентовал ей целую банку сгущенного молока и показал знаками, чтобы она съела молоко прямо тут, на его глазах — не надо, чтобы Усач считал, будто он балует его рабов. Он наблюдал, с какой жадностью девчонка поглощает редкое лакомство, а сам думал о том, что теперь нескоро ему выпадет случай так хорошо и разнообразно поиграть с женщиной. Может, договориться с Усачом и оставить девчонку у себя еще на недельку-другую? Хорошая мысль, ему давно пора как следует отдохнуть. И потом, после всех этих мотаний по Внешним землям, после рискованной охоты на ночного живоглота, так приятно лежать в постели, в безопасной и теплой гостинице, особенно если красивая молодая девчонка лежит рядом с тобой и согревает своим теплом. За такое удовольствие и заплатить не грех...

Он и сам не заметил, как заснул крепким сном полностью удовлетворенного мужчины, а когда проснулся, девчонки в его комнате уже не было, зато был Усач — он-то его и разбудил.

Если Зих был в городке № 13 первым охотником, то Усач просто был тут первым человеком. И мэром, и приставом, и владельцем единственной в городе гостиницы, в которой располагались бордель и единственный в городе магазин — тоже собственность Усача. Пристав выглядел очень довольным.

— Как прошла ночка, герой? — спросил Усач и игриво подмигнул Зиху. — Вспомнил, как вставлять бабам горячего? Судя по лицу Ланки, она осталась довольна вашими ночными кувырканиями.

— И я тоже, — сказал Зих. — Хорошая девушка. Ты ее всем своим партнерам подкладываешь?

— Всем, — признался Усач. — И все наутро мне предлагали то, что собираешься сейчас предложить ты.

— И что я собираюсь предложить?

— Продать тебе девчонку. Или предоставить попользоваться ею еще пару недель. Не выйдет, Зих. Ланка моя собственность, и я сам люблю ее иногда потискать.

— Жаль, — Зих свесил со скрипучей железной кровати ноги, потянулся, хрустнув суставами. — Тогда нам не о чем говорить.

— Эх ты, черт старый! — Усач по-дружески ткнул Зиха кулаком в лицо. — Девку молодую ему на постоянку захотелось, ишь ты. А что Лиза скажет?

— Это не твое дело.

— Ну да, конечно. Только о себе думаешь.

— Нет, это ты больше ни о ком, кроме себя, не беспокоишься.

— А вот тут ты прав. Я эгоист, каких поискать еще. Ты так и не рассказал мне, как тебе удалось прикончить эту тварь.

— Удалось, и все тут. Какая разница?

— Просто интересно. Не каждый день слышишь, что кому-то удалось пристрелить Ночной Ужас. Это тебе не мутапса или крылатку кончить.

— Термокомбинезон, Усач, — сказал Зих. — Все дело в нем. Тварь просто не учуяла

мое тепло. Бронешитки на груди отлично заглушили стук сердца. А Дикий оказался отменной наживкой. Зверь зациклился на нем, верно, очень голодный был. Впрочем, эти твари всегда голодные.

— А что ты сделал с Диким после охоты?

— Отпустил. По правде сказать, парня надо было пристрелить — он с тремя дружками напал на меня у переправы. Корешей я положил, а этого прихватил с собой, и он мне пригодился. Так что я решил поиграть в благородство.

— Глупая была идея. Надо было пристрелить урода, еще одной сволочью меньше бы стало.

— Дикий меня нисколько не волновал. А убивать безоружных я пока еще не научился.

— Твое дело, — Усач развел руками. — Но хватит о прошлом. Я ведь с новостью для тебя пришел. Есть новая работа, Зих. Можно хорошо заработать.

— Хорошо — это сколько?

— Я же сказал — хорошо. Хочешь, заплатят деньгами, хочешь бартером. Патроны, спички, спирт, концентраты и консервы, соль, табак, лекарства, любое оружие или снаряжение — словом, все, что пожелаешь.

— Такая щедрость меня настораживает. Мне хотят поручить начать войну с Дикими и истребить их до последнего человека? Или опять объявился какой-то неизвестный до сих пор монстр?

— Я не знаю. Ты все узнаешь от человека, который ждет тебя внизу, в моем кабинете.

— Кто такой?

— Военный с Дальних Озер.

— Военный? — Зих с интересом посмотрел на собеседника. — С каких это пор ты имеешь дело с военными?

— С давних пор, Зих. Это мои дела, и тебя они не касаются. Ты хочешь очень хорошо заработать, или нет?

— Теперь понятно, откуда у тебя хороший товар, — Зих достал сигарету из коробки, закурил. — А я-то думал, военные из наших мест давным-давно свалили.

— Им в нашей дыре просто делать нечего, скажем так, потому и сидят они тихо на своей базе и к нам не суются. Но о тебе они наслышаны.

— Не от тебя ли?

— И от меня тоже. Короче, заинтересовались они тобой. Хотят предложить тебе одну путную работу.

— Я вообще-то собирался отдохнуть. Учти, я две недели выслеживал зверя в развалинах, устал и намерзся.

— Зих, некогда отдыхать. Я правду говорю — контракт отличный. Не согласишься, будешь жалеть до конца жизни.

— Чем платят?

— Я же сказал, цену ты сам назначишь. В разумных пределах, конечно.

— За пустяковую работу так щедро не платят. И еще, я не доверяю военным. Нашего брата они ни во что не ставят. Что Дикие, что мы — для них все едино.

— Этого парня я знаю, Зих. Он честный малый, поверь мне. Он просил разыскать надежного человека, а лучше тебя в наших краях никого нет. И тебе корысть, и людям помощь.

— Ладно, — буркнул польщенный словами Усача охотник, надевая фуфайку. — Я

поговору с ним. Посмотрим, чего он хочет.

Час был ранний, и в зале гостиницы «Лунный свет», единственной в городе № 13, был только один человек — заказчик. Рослый, крепкий, сидящий, одетый в зимнюю камуфлированную форму и новенький бронежилет, чистый, с хорошо сохранившимися зубами, такой непохожий на жителей города. Увидев Зиха, он встал и протянул ему руку.

— Майор Бескудников, — представился он. — А ты Зих-Охотник, верно?

— Так, — Зих ответил на рукопожатие. — Усач сказал, у тебя ко мне дело.

— Хочу поговорить с тобой. Выпьем?

Усач был тут как тут — подал разогретую тушенку и разбавленный спирт в жестяном кофейнике. Майор разлил выпивку по кружкам, подал Зиху.

— За знакомство, — сказал он и выпил спирт.

Спирт был низкокачественный, с сильным привкусом пластмассы, но от него по венам пошло тепло, и это было здорово. Зих ухватил вилкой большой кусок тушенки и вопросительно посмотрел на майора.

— За мой счет, — сказал военный и улыбнулся. — Ешь на здоровье. Усач сказал мне, ты вчера в развалинах Приреченского слепого живоглота завалил.

— Завалил, ну и что?

— Раньше Ночной Ужас в наших краях был большой редкостью. А теперь постоянно на них натываемся. Два месяца назад в Камышах мы спецоперацию проводили, чтобы такую же тварь прикончить. Тогда у нас два человека пострадало, одного так и не спасли.

— Ваши проблемы. Чего надо тебе, майор?

— Верно, давай о деле, — Бескудников налил спирт в кружки. — Сколько тебе Усач за мутанта заплатил?

— Это не твое дело.

— Верно, не мое, но все-таки?

— По совести заплатил, — сказал Зих, помолчав. — Двадцать патронов, двести старых банкнот, пять банок консервов, литр спирта и услуги женщины на ночь. Плюс пятнадцать банкнот за клыки. Хорошая плата?

— Неплохая. Ну, женщин на ночь у нас нет, так что обойдемся без сладкого, — майор повернулся к Усачу и крикнул: — Покажь ему!

Хозяин гостиницы вытащил из-под прилавка какой-то предмет в тяжелом продолговатом чехле с ручками и поднес его к столу. Майор взял предмет, раскрыл «молнию» на чехле. Зих увидел новенькую короткоствольную снайперскую винтовку «буллпап» с голографическим прицелом и массивным дульным тормозом.

— Вот, гляди, это АСВ2-02УМ. Что в периметре, что за ним ты такую в свободной продаже днем с огнем не сыщешь, — сказал майор, взяв оружие в руки. — Разработка еще времен Цивилизации, но мы ее у себя в мастерской модернизировали с учетом... последних реалий. У тебя какое оружие?

— Самозарядный «Стормер» с тепловым прицелом, — ответил Зих, глядя на винтовку, как зачарованный.

— Отличная у тебя пушка, но эта малышка раза в два покруче будет, уж поверь. Не смотри, что ствол короткий — дальность прямого выстрела со штатным прицелом УГАП до девятисот метров, как у крупнокалиберных винтарей. Можно стрелять в трех режимах: одиночными, по три выстрела и полный автомат. Магазины на двадцать и тридцать пять патронов, прицел шестикратный с автозахватом цели и лазерным дальномером-целеуказателем. А главное — в комплекте есть съемный ствол под патрон калибра 5,45, самый ходовой во Внешних землях. Усач, сколько дашь за такую пушку?

— Пятьсот довоенных банкнот без всякой торговли, — заявил хозяин.

— Так вот, Зих, если согласишься помочь нам, получишь эту винтовку сразу, как задаток, — сказал Бескудников. — Плюс сорок 7,62-миллиметровых разрывных патронов.

— Купить меня хотите? — сказал Зих.

— Хотим, — признался Бескудников. — Очень хотим. Нам позарез нужен такой человек, как ты. И мы готовы заплатить больше. Назови свою цену.

— Что я должен сделать?

— Давай еще выпьем, — майор отложил винтовку, налил спирта себе, Зиху и Усачу. — За тех, кто не вернулся с задания!

— Пророческий тост? — Зих повел бровью.

— Как раз мне нужно, чтобы ты помог моим людям вернуться обратно живыми и невредимыми. Потому и обратились к тебе, охотник.

— Понятно, — Зих жажнул спирт, закрыл глаза, наслаждаясь тем, как огонь струится по венам, согревая тело. — Теперь говори.

— Ты слышал что-нибудь о сборщиках пепла?

— Ничего.

— Верно, о них мало кто слышал. Официально у этих ребят другое название — подразделения сохранения наследия, сокращенно ПСН. В Гласкоме, Главном Соединенном Командовании, их называют подразделение HEAVEN — HeritageAssault Venture, что означает «Штурмовое предприятие «Наследие», если по-нашему. Они занимаются розыском и спасением того немногого, что уцелело после Катастрофы, начиная с памятников искусства и заканчивая старыми технологиями. Пепел прошлого, короче. На каждой военной базе есть такое подразделение, есть оно и у нас, на Дальних Озерах. Группой «Икс-3», базирующейся на базе «Дальние Озера» командую я.

— И что дальше?

— У нас есть информация, что к северу отсюда, на территории, известной тебе как Каменный Лес, есть объект, который нас очень интересует. Мы предполагаем, что там могли сохраниться тысячи единиц Наследия — книги, электронные носители, машины, механизмы, комплекты запчастей. Все это необходимо нам, как воздух. Командование приняло решение послать в Каменный Лес разведгруппу, чтобы убедиться в существовании этого объекта. Нужен проводник.

— И вы решили, что таким проводником могу быть я?

— Верно. Нам нужен человек, который отлично знает эти места, опытный и хороший боец.

— Так, — Зих бросил короткий и мрачный взгляд на Усача. — Не знаю, кто вам насвистел о том, что я отлично знаю эти места, но вот что я тебе скажу, майор — Каменный Лес находится в трехстах километрах отсюда, в самом центре Внешних Земель. Никто из местных жителей не забирался туда уже десятки лет, хотя про Каменный Лес много чего

говорят.

— Что говорят? — Майор достал из кармана пачку сигарет, угостил Зиха и Усача и закурил сам.

— Болтают, что добра там всякого много можно найти. Мол, склады там тайные, нетронутые остались, да и просто в разрушенных домах можно немало ценного отыскать. Да только разговоры это все, болты пустые. Никто ничего оттуда не приносил, да и был ли кто там, сомневаюсь. Я еще ребенком был, когда разговоры ходили о смельчаках, пытавшихся туда пройти, да только никто не вернулся обратно. Сгинули они там. Я сам, если хочешь знать, там ни разу не бывал, хотя признаюсь — как пройти туда в принципе знаю. Я как-то любопытства ради добирался до Старых Башен, майор, а оттуда до Каменного Леса день пути, ежели не меньше. Но места там серьезные. Если кто и забредает туда, так только Дикие, которые к северу от города № 13 кишмя кишат. Понимаешь, что это такое, майор? Попасть в руки к Диким означает или смерть, или рабство, и если на нас навалится сотня дикарей, никакие твои чудо-пушки не помогут. Да и зверья всякого-разного в тех местах полно. Тот живоглот, которого я в развалинах уделал, тоже судя по всему с севера в наши края забрел. А уж точно сказать, какие твари там водятся, тебе никто не возьмется.

— Да, это большой риск. Но поэтому мы и обратились к тебе. Лучше тебя проводника все равно не сыскать.

— Почему же? Есть Кривой. Он уже старик, но за пачку банкнот согласится вести ваших сборщиков хоть к черту под хвост. И Петруха-Миг-Счастья проводник не хуже меня, да и охотник неплохой.

— Усач говорил мне об этих людях, — сказал майор. — Они нам не подходят.

— Значит, они хреном сделаны, а я карандашом, так получается?

— Зих, ты же знаешь, что у Кривого чахотка, и он последнее время кашляет кровью, — сказал с упреком Усач. — А Петруха дальше Котловины на север не ходил. Чего ты себя с ними равняешь? Тоже мне, сравнил жопу с пальцем!

— Короче, вот такая у нас задача, — сказал майор. — Я все сказал, ты все слышал. Какой будет ответ?

— Нет, — не раздумывая, сказал Зих. — Я не сумасшедший. Нет.

— Это твое последнее слово?

— Последнее. Забирай свою пулялку и звездуй с ней... ну понял меня.

— Усач, — негромко сказал побледневший майор, — выйди-ка на минутку.

— Что, морду мне бить будешь? — спросил Зих, когда Усач вышел в подсобку. — Давай, не стесняйся. Только я ведь и на кулачках могу не хуже, чем стрелять.

— В последний раз тебя прошу, мужик — помоги.

— В последний раз говорю тебе, майор — отвали. Ищи другого дурака.

— Значит, я дурак, — сказал Бескудников, стиснув кулаки. — Потому что когда центральное командование отдало мне приказ сформировать разведгруппу для обнаружения объекта, я включил в нее своего сына. Капитана Алексея Бескудникова. На верную смерть его отправляю, выходит.

— На жалость бьешь, майор? Так я не жалостливый. Зря стараешься.

— И я не знаю, что такое жалость. Я военный, и для меня существуют две святые вещи — долг и приказ. Тебе вот сколько лет — сорок есть?

— Есть. И что из того?

— Никогда не задавался вопросом, как тебе удавалось выжить все эти годы? Почему

тебя до сих пор Дикие на шашлык не пустили, мутанты не сожрали, инфекции не прикончили? Откуда у тебя патроны, лекарства, жратва, наконец? Или ты все эти годы мутапсами да крысами питался, а, Зих?

— Что-то я не пойму, куда ты клонишь, майор.

— Давай выпьем, — Бескудников плеснул спирт в кружки. — Давай выпьем за тех, кто своей кровью и своими жизнями поддерживает существование вот таких вот островков более-менее нормального существования, как ваш городок и такие же городки, разбросанные по всему миру — по всему этому гребаному подыхающему миру, который все труднее спасти и еще труднее в нем выжить. Благодаря кому мы получаем все необходимое для того, чтобы производить оружие и патроны, латать электронные устройства и транспорт, выпускать медикаменты. За тех, кто находит старые забытые склады и хранилища стратегических резервов, убежища, арсеналы, защищенные минными полями, ловушками, прочей хренью. За тех, кто роется в руинах сгоревших библиотек и вычислительных центров и часто жизнями платит за один-единственный листок из книги, чудом уцелевший после Катастрофы. За сборщиков пепла, Зих. За тех, кто идет на задание, даже если оно кажется безнадежным, и никто не хочет им помочь его выполнить. Потому что цена выполнения любого из заданий, которое получают сборщики пепла — жизнь. Твоя, моя, Усача, жителей этого городка, ребят с Дальних Озер. Всех нас, Зих. Такая вот цена. — Майор вздохнул и залпом опорожнил кружку. — Все, свободен. Вопросов к тебе больше нет.

— Погоди, майор. Ты это серьезно про сына сказал?

— Нет, пошутил, — взгляд Бескудникова стал холодным и злым. — Вольно, охотник, иди, спи дальше.

— У меня был сын, Ленька, — сказал Зих. Поколебавшись, полез за пазуху и извлек из внутреннего кармана комбинезона старый жестяной портсигар. В портсигаре был сложенный вчетверо ветхий листок бумаги с полустершимся детским рисунком — три взявшихся за руки человечка рядом с домиком под овальным улыбающимся солнцем. Самый обыкновенный детский рисунок, только нарисованный угольком, а не карандашами. — Вот, все что мне от него осталось.

— А я своего хоронить не собираюсь. Не согласишься, хрен чать с тобой, другого проводника найдем, — Бескудников замолчал, вцепился пальцами в пустую кружку. — Так что убери рисунок, мужик, не трави душу.

— Майор, у вас же карты должны быть.

— Есть карты. Но они старые, чуть ли не столетней давности, напечатанные еще до Катастрофы. Не годятся они. Новых карт мы не сработали. Все сказал?

— Все. Давай теперь к делу вернемся. Этим, — Зих показал пальцем на винтовку на столе, — ты меня не купишь. Мне другая плата потребуется.

— Какая? Спирт, патроны, еда, лекарства, бронежилет? Чего именно ты хочешь?

— Я хочу получить пропуск на вашу базу, — сказал Зих. — А еще лучше, красный пропуск на двух человек.

— Зачем он тебе?

— Старею я, — Зих подумал, что не стоит открывать майору всей правды. — Хочется с женой моей остаток жизни прожить спокойно.

— Пропуск, говоришь? — Бескудников потер подбородок. — Это реально. Но все будет зависеть от исхода операции.

— Слово?

— Если проведешь людей туда и обратно без потерь, гарантирую тебе получение красного пропуска.

— Что я должен делать?

— Я же сказал — довести разведгруппу до Каменного Леса и вывести обратно в точку эвакуации.

— Сколько человек в группе?

— Три. Эксперт по Наследию и два бойца сопровождения.

— А чего так мало людей посылаете?

— А того, что рискованно это очень. Знаешь, что сейчас главное сокровище в этой жизни? Люди. Подготовленные, умелые и преданные делу. Посылать их на безнадежное задание нельзя. Риск оправданный должен быть. Вот если найдут разведчики объект, а в нем стоящее что-нибудь, отправим уже эвакуационную группу с армейским прикрытием. Заодно наши людипути выдвижения к объекту разведывают,

— Я могу с ними поговорить?

— Если ты согласен, я немедленно доложу начальству и устрою вам встречу где-нибудь за городом.

— Тогда слушай. Я буду ждать твоих людей послезавтра в шесть утра у разрушенного моста к северу от города. Ты должен знать, где это.

— Знаю, — Бескудников вздохнул. — Все-таки согласен?

— Жалко мне что-то твоих пацанов стало, майор. Сгинут они без проводника. Вы же их все равно пошлете — со мной, без меня, без разницы. Не хочу, чтобы они мне потом по ночам снились. — Зих разлил остатки спирта из кофейника по кружкам. — Я люблю спать крепко и сладко, майор. Без кошмаров. Да и своя корысть у меня есть, но о ней тебе знать не стоит. Только помни, о чем я тебя просил. Про пропуск помни. Сделаешь — до конца дней добром вспоминать тебя буду. А не сделаешь, врага себе наживешь, — Зих залпом выпил спирт, вытер рукавом губы. — Это я тебе обещаю.

Лиза была дома. Сидела у окна и чистила добытую где-то картошку — большую кастрюлю картошки. Зих вошел, коснулся губами ее волос. Когда-то у Лизы были великолепные волосы, но в последние месяцы они сильно поредели, на голове появились проплешины.

— От тебя пахнет спиртом и другой женщиной, — сказала Лиза, продолжая чистить картофель.

Зих промолчал. Поставил в угол винтовку и рюкзак, сбросил с плеча кофр с подаренной Бескудниковым снайперкой, стащил грязные ботинки, потом расстегнул комбинезон.

— Это была одна из девок Усача? — спросила Лиза, не поднимая головы.

— Я принес немного денег и еды, — сказал Зих.

— Я не осуждаю тебя, — Лиза бросила очищенную картофелину в таз с мутной водой. — Я понимаю, что ты меня больше не любишь. Но я не виновата в том, что моя красота исчезла. Это все болезнь.

— Я люблю тебя, — Зих подошел к жене, опустился на корточки, обнял ее за талию. — Для меня ты самая красивая и самая лучшая и всегда ей останешься.

— Но спишь ты с другими. — Лиза устало улыбнулась. — Я не сержусь. Я знаю, тебе

нужно быть с женщиной. Ты здоров, а я не могу дать тебе того, чего хотела бы.

— Приходил военный, предложил мне работу, — поспешно сказал Зих. — Я поставил условие — мои услуги в обмен на красный пропуск.

— И он согласился?

— Он обещал поговорить со своим начальством. Если мы получим пропуск, ты сможешь лечиться у военврачей на стационарной базе.

— Заботливый мой! — Лиза уткнулась лицом в плечо мужа. — Ты ведь и правда думаешь обо мне?

— Конечно. Мы уйдем из этого города, получим место на базе, и у нас будет все необходимое. Еда, лекарства, безопасность. Мы будем вместе стареть, и у нас будет надежда, — Зих ласково провел пальцами по щеке жены. Лиза посмотрела на него, и от этого взгляда сердце охотника дрогнуло. В глазах Лизы не было веры — только боль и какой-то странный неземной свет. — Тебя вылечат. Я сказал о тебе военному, и он пообещал мне особенное лекарство. Твоя болезнь, оказывается, замечательно лечится, на закрытых базах давно нашли способ бороться с ней.

— Все, чего я хочу, это быть рядом с тобой. — Лиза коснулась сухими губами губ Зиха. — Обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Не бросай меня. Будь со мной, пока я... пожалуйста.

— Не говори чепухи! — Зих сделал страшные глаза. — Я всегда буду с тобой. Ты моя жена.

— Знаешь, я сегодня видела такой странный сон, — сказала Лиза, глядя в сторону, — яркий, красивый. Будто мы гуляем по тому лугу, за старыми складами, где летом иногда вырастает зеленая трава. Ты, я и Ленечка, и он совсем маленький, годика три ему всего. Мы держим его за руки, — ты справа, я слева, — и ходим по лугу. Солнце яркое, теплое, и я чувствую, что вот-вот полечу. А потом ты говоришь: «Простите, мои милые, мне надо пойти поохотиться». И уходишь. И мы с Ленечкой остаемся вдвоем.

— Пустой сон, — Зих крепче прижал к себе жену. — Сны вообще дело пустое. О жизни надо думать, не о снах.

— Прости, я не успела приготовить поесть. Ты отдохни, я сейчас сварю тебе картошки. Ева дала мне кусочек настоящего свиного жира, у нас будет чудесный обед.

— А к картошке будут концентраты, — Зих начал выкладывать из сумки припасы, полученные от Усача. — Смотри, это самая настоящая вермишель. Редкая штука. А еще есть гороховое пюре и вот это, витаминизированные сухие завтраки. Их военные получают. Хорошая штука.

— А картошка и жир настоящие, — ответила Лиза, даже не взглянув на коробки и пакеты с едой. — И полезные.

— Не спорю, — Зих достал из кармана куртки лекарства. — А это я у Филлипыче выменял на тушенку. Тебе. Он специально для тебя их приберег, я просил.

— Врет он все, — с обреченной улыбкой произнесла Лиза. — Но спасибо тебе, ты все такой же заботливый. Родной ты мой, ласковый...

— Лиза, не надо. Я делаю, что могу.

— Я знаю. Подождешь еще немножко, пока твоя копуша-женушка обед сготовит?

— Я не голоден. Лучше поговори со мной.

— Когда ты уходишь?

— Завтра утром. Меня не будет неделю-другую, но ты ведь не будешь без меня скучать?

— Постараюсь. — Снова эта слабая почти детская улыбка, от которой сжимается сердце. — Ты так внезапно и надолго пропадаешь, что я не могу к этому привыкнуть.

— Пора бы. Сколько мы вместе, почти двадцать лет?

— Девятнадцать лет, семь месяцев и тринадцать дней.

— Так точно? Ты что, считаешь каждый день?

— Нет, просто однажды вот так вот сидела одна дома и решила посчитать, сколько же времени я тебя терплю. Удивила?

— Да, если честно. — Зих еще раз поцеловал жену. — Я отдохну немного, меня что-то от выпивки морит.

— Конечно. Я сейчас закончу с картошкой и займусь обедом. А когда все будет готово, разбужу тебя.

Зих еще раз посмотрел в лицо жены. Падающий в окно свет осеннего пасмурного дня сделал его и вовсе безжизненным, будто восковым. А глаза Лизы — они будто пеплом засыпаны. Тоска в них, смертельная тоска. Болезнь берет свое, еще немного, и никакой красный пропуск для Лизы больше не понадобится...

Зих вспомнил — в который раз, — какой красивой была Лизонька, когда они начали встречаться. Красивее ее не было девушки во всем мире. Это все холод. Страшный могильный холод, который господствует в этих местах семь месяцев в году. Это он, холод, выпил жизнь из Лизы, его единственной, любимой, ненаглядной. Он наполнил ее тело вечным ознобом и смертной слабостью замерзающего. И теперь этот холод будет очень трудно прогнать, если вообще возможно.

Здесь она умрет, как умерли до нее сотни. Красный пропуск — вот спасение.

Зих лег прямо на колючее пахнущее псиной покрывало и закрыл глаза. В голове шумело, тело отяжелело и отказывалось подчиняться, а на душе было темно и смутно. Возможно, завтра он уйдет из этого дома и уже никогда не вернется обратно. Оставит Лизу один на один с этим проклятым миром и с болезнью, которую они все еще надеются победить. Внезапно Зиху стало страшно. Если Лиза покинет его, что у него останется?

Ничего. Его семья, его жена и сын станут просто воспоминанием.

Зих приоткрыл глаза и посмотрел на жену. Лиза по прежнему сидела над ведерком с картофелем и чистила клубни. Аккуратно, типично по-женски, снимая кожуру тоненькими лентами. Тяжелый страх сразу отступил, стало легче дышать. Зих больше не чувствовал себя одиноким.

Лиза пока еще с ним. И он сделает все, чтобы она осталась с ним навсегда. До самой последней минуты его жизни. Надо верить, что все будет хорошо. Он много раз обманывал смерть, обманет еще раз. Все, что ему нужно — это красный пропуск в реальность, в которой еще может случиться чудо.

В которой еще можно будет надеяться на исцеление.

— И пришел день, о котором говорили Пророки.

Предания говорят, что это был обычный солнечный летний день — солнце будто прощалось с человечеством. Мы никогда не узнаем, как же ярко светило оно в тот

последний день. Люди наслаждались его теплом, и мало кто обращал внимание на глухие раскаты, похожие на звук далекого грома.

Люди думали, что приближается гроза.

Думали...

Никто не догадывался, что раскаты — это эхо от рева двигателей запущенных боевых ракет, уже летевших к своим целям.

Сначала была вспышка, затмившая солнце, и сам воздух стал пламенем. Кипели озера и реки, плавилась камень и металл, испарялась живая плоть. Ударная волна сметала города, целые кварталы взлетали в воздух, превращаясь в пыль, огненный ураган нес над горящей землей вагоны, автобусы, арки мостов, многотонные обломки зданий. А потом стало тихо, и в этой тишине был только гул бесчисленных пожаров, заглушавший крики миллионов умирающих. Крики затихли быстро, а пожары бушевали еще много дней, пожирая все то, что не сгорело в первые мгновения Катастрофы, и небо стало черным от дыма и пепла, и солнце больше не светило, потому что настала ночь, подобная мраку смерти.

Мир погрузился в тьму и свирепый холод, и продолжалась Великая Тьма восемьдесят лет. Погибли миллиарды, спаслись единицы. Их уделом стало вечное заточение в подземных убежищах, жизнь без солнца и надежды...

— Учитель, почему это случилось?

— Это было предопределено, Зих. Так решили высшие силы.

— Бог?

— Да. Возможно, это Бог так решил.

— Но почему погибли все? Ведь люди бывают разные, хорошие и плохие. Почему погибли хорошие?

— Не все хорошие люди погибли, Зих. Мой дед выжил. И твой прадед, и предки всех, кто сегодня живет в нашем городе. Они спаслись, и когда закончилась Вечная Тьма, вышли из убежищ и начали заселять этот мир.

— Зачем они это сделали, учитель? Здесь плохо.

— У них не было выбора. Их убежища приходили в негодность, и оставаться в них было нельзя.

— Учитель, если все они были хорошие, откуда тогда появились Дикие?

— Не все смогли остаться людьми в этом мире, Зих. Он был слишком жесток.

— Я бы лучше оставался в убежище.

— Человек не может без солнца, Зих. Когда ядерная ночь кончилась, и в сгоревший мир снова пришел свет, потомки выживших узнали об этом, и не было силы, которая могла бы остановить их стремление снова увидеть солнце. Их не пугали мороз и льды, покрывшие землю, семимесячная зима, отсутствие пищи, радиация и свирепые чудовища, порожденные новым миром. Они хотели жить, Зих. И это было правильное решение. Они видели, как жизнь понемногу возрождалась, как на пепелищах вырастали новые деревья из чудом уцелевших в ядерном пожарище семян. Бог не оставил этих людей, они смогли вернуться и пустить корни, подобно тем деревьям, что сегодня растут на вчерашних пожарищах. Бог видел их стремление жить, и то, что мы сегодня можем видеть свет солнца, говорит о многом. Учись видеть скрытое, тайное, и ты поймешь, что все не так плохо, как кажется. Я уже стар, и не увижу нового прекрасного мира, который обязательно будет, но ты его увидишь. В этом смысл веры, Зих. Этот мир наследуют только те, кто будет верить несмотря ни на что. Научись верить, мальчик. Научись

верить...

Идти по раскисшей земле было тяжело, черная липкая грязь прилипала к подошвам ботинок, но Зих не останавливался, пока не дошел до погоста, окруженного оградой из прибитых к кольям проржавевших кусков кровельного железа. Вход был закрыт рогаткой из колючей проволоки. Зих отодвинул его и прошел к могилам.

Могила старого Снигиря была в дальнем конце погоста. Просто осевший почти вровень с землей холмик, из которого торчал кусок ржавого металла. На железке еще можно было разобрать нацарапанную надпись — «СНИГИРЬ УЧИТЕЛ ВЕРЫ». Зих постоял у могил, выкурил сигарету, потом положил на холмик пару сигарет и сушеную рыбину, и пошел дальше, в Детскую, туда, где жители городка № 13 хоронили детей.

Здесь было много могил. Дети в городке № 13 умирали часто. Еще несколько лет назад место, где покоился их Ленька, было с самого края Детской, теперь же ряды могил потянулись дальше, к ограде. Зих нашел Ленькин холмик, опустился возле него на корточки и снова закурил. Сидел молча — у Зиха не было привычки разговаривать с покойниками. Они все равно ничего не слышат, какой смысл в таких разговорах? Да и времени у охотника было немного. Начинает светать, а до разрушенного моста идти около часа. Зиху не хотелось, чтобы его ждали.

Он докурил сигарету, оставил на могиле разноцветную обертку пищевых концентратов и вареную картофелину из своих припасов, а потом встал, скинул с плеча «Стормер» и выстрелил в воздух. Горячую стрелянную гильзу подобрал, положил рядом с оберткой и картофелиной и, не оборачиваясь, вышел с кладбища. Впервые в жизни ему казалось, что души умерших смотрят ему в спину.

СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Порыв северного ветра налетел внезапно, и Зих почувствовал его леденящее дыхание даже в термокомбинезоне. Мост был метрах в ста прямо перед ним — восходящее солнце окрасило его ржавые арки в кроваво-кирпичные тона. У входа на мост Зиха ждали четверо: армейцы оказались людьми пунктуальными.

— Рад видеть тебя, — сказал майор Бескудников, глядя на охотника. — И рад, что ты не передумал.

Зих не ответил, лишь машинально пожал протянутую руку майора. Двое из людей Бескудникова были в стандартном армейском снаряжении: камуфлированных утепленных комбинезонах, тактических шлемах и бронежилетах, за спинами тяжелые рюкзаки, через плечо у обоих штурмовые винтовки АСР «Шквал» с четырехзарядными подствольными дробовиками ближнего боя. Хорошее оружие, надежное, мощное и очень дорогое. А вот такого обмундирования как у третьего члена группы Зих раньше не видел — оно было черным и лоснящимся, совсем как кожа живоглота. Лица за тактическим шлемом с тонированным забралом не разглядеть. Тяжелый бронежилет был тоже черным, с эмблемой на груди — голубой кружок, в нем черная человеческая фигура, поднявшая вверх обе руки, будто желая коснуться неба. Рюкзак у военного в черном был, а вот оружия никакого почему-то не наблюдалось.

Зих заметил, что нигде не видно следов от транспорта, доставившего спецгруппу к мосту. Значит, одно из двух — либо военных перебросили сюда по воздуху на каком-нибудь летательном аппарате, либо они еще вчера или позавчера находились в городке, и Бескудников встретился с ним уже уверенный в том, что отказа не последует.

Военные в камуфляже при приближении Зиха сняли шлемы, и он мог видеть их лица — совсем еще молодые люди, лет по двадцать пять, не старше. Сильные, здоровые. Зих почувствовал нечто вроде злобы. Эти молодцы будто из другого мира сюда прибыли. В городке № 13 нет людей с такими цветущими лицами.

— Капитан Бескудников, — представился первый, протягивая Зиху руку. — Можно просто Леша.

— Зих, — коротко бросил охотник и посмотрел на майора. Бескудников сказал правду, послал сына на задание. Значит, доверяет...

— Лейтенант Небогатов, — сказал второй военный, глядя на охотника ясными серыми глазами. — А вы...

— Зих, — повторил охотник. — Почему третий без оружия?

Человек в черном поднял тонированное забрало шлема. Зих увидел лицо и вздрогнул. Женщина. Совсем еще девочка, чтоб ее.

— Баба? — спросил он ледяным тоном. — Хотите, чтобы я за бабу отвечал?

— Не баба, а старший эксперт группы HEAVEN, капитан Елена Гернер, — сказала женщина. — А что, собственно, наш великий истребитель мутантов имеет против женщин?

— Ничего не имеет, если они не лезут в мужские дела, — сказал Зих и повернулся к майору. — Я отказываюсь быть проводником у твоих людей. Счастливо оставаться. Твою

винтовку и патроны заберешь у Усача.

— Постой, ты чего? — Майор явно не ожидал такого развития событий. — Мы же...

— Мы договаривались, что со мной пойдет боевая группа, — Зих выделил слово «боевая». — Разведчики. А нянчиться с девками я не подписывался.

— Погоди, не горячись, выслушай сначала. Елена такой же офицер спецподразделения, что и другие ребята. Просто у нее другая задача.

— Задача? — Зих сделал вид, что не замечает, с каким презрением смотрит на него девица в черном. — У нее даже оружия нет. Какой от нее толк, если напоремся на Диких или на тварь какую? Она хоть соображает, куда собралась идти?

— У меня пистолет есть, — заявила Елена.

— Пистолетом будешь от себя надоедливых женихов отгонять, — бросил Зих. — Пистолет у нее, ишь ты! Рогатку бы еще взяла...

— А вот не твое это дело, — ответила Елена, сверкнув глазами.

— Ты обманул меня, майор, — Зих даже не взглянул на рассерженную девицу. — Я не хочу лезть во все это.

— Зих, ты неправ, — примирительным тоном сказал Бескудников-старший. — Елена боевой офицер. Она отлично стреляет и владеет взрывным делом, а еще умеет управлять сознанием. Ты же понятия не имеешь, как их готовят...

— Не надо, товарищ майор, — сказала женщина, шагнула к Зиху и посмотрела ему прямо в глаза. — Он же просто цену себе набивает. Без него обойдемся.

Так, вот в чем дело, подумал Зих — в этой группе девчонка командует. Она здесь старшая. И еще охотник заметил, что у сердитой девицы очень красивые глаза. Янтарно-золотистые, оттененные длинными черными ресницами и полные хищного блеска. И в этих глазах был гнев.

— Обойдетесь, так обойдетесь, — Зих криво улыбнулся. — Счастливого пути на тот свет.

Он повернулся к военным спиной и зашагал к мосту, но тут женщина его окликнула. Он не остановился, но немного сбавил шаг.

— Показал характер? — спросила Елена, догнав его. — Я так и знала, что ты устроишь нам маленькое представление. А теперь взгляни сюда.

В ее руке был красный пропуск — маленький квадратик красного пластика с голограммой в центре. То, что Зих назвал своей ценой за помощь разведгруппе.

— Это пропуск для одного человека, — сказала Елена. — Для твоей жены, Зих. Если мы все сохнем в этой дыре, Лиза все равно попадет на базу. Я знаю, что ты ради нее на это дело подписался. Если ты сейчас уйдешь, я этот пропуск выброшу, а файл в компьютере базы будет уничтожен. Так будем говорить, или нет?

— Я просил пропуск на двоих, — сказал Зих, стараясь не встречаться с сердитой девицей взглядом.

— Будет тебе пропуск, обещаю. Если вернемся живыми, ты сможешь без всяких формальностей пройти на базу. Твои данные уже вписаны в компьютер. Этот пропуск я сделала на тот случай, если мы все погибнем. согласишься сопровождать нас, и я отдам его майору Бескудникову, он обо всем позаботится.

— Ты можешь мне объяснить, что происходит?

— Секретная операция происходит, вот все, что тебе следует знать.

— Секретная операция, значит? — Зих шумно втянул носом воздух. — Тааак. От меня

вы хотите, чтобы я провел вас в Каменный Лес. Самой безопасной дорогой и вывел потом без потерь. Трех человек, один из которых невооружен, да еще баба. Такая значит у вас секретная операция?

— Тебе что за дело? — спокойно спросила Елена. — Есть задача, вот и выполняй. Остальное мы будем делать.

Зих хотел ответить резко и недвусмысленно, куда им всем идти с их задачей. Но кусочек красного пластика был все еще в пальцах женщины-офицера, и Зих справился с собой. Как бы то ни было, он согласился помочь военным только ради Лизы. Другого шанса просто не будет. Никогда.

— Ты невооружена, — сказал он, чтобы хоть что-то сказать. — Хочешь сказать, я должен прикрывать твой зад?

— Я сама позабочусь о своей заднице, — презрительно ответила Елена. — Хочешь покажу кое-что?

Она скинула с плеч рюкзак, раскрыла его и вытащила длинноствольный автоматический пистолет с закрепленным под дулом лазерным дальномером.

— Это, — начала она тоном, которым обычно разговаривают со слабоумными, — тактический пистолет Гриссом М-25, модификация «Уайлдкэт», калибр 38, с усиленной остроконечной пулей. Бронежилет стандарта CRISAT такая пуля пробивает со ста метров. Магазин на 16 зарядов. Мое любимое оружие. Выбери какую-нибудь цель, я тебе кое-что покажу.

— Цель? — Зих усмехнулся. Поискал глазами и остановился на покосившемся ржавом дорожном знаке в дальнем конце моста. До него было метров сто-сто двадцать. — Хорошо. Вон тот знак у выезда с моста. Хоть одной пулей в него попади, и тогда я тебя в зад поцелую.

— Да? — Елена хмыкнула, передернула затвор и, ухватив пистолет обеими руками, повернулась лицом к мишени. — Тогда вытри губы, чтобы мне гузно не облизывать.

Она почти не целилась. Стреляла бегло, на то, чтобы расстрелять все шестнадцать патронов, ей понадобилось секунд шесть-восемь. Закончив пальбу, с вызовом посмотрела на Зиха.

— Иди, проверь, — предложила она.

Зих не стал ничего говорить. У него звенело в ушах от стрельбы, а еще больше его раздражала глупая бравада девки. Этот дурацкий спор затеял не он, так что нечего болтать, лучше просто посмотреть на результат. Он шел по мосту и чувствовал, что девица следит за каждым его шагом. И еще за десяток метров до знака он понял, что проиграл спор. Железка была просто искорежена выстрелами. Вряд ли эта чертова девка хоть раз промахнулась.

— Ты выиграла, — сказал он, вернувшись. — Все шестнадцать пуль пришли домой. Тебя прямо тут поцеловать, или в сторону отойдем?

— Перебьешься, — девица убрала пистолет обратно в рюкзак, с еще большим вызовом, чем прежде, посмотрела на Зиха. — Ну, так как, надо меня пасти, или нет? Все еще думаешь, что если женщина, ее только раком ставить можно?

— Не все ли равно, что я думаю? — Зих перехватил взгляд майора. — Только запомните все трое, герои — главный в группе я. Мне плевать на ваши уставы и на ваши таланты великие, хоть раз не послушаетесь меня, считайте, что не жильцы. Не о вас забочусь, о своей душе. За три жизни я потом перед Богом ни за что не отчитаюсь.

— Хорошо, Зих, — Бескудников явно испытал облегчение. — Они все поняли.

— Я все поняла, — сказала Елена. — Теперь ты созрел для того, чтобы начать работать?

— Да, — ответил Зих. Он уже ненавидел эту девку всей душой, но у нее был красный пропуск для Лизы, и ради этого стоило засунуть свою ненависть поглубже в душу. — Только пистолет держи под рукой. Так мне спокойнее будет.

Труп живоглота исчез. Остались только бурые брызги крови на камнях и серебристые следы подсохшей слизи. Мутапсы, сожравшие труп, даже кровавую лужу вылизали подчистую. Военные ничего не сказали Зиху, но по их лицам и взглядам было заметно, что они разочарованы. Уж очень они хотели увидеть легендарного монстра в натуре. Зих почти не сомневался, что самых опасных тварей Внешних земель эти щеголеватые ребята видели только на картинках. Молокососы, да еще с большим гонором...

— А логово? — спросил его капитан Бескудников. — Там среди останков может быть что-нибудь интересное.

— У живоглота нет постоянного логова. Свою добычу он рвет на части и прячет в разных местах. Так надежнее, если до мяса доберутся падальщики, кое-что обязательно останется.

— И много ты убил живоглотов? — спросила Елена.

— Одного. Если надо — еще убью.

— Самонадеянно, но звучит сильно. — Елена показала охотнику какой-то приборчик, который держала в левой руке. — Радиации тут нет. Совершенно нормальный фон. Ты здесь все осматривал?

— До меня эти развалины куча народу облазила, — Зих усмехнулся. — Думаешь, найдете тут что-нибудь интересное? Не трудись. Одни ломаные кирпичи да дерьмо собачье, ничего больше не попадет. Отсюда давно унесли все мало-мальски ценное.

— Я о живоглоте, — сказала Елена. — Хорошо бы его припасы найти, осмотреть.

— Ищи, — Зих достал из коробки сигарету, закурил. — Я не буду.

Глаза Елены гневно сверкнули, но она промолчала. Зих был рад этому — у него не было ни малейшего желания спорить с девкой.

— Ветер поднимается, — сказал он. — Надо искать место для ночлега. Я знаю тут одно безопасное местечко, пошли, проведу.

Военные быстро и сноровисто обустроили стоянку у подножия холма к северо-востоку от руин Приреченска. Вбили в землю четыре телескопически раздвигающиеся стойки из легкого металла, зацепили на них тончайшую матовую пленку — получилось нечто вроде маленького периметра, защищавшего от пронизывающего ветра. Еду согрели на портативной спиртовке. Когда ужин был готов, Елена протянула Зиху пластиковую миску с разогретым зеленоватым пюре.

— Что это? — спросил Зих. Ему до сих пор не доводилось пробовать такого. Пюре

имело слабый грибной запах и напоминало по вкусу кашу из съедобного мха, который можно было в теплое время года собрать в болотистых местах.

— Концентрат из водорослей, — пояснила Елена. — Мы его в наших лабораториях получаем. Полезная штука, много витаминов и йода, от радиации помогает здорово.

— Интересно, — Зих отправил в рот очередную порцию пюре. — Вы на базах сами пищу получаете?

— Да уж, получаем. Если бы только на довоенных запасах жили, давно бы с голоду передохли.

— У нас этого нет, — Зих постучал ложкой по краю чашки. — Негде жратву выращивать.

— Ну, картошку вы растите, ведь так?

— Растим. И морковки немного, бывает, уродится. Но в холодное время на овощах одних не выживешь. Без мяса никуда. Мясо в нашем мире — это жизнь.

— Знаю, — Елена сполоснула свою ложку водой из фляги. — Видела в городках свиней. Интересно, что они у вас едят. Картошку?

— И картошку тоже. Свинья вообще-то всеядна, как человек. Снигирь, мой учитель рассказывал, что потому-то после Великой Зимы только свиньи и собаки выжили, что все едят. Коровы, овцы и куры еще лет эдак тридцать назад повсеместно передохли от бескормицы. Не жильцы они были в нашем мире.

— У нас в исследовательских центрах они есть, — сказала Елена. — Немного, но есть. Уже шестое поколение животных, когда-то сохраненных в специальных убежищах. Проект «Ноев ковчег», я, между прочим, по нему свою диссертацию защищала. Твоя правда, прокормить их куда труднее, чем свиней. Но мы что-нибудь придумаем. Сейчас новые технологии по производству биомассы отрабатываются, они помогут. Мы даже от коров немного молока получаем. Здорово, да?

— Свиньи лучше, — сказал Зих. — Они не привередничают. Бывает, Дикими их подкармливаем. Прикончим Дикого, и свинкам его на съедение.

— Это что, шутка? — нахмурилась Елена.

— Ничуть. Зачем добру пропадать?

— Свиньи-людоеды, — Елена издала растерянный смешок. — Вот этого я не слышала.

— А сами-то вы пробовали что-нибудь из нашей еды? Тех же мутапсов или крыс?

— Бог миловал, — ответил за всех Бескудников и покраснел, будто сказал что-то нехорошее.

— Будет оказия попробовать, — сказал Зих, и по его тону было неясно, то ли шутит он, то ли серьезно говорит. — Сразу скажу, крысы вкусные. Мясо нежное, косточки мелкие, но есть надо аккуратно, легко губу или небо наколоть. А у мутапса мясо как подошва жесткое и вонючее. Но жрать захочешь, и его упишешь за милую душу.

— Меня сейчас вырвет, — сказала Елена.

— Привыкай, капитан, ты не на базе своей, а в моем мире, и тут на все пойдешь, чтобы выжить. Ваших припасов из рюкзачков может не хватить, так что охотиться будем. А то и человечину отведаем.

— Ну, это хрен тебе! — взорвалась Елена. — Мытебе не каннибалы какие-нибудь. Сам жри свою человечину.

— А я ее ел, было дело, — спокойно ответил Зих, закуривая. — Пришлось однажды, два года назад. Попал я в сильный буран и заблудился. Мороз под тридцать пять, ветер с ног

валит. Хорошо, вышел на какие-то развалины, а там парочка Диких убежище нашла. В обычное время мы бы перестреляли друг друга, а тут перемирие заключили — им жить было охота, да и мне белый свет еще не настаиграл до конца. Короче, трое суток сидели в этих руинах, буран пережидали. Припасов у меня ноль, а у Диких только половина женской ноги, они со мной и поделились за пару сигарет. Вот и умяли мы эту ногу в три морды под вой бурана. Чего смотришь так на меня?

— И ты так спокойно об этом говоришь? Вообще непонятно, к чему ты это рассказал.

— А к тому, что смотрю я на вас и думаю: неправда все это, что в этом мире всем одинаково горько. Вот все у вас по-людски — пленочка ветронепроницаемая, спиртовочка с сухим спиртом, концентраты разные, лекарства, чистая вода. На такое снаряжение как у вас мне за всю жизнь не заработать, а я в своем деле и в этом мире не последний человек. Человечину, крыс и собак вы не жрали, сами говорите. Трудно мне потому вас понять, а вам меня. Общий у нас мир? Наверное, общий. Но вам в этом холодном мире местечко потеплее досталось. А мне довелось в самих глубинах ада родиться и жить. Сам не понимаю, почему до сих пор живой хожу. — Зих помолчал. — Чего-то не так говорю?

— Наверное, все то. Но ты ведь главного не знаешь. Этот мир такое пережил, что не опишешь. И мы стараемся хоть немного помочь всем. И тебе в том числе.

— Помочь? Может быть. Но только помощи вашей что-то не видно пока.

— А ты чего хотел? — Елена начала злиться. — Знаешь, сколько военных баз осталось в этой зоне? Всего три плюс научная лаборатория на Дальних Озерах. Остальные объекты давно заброшены. Вот это зеленое пюре — думаешь, много его у нас? Наша установка производит его всего восемьдесят килограммов в месяц. И наше снаряжение, которое у тебя такую зависть вызвало, не у всех есть. И на базе люди порой голодают, болеют и умирают. Так что не надо тут делить всех на чистых и нечистых. Если думаешь, что база — это рай, то ты ошибаешься.

— Рай, не рай, а если подойду я к военной базе, меня туда не пустят. И жену мою, хоть болеет она. И всех моих соседей из городка. Ладно, просто не пустят, а то еще выстрелами отгонят, как Диких. Или неправду говорю?

— Ты просто системы не знаешь. Зих, — Елена отчаянно пыталась сохранить спокойствие, ее злил этот разговор, но еще было ощущение, что этот седеющий, костлявый человек с непроницаемым изможденным лицом говорит правду — горькую, страшную, но правду. — Это не потому, что мы вас ни во что не ставим. У каждой базы свой ресурс выживания, понимаешь? Не можем мы всех принять, при всем желании не можем. Не думай о нас плохо.

— Ничего я не думаю, — Зих отшвырнул окурок. — Ложитесь спать, бойцы. Подниму вас рано, потому что завтра пойдем на Котловину. Там надо путь по минутам рассчитывать, потом поймете, почему. Хватит о пустом говорить. Все равно, не пойдем мы друг друга до конца. Не пойдем...

Переход до Котловины прошел без происшествий, и Зих слегка успокоился. Военные оказались крепкими и хорошо подготовленными, тридцать километров с полными рюкзаками преодолели всего с двумя короткими привалами, без нытья. Зих повел группу не обычным путем к Котловине, по разрушенному шоссе, а по руслу давно высохшей реки —

здесь обзор местности был гораздо лучше, поскольку леса в речной долине практически не было, а значит, гораздо меньше был риск неожиданно наткнуться на Диких. Местность к югу от Котловины была ничейной землей, Дикие не считали ее своими владениями, но появлялись тут время от времени, и встреча с ними не сулила отряду ничего хорошего. Так что Зих не стал рисковать ради нескольких выигранных километров расстояния и повел своих подопечных путем более длинным, но менее опасным.

Как и надеялся Зих, к закату они вышли к лучшему убежищу в районе Котловины — руинам фермы, посреди которых торчала силосная башня. Часть ее обшивки отвалилась, особенно наверху, но в нижней части башни Зих не раз во время своих вылазок находил отличное укрытие от непогоды и мутантов. Оставалась одна, последняя предосторожность — проверить башню на предмет нежелательных квартирантов.

— Ждите здесь, — велел Зих своим спутникам и двинулся к башне.

Вокруг башни громоздились кучи битого кирпича и щебня, искореженные ржавые останки машин, покрытые мхом и сизой ядовитой плесенью обломки бетонных плит. Зих почувствовал острый мускусный запах, непременный спутник мутапсов, но самих тварей было не видно. Хорошо это было или плохо, Зих пока не знал — с одной стороны, отсутствие вездесущих и надоедливых собак сэкономит время, нервы и патроны. Но псов, которые постоянно тут ошивались, мог кто-то спугнуть. Существо, которое было сильнее и опаснее.

Зих снял винтовку с предохранителя, медленно, глядя по сторонам, зашагал к башне. Никаких признаков того, что сюда наведывался живоглот, пока на глаза ему не попались. Впрочем, такие вот удобные укрытия, возвышающиеся над местностью и дающие отличный обзор местности, жалуют и мартихоры, и крылатки — и кое-кто пострашнее...

Упробитого в корпусе входа Зих задержался, прислушиваясь к звукам внутри башни, собрался и быстро скользнул внутрь. Башня была пуста. В углублении на полу виднелась большая куча белого пепла и обгоревших собачьих костей — совсем недавно тут ночевали Дикие. Теперь можно со спокойной душой вести гостей в башню.

— Уютное местечко, — сказала Елена, когда они вошли внутрь. — И почти совсем не дует.

— Вы останетесь здесь, — сказал Зих. — Никуда не выходите после наступления темноты, это опасно.

— А ты?

— Я буду рядом. Первую половину ночи, потом кто-нибудь из ваших меня сменит. Сами решите, кто.

— Я сменю, — сразу вызвался молодой Бескудников.

Зих кивнул и вышел из башни. Ему очень хотелось побыть одному.

Славную штуку придумали эти ученые. Стоит нажать маленькую кнопку на вмонтированном в пояс пульте — и по тысячам проводков, проложенных в подкладке комбинезона, как по кровеносным сосудам, начинает струиться божественно приятное тепло. Конечно, элемент питания надо заряжать, и за такую зарядку проклятый Усач берет

целое состояние — сто довоенных банкнот, — но в холодную погоду о потраченных деньгах как-то сразу перестаешь жалеть. Тем более что с недавних пор Зих пользовался у Усача неограниченным кредитом.

Есть только одна опасность — в дозоре систему обогрева лучше надолго не включать. Тепло просто-напросто сморит. Так, самый короткий режим обогрева можно себе позволить, чтобы не заоченеть на ледяном ветру, который дует по ночам даже летом. Да и элемент в коротком режиме разряжается медленно, хватит надолго.

Свой комбинезон Зих купил в рассрочку, и в общем отдал Усачу тысячу двести банкнот. Эти деньги он собирал очень долго, зарабатывая на трофеях, и тщательно обыскивал развалины, стремясь углядеть то добро, до которого за минувшие годы не добрались мародеры. Деньги попадались в самых неожиданных местах — однажды Зих нашел целую пачку банкнот в трубе разрушенного туалета. Проклятый Усач рассматривал каждую банкноту, не брал надорванные или попорченные плесенью, хотя сам частенько платил именно такими. Так или иначе, Зих получил комбинезон. Это была старая модель ТКБС «Альпин», несомненно, армейского образца, таинственными путями попавшая в магазин Усача, как и многое другое снаряжение, которым тот торговал. В ту пору Зих не знал наверняка, что Усач плотно сотрудничает с военными — так, догадывался. Но только у Усача можно было купить штуки, которых Зих не встречал больше нигде — те же оптические, коллиматорные или тепловые прицелы, или сверхъёмкие энергобатареи. Купленный у Усача комбинезон был великолепен. Да, он был старым, чиненным, в защитной кирасе не хватало одной титановой бронепластины (Зих потом докупал ее, опять же у Усача), но система обогрева работала исправно, элемент был новеньким, а это было главное. Второго такого комбинезона в городке № 13 не было ни у кого. После собачьей парки такой комбинезон казался чудом, достойным богов. Однако радость Зиха была омрачена — в тот месяц, когда он наконец-то расплатился с Усачом за покупку, у Лизы появились первые признаки болезни.

Прежде Зих думал, что самыми ценными вещами в жизни являются мясо, спирт и боеприпасы. Мясо давало жизнь, спирт — радость, патроны — силу и надежду. Однако, когда доктор Филиппыч сказал ему, что с Лизой, Зих понял, что есть еще одна, главная ценность, о которой он прежде никогда не задумывался.

— Я спасу ее, — сказал он тогда Филиппычу. — Скажи, что надо делать.

— Вот, — врач протянул ему грязный листок, на котором были написаны названия лекарств. — Усача попроси, он достанет.

— Они вылечат Лизу?

— Нет. Но какое-то время она еще поживет.

— Что может ее вылечить?

— Ничто, — Филиппыч похлопал Зиха по руке. — Но несколько лет жизни ты можешь ей подарить.

— Я не верю, — сказал Зих. — Должен быть способ.

— Возможно, Зих. Но я ничем больше не могу помочь Лизе и тебе. Если у меня появятся новые лекарства, я сообщу...

Усач взял с него двести банкнот за две маленькие коробочки пилюль — весь его гонорар за уничтожение мартихор-людоедов в Забытых тоннелях. Лекарства стоили очень дорого, куда дороже спирта, мяса и патронов. И Зих впервые спросил Усача о военных.

— Брось, — сказал ему Усач. — Им не до тебя. Им на всех нас плевать. Они сидят по

своим базам, окруженным минными полями, и думают только о себе. Им все равно, будем мы жить, или сдохнем.

— Я хочу вылечить Лизу.

— Мне очень жаль, Зих, но это пустая затея, уж поверь мне. Люди умирают, и твоя Лиза будет ни первой, ни последней. Найдешь себе другую бабу.

— Мне не нужна другая, — сказал Зих и вышел из магазина, сжимая в кулаке купленные таблетки. Он был зол на Усача, но в глубине души понимал, что проклятый торгаш прав. Снежная болезнь давно поселилась в их городке, и из ее цепких когтей еще никто не ушел живым.

Таблетки не помогли Лизе. И Зих стал бояться, что однажды, вернувшись с охоты, он обнаружит дома только смертную тишину и пустоту, которую уже ничто не сможет заполнить...

Воспоминания Зиха прервал мелодичный сигнал блока питания — нужный микроклимат был установлен, и нагрев комбинезона автоматически отключился. Охотник посмотрел на часы: время подходило к двум ночи. Его подопечные сейчас уже десятый сон видят. Пора возвращаться в башню и будить Бескудникова, пусть покараулит.

Чувство опасности пришло внезапно, его будто принес холодный порыв налетевшего ветра. Оттуда, с северной стороны, с неглубокого оврага, подходящего к башне. Зих немедленно вжался в землю, как встревоженный хищный зверь, припал к окуляру прицела. Осторожно включил тепловой режим.

Вначале в прицеле была тьма. А секунду спустя Зих заметил два очень слабых источника тепла. Дальномер определил дистанцию — порядка пятидесяти метров. Кинжальная дистанция, неведомые твари подобрались слишком близко. Зих похолодел: такое слабое тепловое излучение вполне может быть у живоглота. Оно даже ниже, чем у мутапса, кожный секрет твари хорошо поглощает тепло. Два живоглота, подобранных на расстояние в полсотни метров — это верная смерть и для него, и для военных.

Одно из слабо светящихся пятен оказалось на перекрестье прицела, вспыхнула зеленая точка автозахвата цели. Зих задержал дыхание, и нажал на курок. Не успела отзвенеть стрелянная гильза, и в валуны над головой Зиха что-то влетело с неприятным шелестом, выбивая из камней искры и крошево, осыпавшее охотника. Зих поймал в прицел второе пятно и выстрелил, потом еще раз. Из оцепенения он вышел, лишь когда перед его глазами заплясали лучи фонарей и возникло испуганное лицо Бескудникова.

— Зих, что случилось? — выпалил военный.

Охотник не ответил. Несколько секунд они смотрели друг на друга молча.

— Я, кажется, попал, — наконец, ответил охотник. — Идем, посмотрим.

Люди. Один лежал на пригорке, уткнувшись лицом в замшелый камень, второй скатился на самое дно оврага, и его не сразу обнаружили. Зиху очень не понравились лица военных, рассматривавших мертвецов.

— Значит, они нашли нас, — сказал Бескудников, глядя на Елену. — Конспираторы, мать вашу!

Елена ничего не сказала, просто присела на корточки возле трупа у камня и попыталась перевернуть его на спину. Небогатов помог ей. В свете фонарика Небогатова Зих мог рассмотреть покойника. Это не Дикий. Такого снаряжения Зих никогда не видел. Комбинезон почти такой же, как у Елены, но бронежилет другой, с высоким воротником. Материал комбинезона без блеска, и Зиху показалось, что его фактура непонятным образом копирует цвет и фактуру черной промерзшей земли, на которой сейчас лежал труп. Никаких знаков отличия, никакой поклажи, кроме фляги с водой и сумки с боекомплектом и аптечкой. Пуля Зиха поразила чужака в голову, и от черепа мало что осталось — просто кроваво-костяное месиво, наполнившее простреленный шлем. Рядом с трупом валялась короткоствольная снайперская винтовка. Зих не удержался, поднял ее, отвел назад затворную раму — патрон был в патроннике. Похоже, он лишь на долю секунды опередил врага, готового выстрелить.

— У второго пуля в сердце, — сообщил Бескудников, вернувшись к группе. В руке у капитана был трофей, точно такой же «Шквал», как и у самого Бескудникова, но с подствольным огнеметом и глушителем, и Зих понял, почему не слышал выстрелов, и что прошелестело по камням за миг до его второго выстрела. Смерть в эту ночь прошла в каком-то полуметре над его головой. — Однако стреляешь ты, мужик...

— Я стрелял трижды, — сказал Зих, не в силах оторвать глаз от покойника у камня. — Одной пулей промахнулся. Опозорился.

— Впору тебя спиртом поить от пуза, — сказал Бескудников. — Вовремя ты их заметил.

— Их? — Зих пристально посмотрел на молодого капитана. — Это не Дикие. Объяснишь что-нибудь?

— Есть только один способ узнать наверняка, — вздохнула Елена. — У этого вся голова разворочена, ничего не разобрать. Мальчики, тащим того, что внизу, в башню. Надо провести аутопсию.

Капитан Гернер работала быстро и сноровисто. Пока ее спутники снимали с мертвеца шлем, она подготовила портативный набор хирургических инструментов, извлеченный из рюкзака, натянула резиновые перчатки. В свете фонарей скальпировала труп, включила трепанатор. Взвыло сверло, в башне запахло горелой костью. Зих заметил, каким страдальческим стало лицо лейтенанта Небогатова.

— Точно, — с удовлетворением в голосе сказала Елена через несколько минут, показывая спутникам что-то крошечное и блестящее, извлеченное из мозга покойника. — Нейрошунт, тип Н-78, самый современный. Теперь никаких сомнений. Вот сволочи!

— О чем ты говоришь? — спросил Зих.

— Неважно. Артем, — обратилась Елена к Небогатову, — готовь радио. Надо доложить на базу. Сделаем запрос на реализацию резервного сценария.

— Есть, капитан, — Небогатов бросился к своему рюкзаку.

— Что происходит? — Зих затаился сигаретой, пытливо посмотрел на Елену. — Кто это?

— Неважно. Они нашли нас в самом начале пути. Все, все летит коту под хвост!

— Что летит?

— Все, — Елена устало опустила на корточки рядом с мертвецом. — Даже не думала, что так все обернется. Даже не знаю, как теперь быть. Слишком много сил было вложено в подготовку этой операции.

— Капитан, — голос Небогатова дрогнул, — связи нет. В эфире сильные помехи, такое ощущение, что нашу волну кто-то старательно глушит.

— Переходи на аварийный канал.

— База не отвечает, — сказал Небогатов, повозившись с радиостанцией. — Все каналы связи заблокированы. Они знают все наши частоты.

— И что это все значит? — спросил Зих, уже совершенно уверенный в том, что происходит что-то очень скверное. — Я понимаю, что ситуация дерьмовая, но поподробнее можно?

— Тебе-то какое дело? — ответила Елена, глядя в одну точку. — Это не твои проблемы.

— Понятно. Значит, пропуск для жены я не получу.

— Держи, — Елена протянула Зиху красный пропуск. Зих подумал, что там, у моста, она не отдала его майору, как обещала, оставила его при себе — почему? — И убирайся, пока не поздно.

Зих взял карточку — на сердце как-то сразу потеплело. Не хотелось думать ни о чем, кроме хорошего. Он даже не сразу понял, о чем говорит Бескудников.

— Как же так? — Молодой капитан растерянно смотрел на Зиха. — Ты уходишь, а как же мы?

— Леша, оставь его, — раздраженно сказала девушка. — Пусть уматывает.

— Нет, погодите! Нам сейчас каждый ствол нужен. Эти двое были только разведчиками. Может, у них не было приказа убивать нас, они просто следили за нами. Теперь они знают, где мы, куда двигаемся. Нам нужна помощь, чтобы попробовать от них оторваться.

— Чего стоишь? — сказала Елена, все же подняв взгляд на охотника. — Уходи.

— Ты единственный сын у отца? — спросил Зих Бескудникова.

— А тебе-то что?

— Просто спросил, — Зих посмотрел на мертвеца в черном комбинезоне, распластанного на полу башни. — Может, все-таки скажете, что это за парень?

— Это секретная информация, — ответила Елена. — Тебя она не касается.

— Дело ваше, — Зих сбросил с плеч свой вещмешок, распустил горловину, взял флягу с водой, сигареты и пакет с сухой вермишелью, рассовал по карманам, мешок бросил к ногам Елены. — Тут немного вяленого мяса и картошки, оставляю вам. Может, пригодятся. Удачи!

— Зих, — Елена поднялась, шагнула к охотнику, — ты, в самом деле, хочешь нам помочь?

— Я так понял, моя помощь вам теперь ни к чему.

— Как тебе удалось их засечь?

— Я их почувствовал. Не забудь, что я уже двадцать шесть лет охочусь, кое-чему научился. В этом мире без чутья не выжить.

— Это невозможно. У них стелс-комбинезоны. Лучшая маскировка из всех возможных.

— Я их в тепловой прицел засек. Сначала принял за мутантов. Кто это?

— Коммандос из отряда 505.

— Это мне ничего не говорит.

— Твое счастье, что ты засек их раньше, чем они тебя. Видел, что я вытащила из головы трупа? Это устройство в разы повышает их реакцию. А еще их пичкают особыми мутагенами.

— Ну и что?

— Случилось то, чего я боялась. О нас знают, и это очень, очень плохо. Надо запрашивать помощь базы. Или просто возвращаться обратно ни с чем.

— База на Дальних озерах?

— Да. — Елена помолчала. — Поможешь?

— Самое лучшее, что я могу для вас сделать — это провести обратно в город, а там вы будете в безопасности. Усач найдет способ связаться с вашим командованием.

— Нельзя возвращаться в город, — категоричным тоном заявил Бескудников. — Они придут туда, и начнется бойня. Мы не можем нарушать Устав.

— Есть другое предложение? — Зих несколько секунд ждал ответа, не дождался. — Кстати, я бы хотел забрать снаряжение убитых, оно, между прочим, хороших денег стоит.

— Твое право, — Елена махнула рукой.

Зих кивнул, шагнул к мертвецу. Тебе все это больше не нужно, мысленно обратился он к убитому, открывая его поясную сумку. В сумке была аптечка, армейская фляга с водой, несколько сигнальных ракет и отдельно — коробка с детонаторами.

— Посмотри в аптечке, — посоветовала Елена. — Там может быть криптолан.

— Что за криптолан? — спросил Зих, прикидывая в уме, за сколько он сможет продать Усачу полученное сегодня трофейное добро.

— Лекарство от синдрома Гриннинга. Болезни, которой страдает твоя жена.

— Лекарство? — Зих мгновенно забыл о дорогущих комбинезонах, оружии, детонаторах, ракетах и деньгах, открыл аптечку. Там были таблетки для обеззараживания воды, антирад, два шприц-тюбика с промедолом, капсулы нейростимулятора. Все это стоит целого состояния, но вот препарата, о котором сказала Елена, в аптечке не было.

— Нет, — сказал Зих, провел ладонью по лицу, будто хотел этим прикосновением вернуть себе самообладание. — Нет таблеток. Пойду, посмотрю у второго.

Он выбежал из башни, после недолгих поисков нашел второго убитого. Тайнственного криптолана в аптечке мертвеца не оказалось. В башню Зих возвращался с твердым намерением заставить Елену рассказать все, что она знает.

— Давай так договоримся, — сказал он, войдя в башню. — Я помогу вам, но и вы поможете мне. Я подписался на это дело только ради Лизы. Хотел, чтобы ей дали пропуск на вашу базу, подлечили ее. Теперь я узнаю, что от ее болезни есть настоящее лекарство. Мне нужно это лекарство. Как я могу его найти?

— У нас его нет, — сказала Елена. — Я только слышала о нем.

— Где? От кого?

— Капитан, наверное, ему можно довериться, — сказал Бескудников. — Расскажите ему все.

— Я не имею права, — Елена тряхнула шевелюрой. — Это секретная...

— Плевать! — рявкнул Зих. — Мне опротивело слышать: секретная информация, секретная информация! Хотите, чтобы я помог, выкладывайте все, что знаете. Иначе я ухожу, и выкручивайтесь сами, как хотите.

— Хорошо, — вздохнула Елена. — Я тебе все расскажу. Если нас прикончат, ты все равно никому ничего не успеешь рассказать.

— Не сейчас, — остановил ее Зих. — Надо сваливать отсюда. Пойдемте, проведу вас в одно местечко, тут недалеко. И еще совет: переоденьтесь в комбинезоны покойников. Я так думаю, они получше вашего снаряжения будут, если стелсы. Только быстро, ночь скоро кончится.

— Сегодня у нас на календаре шестое апреля две тысячи сто пятнадцатого года, — неизвестный говорил торопливо, глотая слова, казалось, он возбужден или немного нетрезв, — и я, кажется, принял окончательное решение. Проснулся утром и понял, что только напрасно теряю время. Тоха и Радик не вернутся, это очевидно. Уже месяц они не выходят на связь, и я чувствую, что они мертвы. Или окончательно забыли обо мне. Я не верю в это — ведь они мне жизнью обязаны! Я выбрал их, сделал их достойными жизни, а они меня предали? Нет, нет, это невозможно. Они просто погибли по пути в «Лабиринт».

Так или иначе, в этой крысиной норе я остался совершенно один. Еще немного, и я окончательно сойду с ума. Я уже часами разговариваю с моим единственным дорогим другом, компьютером, а по ночам мне снится, что потолок падает и давит меня, как таракана. Уж лучше сдохнуть во Внешнем мире, чем превратиться в сумасшедшего отшельника, прячущегося на глубине двести метров в компании иссохших скелетов и теней, которые бродят по коридорам бункера каждую ночь, не давая мне спокойно спать и нарушая мое уединение. Еще бы — с тех пор как ушли мои последние товарищи, Радик и Тоха, я остался в проклятом убежище один. Совершенно один!

Вчера я окончательно привел в порядок все свои записи. Плоды моих почти шестилетних исследований по проблемам постъядерных мутаций и все то, что я накопил в ходе работы с моими пациентами во время эпидемии в убежище. Все архивы уместились на одном оптическом диске. Вся моя жизнь вместилась в один диск, ха-ха-ха! Я сделал две копии — одну возьму с собой, а вторую оставлю здесь, в надежном месте. Если мой побег из Б90 окажется неудачным, и меня сожрут твари, которыми кишат развалины города, мои исследования не пропадут бесследно — однажды кто-нибудь наверняка доберется до этой проклятой дыры и, может быть, отыщет диск. Я запер его в сейфе в хранилище сектора «С», а ключ положил рядом. Уж не знаю, поможет ли моя работа этому миру протянуть хоть еще немного, но определенное моральное удовлетворение я чувствую, и это здорово. Мой диск найдут, мое имя не будет забыто. Жаль только, я слишком поздно нашел решение.

Я решил уйти из убежища после того, как мне приснился очень тяжелый сон. Будто бы в мою комнату набились чуть ли не все, кто жил бок о бок со мной в этом убежище, и кто давно ушел в лучший мир. Они тыкали в меня пальцами и говорили: «Ты не спас нас, доктор Дроздов! Сам-то ты выжил, исцелился от этой гадости, а мы умерли. И как тебя после всего этого называть?» Я проснулся, и на душе у меня было гадко. Я оказался эгоистом. Всю свою жизнь я думал только о себе, сидел под землей, надеясь выжить, а люди умирали. Но зато теперь я вправе гордиться собой! Я, только я могу спасти тысячи жизней!

Никто больше не умрет, я знаю. Я спасу всех. Я Господь Бог, Будда, Христос, Мессия, вот кто я!

Вот и мой компьютер сейчас смотрит на меня и шепчет: «Правильно, правильно, правильно... иди наверх. Радик и Тоха не дошли, ты дойдешь. Оставь меня, мы слишком

долго были вместе, мы слишком много работали... Я не хочу с тобой расставаться, но так надо, так надо!»

Дьявол, я опять начинаю заговариваться.

Так, на всякий случай, немного предыстории. Год назад — именно тогда штамм Гриннинга впервые попал в Б90. Это все из-за идиота-коменданта, который позволил нескольким семьям покинуть бункер. Они, видите ли, хотели попробовать жить во внешнем мире, на солнышке. Нельзя было этого делать, нельзя! Мы десятилетиям жили в закупоренном стерильном убежище, у нас не было иммунитета против новых микроорганизмов. Я предупреждал проклятого болвана, но он смеялся надо мной и говорил: «Иди, доктор, дальше лечи геморрой нашим программистам! Тут я принимаю решения!»

Семья Большаковых — да, кажется, их фамилия была Большаковы, — вернулись через месяц. Они со слезами просили впустить их — мир наверху был слишком страшен. Они состояли в родстве с комендантом, и этот идиот, конечно же, впустил их обратно. Большаковы рассказали всем, что все, кто ушел вместе с ними из Б90, погибли. Каюсь, я тоже допустил страшную оплошность — я должен был заставить коменданта продержать Большаковых в карантине. Я совсем забыл об этом, просто вылетело из головы. Прошло несколько недель, и Большаковы заболели. Вся семья. Я думал, это обычная простуда, а потом понял, что все гораздо хуже. Болезнь оказалась заразной, начали заболевать остальные. Счет моих пациентов пошел на десятки. Сначала заболевали дети. У всех одни и те же симптомы — истощение, кашель, выпадение волос, лихорадка, позже кровавые выделения, часто кома. Я наблюдал, записывал, фиксировал и понимал, что столкнулся с чем-то новым. Я не знал в чем дело, сначала подумал, что в нашу систему водоснабжения попали радионуклиды с поверхности. Симптомы этой дряни очень напоминали лучевую болезнь. Замеры показали, что вода чистая. У меня не было никакой информации, я терялся в догадках. А люди заболевали один за другим. Я решил попросить у коменданта доступа во внешние сети — у меня была надежда, что хоть один канал должен работать. Идиот-комендант был напуган: на учете в моем медпункте было уже больше двухсот человек, еще тринадцать тяжелых в госпитале, а этот гад заперся в своем кабинете и даже не хотел разговаривать со мной. Я все-таки добился у гада разрешения воспользоваться его персональной станцией, и мне удалось войти в локальную систему «Лабиринт». Мой милый компьютер все сделал сам, мне даже не пришлось ничего искать! К вечеру у меня на руках была вся информация о синдроме Гриннига — так называется эта пакость. Проклятый псевдотуберкулез проклятой новой эры от Начала Ядерного Полураспада, будь она проклята! Он свирепствует там, на поверхности, с того самого дня, когда выжившие начали выползать из своих нор. Сведения о болезни нашлись в банках данных «Лабиринта». Я сразу понял, как болезнь настигла нас. Наши эмигранты, вернувшись обратно в убежище, принесли инфекцию в Б90. Мы все были обречены.

Смерти начались очень скоро. Сначала умирали дети, потом взрослые. Комендант, получив мои отчеты и поняв, что случилось, совсем рехнулся, отдал приказ уничтожать больных. Его охрана за сутки застрелила триста десять человек, всех, кого я занес в медицинскую картотеку с подозрением на синдром Гриннинга! Я был против, но меня не восприняли всерьез. Меня никто не слышал, все были напуганы волной смертей. Эти гниды хотели выжить любой ценой. Я все записал в компьютер, всю хронику этих убийств. На диске есть список всех моих пациентов, всех, кого убили гориллы коменданта. Там сто сорок мужчин, сто две женщины и шестьдесят восемь детей в возрасте от 2 до 15 лет. Комендант

догадывался, что я сохранил медицинские карты больных, поэтому приказал уничтожить мой личный компьютер, но мне удалось незаметно подменить жесткий диск, и все мои записи сохранились, ха-ха-ха-ха! Теперь они записаны на мои диски, и еще их хранит мой последний друг в вычислительном блоке убежища Б90.

Жаль, очень жаль, что я не могу взять тебя с собой, милый мой, единственный друг!

О чем я говорил? Да, о болезни. Они ее не остановили. Я был почти счастлив, когда заразился сам комендант. Он требовал найти лекарство. Он немедленно выписал мне доступ к стратегическим запасам лекарств и химикатов, расконсервировал лабораторию № 2 и отдал мне ее в полное распоряжение. Только теперь, когда сотни человек уже были мертвы, хотя мог сделать это раньше, раньше, раньше! Хотел жить, сволочь. Он подох на третий месяц болезни в страшных мучениях. Даже если бы я получил к тому времени лекарство от болезни Гриннига, коменданта бы я спасать не стал.

Вот, последнее. Судьба посмеялась надо мной — когда вымерло почти все население убежища, я нашел лекарство. Криптолан, он оказался единственным средством. Запасы этого препарата в Б90 минимальны, его только-только начали производить до войны. Но он и только он оказался эффективным. В начальной стадии он полностью излечивает эту дрянь, на второй и третьей стадии переводит болезнь в хроническую форму. Особенно эффективно применять его параллельно с иммуностимуляторами. Все препараты были давно просрочены, но, тем не менее, действовали отлично! Я испытывал его на себе, когда сам заразился. Меня подняли на ноги двенадцать внутривенных инъекций 5-типроцентного криптолана гидрохлорида плюс витамины. Я сообщил об этом в сеть «Лабиринт», и они ответили мне! Они поздравили меня! Они уже давно искали средство от синдрома Гриннинга, но их ученые оказались не такими гениальными, как я. Они сообщили свои координаты, и теперь я могу передать им результаты опытов, которым суждено спасти человечество. О, у меня есть чем поделиться! Об этом пока знаю только я и ты, мой единственный друг, который помогал мне все эти годы. Мы с тобой войдем в историю — гениальный дуэт, благодаря которому возрожденное человечество сможет снова вернуть себе солнечный свет. Они будут обязаны нам всем — всем, всем, всем, совершенно всем!

Я снова отвлекся... Тоху и Радика я поднял, когда их болезнь уже была в конечной стадии. Криптолан, на этот раз в сочетании с инъекциями циклоферона. Я и криптолан спасли их! К тому времени вся сволочь в Б90 уже передохла, все холуи коменданта, все те, кто убивал моих пациентов и ночами выносил из убежища их тела на поверхность, их чада и домочадцы, ха-ха-ха! Я, как истинный ангел смерти, решал, кому жить, а кому нет. Я спасал достойных и покарал мразь.

Я вылечил сорок человек. Сорок жизней! Все они, выздоровев, уходили из убежища, боялись оставаться здесь дальше. Ключ коменданта теперь был у меня, и я разрешил им взять из кладовых все, что они захотят. Бог ты мой, сколько там всякого добра! А мы долгие годы питались картонной лапшой и крахмальным хлебом! Сволочи, поганые сволочи! Со мной остались только Тоха и Радик. Они помогали мне. Но и они потом решили уйти. Захотели помочь мне, найти «Лабиринт» и передать им некоторые мои материалы. Я не стал их отговаривать. Я тоже хотел уйти с ними, но потом подумал о компьютере, моем компьютере — и решил пока остаться...

Если Тоха и Радик все-таки живы и добрались до «Лабиринта», мои исследования в надежных руках. Если нет, я сам это сделаю. Координаты у меня есть. У меня есть все необходимое.

Душа болит. Я оставляю моего единственного друга тут... Если кто-нибудь однажды заберется в бункер и захочет прочитать мои полные архивы, они в компьютере в вычислительном центре. Он согласится предоставить вам доступ к архивам, если введете пароль: «МОЙЕДИНСТВЕННЫЙДРУГ» Он все вам расскажет. Он хранит имена тех, кого не мог спасти.

Наступила пауза. Елена, будто выйдя из транса, нажала кнопку на своем гаджете, и снова послышался тот же голос. Теперь он звучал по-другому — тускло, безжизненно, будто говорил смертельно уставший человек:

— Восьмое апреля, начало шестого вечера. Я добрался до назначенного места и готов встретиться с посланцами «Лабиринта» и всего человечества. У меня на душе светло и хорошо, я достиг своей цели. Очень скоро я получу заслуженную награду. На всякий случай я решил пойти на первую встречу без диска. Надо убедиться, заслуживают ли эти люди моего доверия, те ли они, за кого себя выдают. Без меня им диск не найти, так что пусть докажут мне, что достойны заполучить его.

А это запись на моем личном коммуникаторе — всего лишь окончание моего дневника и послание человечеству, которое должно знать, кому оно обязано своим будущим.

Мне — главному врачу убежища Б90 Виктору Ильичу Дроздову. Последнему его обитателю.

Елена выключила гаджет. Зих зажег новую сигарету и равнодушно посмотрел на девушку.

— Болтовня сумасшедшего, — сказал он. — Это и есть твоя секретная информация?

— За эту болтовню сумасшедшего, как ты выразился, пять человек заплатили своими жизнями, — ответила Елена. — Два месяца назад, у одного из объектов к юго-востоку от Каменного Леса. Наша группа натолкнулась на командос из отряда 505. Противник был уничтожен. Эта запись была у одного из убитых врагов. С нее все и началось.

— Понимаю. Тебе поручено найти архивы Дроздова. Но две вещи я никак не могу объяснить. Во-первых, кто те двое, которых я сегодня ночью пристрелил? И во-вторых, зачем вам понадобился я?

— Много лет назад на базе одной из секретных лабораторий Гласкома был создан научно-исследовательский центр «Лабиринт», занимавшийся проблемами выживания остатков человечества. Когда люди начали после долгих лет ядерной зимы выходить на поверхность, стало ясно, что просто так выжить в новых условиях человечество не сможет. В убежищах еще до создания «Лабиринта» шла подобная работа, но координации не было, потому что связь между убежищами была потеряна сразу после Катастрофы. Надо было наладить эту связь, обеспечить обмен информацией и ее обобщение и систематизацию. Поэтому первым делом Гласком еще много лет назад активировал беспроводную сеть передачи данных AIRBUS, которая использовала технологии, позволявшие войти в резервные базы данных тех убежищ, в которых еще работала система жизнеобеспечения.

— Слишком много умных слов, — сказал Зих. — Кто эти ребята?

— Первоначально отряд 505 был спецподразделением, приписанным к центру

«Лабиринт». Именно им поручалось проникать в заброшенные убежища и...

— Пстой, а как же «Наследие»? Твоя организация? Ведь это вы, как мне говорили, этим занимаетесь.

— Какой же ты идиот, Зих! — взорвалась Елена. — Центр, о котором я говорила, больше не подчиняется Гласкому! Они мятежники, они отделились много лет назад, и теперь они наши враги, как ты не поймешь? Между Гласкомом и «Лабиринтом» уже давно идет настоящая война.

— То есть, вы с ними конкуренты, верно? И что вы делите? Эти развалины? Или нас, бедных? — с иронией спросил Зих. — Или это так важно, кто первым доберется до архивов сумасшедшего ублюдка?

— Поверь, это важно. Дроздов мог докопаться до чего-то необыкновенно серьезного. Он упоминает свои исследования по мутациям. Это имеет огромное значение для Гласкома. Все дело в секретных научных программах «Лабиринта». То, чем занимаются их ученые, лежит за пределами морали и человеческого понимания.

— Опять умные громкие слова. Без них никак нельзя?

— Можно, — Елена загадочно сверкнула глазами. — Но сначала давай я у тебя кое-что спрошу, Зих. Сколько ты уже охотишься на тварей Внешнего мира?

— Я уже говорил, почти двадцать шесть лет.

— Чудесно. Наверное, ты повидал самых разных мутантов. С крысами и мутапсами все ясно, они появились еще в новый ледниковый период. А что до остальных... Когда ты впервые услышал о живоглотах?

— Года три тому назад. Ну и что?

— Поколения у крыс и собак сменяются достаточно быстро, так что любые мутации могут проявиться в течение короткого времени. Но живоглот — это не крыса. Даже мартихора в теории живет так лет двадцать пять, не больше. Со времени Катастрофы прошло чуть больше ста лет, Зих. Простая математика — могли такие невероятные мутации проявиться всего за четыре поколения?

— Что-то я не смекну, о чем речь.

— Все о том же, Зих. «Лабиринт» изучает ВСЕ возможности восстановления биосферы. В том числе, допускающие наличие сильно мутировавших форм жизни. Это они создают мутантов, Зих.

— Чушь. Мутанты были всегда.

— Вспомни, приходилось тебе охотиться на живоглота еще три года назад. И честно ответь мне — приходилось, или нет?

— Нет, но это ничего не значит, — Зих ощутил волнение: ему не хотелось верить в то, что говорит Елена, но у него возникло ощущение, что девушка сейчас правдива, как никогда. — У тебя нет доказательств.

— Прямых нет, только косвенные. Скажи, ты ведь сдавал Усачу образцы?

— Какие образцы?

— Части тел убитых тобой мутантов. Когти, кожу, мясо. Думаешь, почему Усач тебе заказывал это все ему приносить — только потому, что не доверял твоему искусству охотника? Нет, Зих. Это был наш заказ. Мы давно занимаемся этим, и на нас вольно или невольно работал не только ты. Нам нужно много образцов, и наши собственные специалисты по мутантам не всегда справляются, так что привлекаем поселенцев. Усач переправлял все эти материалы на нашу базу, и там их исследовали. Я сама этим занималась.

Взамен Усач получал с наших складов снаряжение, оружие и продукты. В материалах, которые мы получали от тебя — я не говорю, от Усача — присутствуют химические соединения, которые говорят об искусственно вызванных мутациях. В том числе и в тканях живоглота.

— Зачем это все нужно было делать?

— У нас нет точного ответа. Здесь смешались все факторы — научная безответственность, политика, военное соперничество. «Лабиринт» стремится завладеть новым миром, пусть даже едва-едва оправившись от постигшей его катастрофы. Это война, и она ведется без правил и без пощады.

— Я начинаю жалеть, что сто с лишним лет назад кто-то выжил в Катастрофе. А зачем вам я понадобился?

— За последние годы мы хорошо изучили методы и тактику спецподразделений «Лабиринта», но и они о нас многое знают, больше, чем нам хотелось бы, — ответил за девушку Бескудников-младший. — Когда стало известно о Дроздове и его открытии, командование HEAVEN тут же поставило задачу отыскать его архивы. Мы все понимали, что командос «Лабиринта» тоже поставлена такая задача. Но мы опоздали: наша разведка получила информацию, что спецназовцы «Лабиринта» уже проникли в убежище Б90. Оставался только один шанс — найти диск, который был у Дроздова. Он должен быть где-то в руинах Каменного Леса. Вот какую задачу мы должны выполнить.

— Безумие, — Зих обвел взглядом военных. — Найти диск в развалинах огромного города? И вы думаете, что я могу вам в этом помочь?

— Нам был нужен опытный проводник, который провел бы группу в город маршрутом, неизвестным «Лабиринту». Выбор пал на тебя, — сказал Бескудников. — А уж поиски копии архивов Дроздова наша задача.

— Я ненавижу безнадежные предприятия, — сказал Зих. — Вы втянули меня в полное сумасшествие. Уж если рисковать жизнью, то со смыслом. Здесь я не вижу никакого смысла.

— Поверь, он есть. Можешь назвать это чудом, но мы еще до всех этих событий случайно получили важную информацию. Были найдены списки персонала убежища Б90. Там и полная анкета Дроздова есть. И его адрес, и адрес больницы, в которой он когда-то работал. Он жил в городе, развалины которого называют Каменным Лесом.

— Ну и что?

— Спроси себя, Зих — где бы ты спрятал что-то очень важное для себя? Что-то особенно дорогое?

— В тайнике, и заминировал бы его как следует. О чем мы вообще говорим?

— Ты говоришь, нам никогда не найти второй диск Дроздова. А я уверена, что знаю, где он. Дроздов вряд ли стал бы прятать его в случайном месте, среди сплошных руин, где очень легко забыть точное расположение тайника. Я почти уверена, что он выбрал хорошо знакомое место. Например, развалины собственного дома. Или больницы, в которой работал до того, как стал штатным врачом убежища Б90. Нужно только хорошенько поискать, но нам это не впервой.

— Разумно, — Зих окинул взглядом всю троицу. — А если диска не существует? Если все это бред сумасшедшего?

— Тогда мы просто вернемся на базу. Ты сможешь нам вернуться.

— Эх, молодежь! — Охотник тяжело вздохнул. — Все-то у вас просто и легко. Поможешь вернуться! Конечно, помогу. Если только не кокнут меня. Я так понимаю, очень

серьезные ребята у нас на хвосте повисли.

— Очень, — кивнула Елена. — Но мы тоже кое-что умеем. Нас так просто не схарчить, подавятся. И Бог нам поможет.

— Был у меня знакомец один, — начал Зих, раскуривая очередную сигарету. — Тоже охотник, мы с ним одноклассники. Можно сказать, друзья даже были. Хороший был мужик, только хвастливый малость. Как выпьет, так и хорохорится — я, мол, самый-самый, и мутантов бил десятками, и Диким кровь пускал и еще пуцу, потому как на мне Божья милость. А потом исчез он. Никто не знал, куда подевался. Только год или два спустя я одного пленника, который к Диким попал, подрядился вытащить — год тогда обильный на дичь был, так что Дикие пленного не сожрали, как обыкновенно поступают, а предложили обменять его на спирт и табак. Ну, я и пошел за пленником — они в ту пору у Котловины кочевали, аж три клана. Так у вождя Черных Пауков в жилище среди прочих голов — моего дружбана голова на почетном месте. Торчит эдак на колышке и смотрит на меня дырами вместо глаз. Так и хотел я этой башке пустой сказать: «Ну, где твоя Божья милость?» — Зих помолчал. — О каком резервном плане ты говорила в башне?

— После того, как мы достигнем контрольной точки на окраине Каменного Леса, база по нашему запросу вышлет в район объекта четыре мобильных боевых группы, чтобы отвлечь командос «Лабиринта». Командование готово пожертвовать двадцатью жизнями ради того, чтобы мы выполнили свою задачу. То же самое они готовы предпринять, если мы натолкнемся на противника раньше запланированного срока. Понимаешь, какова цена нашего успеха или нашего провала?

— Это был твой план, Елена, так ведь? — Зих впервые назвал девушку по имени.

— Да, мой, — ответила она с некоторым вызовом в голосе. — Я несу ответственность за успех операции. И я доведу ее до конца, с тобой или без тебя.

— Что скажешь, Зих? — спросил Бескудников. Он выглядел осунувшимся, и у него был взгляд маленького мальчика, которого сильно испугали.

— А что тут скажешь? — Охотник бросил на землю окурок, смял его носком ботинка. — Пропадете вы без меня, молокососы. И люди из-за нас погибнут. Так что два часа на отдых, и топаем дальше. Авось, кривая куда-нибудь и вывезет...

3. ПЕТР

Впервые Зих побывал в месте под названием Котловина еще юношей, вместе с отцом, промышлявшим добычей мутапсов. В ту пору Дикие еще не так часто забредали в эти края, так что молодой Зих смог провести в окрестностях Котловины несколько дней и вдоволь побродить по здешним местам.

Котловина была странным местом. Огромная, чуть ли не в километр в радиусе, почти коническая впадина посреди гладкой равнины — будто гигантская лапа выхватила из ровного тела земли громадный кусок, оставив зияющий шрам. Котловина была глубокой, и на ее склонах многометровая толща снега и тяжелого синеватого льда никогда не таяла даже летом. Спускаться в Котловину отец ему тогда строго-настрого запретил — у ее края счетчики радиации начинали торопливо щелкать, фиксируя вполне реальные рентгены. Зиху потом часто снилась эта картина — исполинская впадина под серым облачным небом, полная вечного снега и льда, из которого торчат бетонные и металлические обломки, оплавленные и обезображенные.

Вокруг Котловины на километры тянулись поля обломков — сплошные нагромождения обломков все того же серого бетона, потрескавшегося то ли от полыхнувшей тут когда-то адской вспышки, то ли от пришедшего позже лютого мороза, смерзшийся в причудливые глыбы щебень, бесформенные конструкции из спекшегося инасквозь проржавевшего железа. Сквозь руины в изобилии проросла жесткая бурая трава с пышными метелками — ее называли сурчиной травой. Было время, когда здесь жили люди, но даже их останков не сохранилось — они давно рассыпались в прах. Их имен никто никогда не узнает, осталось лишь название этого места, сохранившееся на одном из дорожных указателей — «Шахта «Благодатная». Юному Зиху было важно другое — в этом месте, некогда сметенном до основания невиданной силой, редко, но попадались под ногами всякие забавные и причудливые вещи, большей частью из металла, и совершенно ни на что не полезные, разве только для коллекции годившиеся. Зих бродил по развалинам, иногда находил знакомые ему предметы, вроде пуговиц или пряжек от ремней, но чаще не знал, для чего когда-то служили попавшиеся ему среди каменного мусора мелкие предметы — маленькие почерневшие кругляшки, на которых еще можно было разобрать надписи и символы, странные круглые коробочки со сложным механизмом внутри, шуковины в виде двух колец, соединенные дужкой и снабженные двумя изогнутыми ручками — в некоторых из них были стеклышки, треснувшие или целые, — металлические пластинки сложной конфигурации с фигурными зубцами на продолговатых выступах, странные изделия из темного металла, напоминавшие спаянные друг с другом крошечные ячейки. Отец просто пожимал плечами, когда Зих показывал ему эти предметы и спрашивал, что это такое. После возвращения с Котловины в городок № 13 Зих показал свои находки старому Снигирю, но тот повел себя очень странно — велел парню все это где-нибудь тихонько закопать. Зих поступил по-другому, он предложил все это добро странствующему торговцу. Это был просто никчемный хлам, и торговец дал ему за всю кучу этого барахла три патрона к охотничьему ружью и пять сигарет. Прошло время, и Зих узнал, что находил тогда в развалинах вокруг Котловины все, что осталось от их хозяев в день Катастрофы — старые монеты, разбитые очки, давным-

давно остановившиеся наручные часы, дверные ключи и зубные протезы. И думал, что Снигирь был прав.

Все это было очень давно, почти тридцать лет назад. Отец умер через год после их похода в эти места. С тех пор Зих еще несколько раз бывал у Котловины, и здесь ровным счетом ничего не менялось — небо в дни его появления тут всегда было пасмурным, вечный снег продолжал покрывать стены впадины, и зловещие щелчки детекторов излучения все так же предупреждали его о том, что этот снег вобрал в себя не только холод Великой Зимы, но и кое-что похуже. В развалинах не осталось больше ничего ценного — тут было только забвение.

— О чем думаешь, охотник? — спросил его Бескудников.

— О прошлом, — ответил Зих.

— Дальше к кратеру идти нельзя, — предупредила Елена. — Уровень радиации очень высокий. Тут есть обходной путь?

— Конечно. Уж не думаешь же ты, что я потащу тебя прямо в эту яму.

— А кто тебя знает? — Елена убрала в поясную сумку дозиметр. — Сейчас раздам вам антирад для профилактики.

Зих проглотил капсулу антирада и приложился к своей фляге. Отец говаривал, что против радиации нет средства надежнее выпивки. Он же научил сына запивать противорадиационные таблетки спиртом, для пущего эффекта. Спирта во фляге осталось немного, стакана два. Надо поэкономить...

— Что будем делать? — осведомилась у него девица.

— Это ты у нас командуешь, вот и решай.

— А проводник ты. Что предложишь?

— Что я могу предложить? Тут радиация, долго находиться нельзя. И укрытия подходящего на несколько километров вокруг нет. Дальше пойдем. Тут впереди, в часе ходьбы отсюда, есть два места, где можно заночевать. В первое я вас не поведу, слишком рискованно. Ваши друзья о нем точно знают, да и Дикие там частые гости. А вот второе вполне надежно.

— Что за место? — поинтересовался Бескудников.

— Старый трубопровод. Разрушенный, конечно, но не совсем. Если туда залезть, можно даже зимой, в хорошую пургу ночь перекантоваться. Только все вместе туда не пойдем. Сначала дорогу разведать надо. Один кто-нибудь со мной, а двое пусть тут подождут. Сегодня тепло, особенно не задубеете. Мы скоро обернемся, часа два от силы.

— Я пойду, — вызвался Бескудников. — Разрешите, товарищ капитан?

— Иди, — Елена кивнула и почему-то опустила взгляд. — Мы пока попробуем еще раз с базой связаться.

Попробует она, подумал Зих. Как же, так прямо и получилось у тебя все. За те два дня, что они пробирались по самым диким местам к Котловине, Небогатов аккуратно, раз в два часа, пытался связаться по радио с базой, но в наушниках были только шипение и треск. Елена ругалась, Бескудников тоже — Зих просто молчал. Хотел им посоветовать не сажать элементы питания понапрасну, а потом решил, что лучше будет просто промолчать. И в этот раз тоже ничего не сказал.

— Хорошая у тебя винтовка, — сказал Бескудников, когда они отошли от своих спутников метров на двести. — Где взял?

— У Бога на распродаже. Тебе-то какая разница?

— Просто спросил. Интересно. Я вот такую ни разу не видел.

— Не ты один. Помолчи лучше, силы побереги.

— Так я и не устал, — ответил капитан. Глядя на его раздумывавшееся от утреннего холода лицо и блестящие глаза, Зих понял, что зря посоветовал Бескудникову беречь силы — у парня их немерено. Здоров на зависть. Такой и пятьдесят километров за день с рюкзаком и оружием без труда отмотает.

— Не стоит нам болтать, — сказал охотник, остановившись. — Тишина наш помощник. Тут места такие, к любому шуму надо прислушаться. Мутанты — они неслышно подкрадываются.

— Отец рассказывал, ты по мутантам большой спец.

— Так, постреливаю понемногу, — Зих подумал, что надо дать парню выговориться, а заодно и покурить, раз получился такой вот незапланированный привал. — А ты их, верно, только на картинках видел?

— Почему? Они возле нашей базы появляются, так мы с ребятами на них охотимся. На моем личном боевом счету четыре мартихоры и псов, наверное, с десятков будет.

— Молодец, — Зих раскурил сигарету, с наслаждением затянулся. — А много у вас на базе народу?

— Человек двести. Дальние озера — важный объект, там источники чистой воды есть. Почти чистой, — поправился Бескудников. — После небольшой обработки ее без всякого риска можно пить.

— Это хорошо, — Зих вспомнил, как однажды Усач угощал его отличной свежей водой из невиданной охотником прежде пластиковой канистры. Не иначе, тоже от военных щедрот та вода была... — Мы в городке воду через уголь пропускаем, вот она и очищается.

— Слушай, Зих, я что тебе сказать хотел... Ты на Елену не злился, ладно? Она, конечно, резкая бывает, но девчонка мировая. И подготовлена она на славу, уж поверь.

— А ты что, хахаль ее?

— Если бы, — Бескудников внезапно покраснел. — Она как на базе появилась, так я сразу на нее глаз положил. А она на меня даже не смотрит. Так, «капитан Бескудников», или «товарищ капитан», хоть раз бы просто Лешкой назвала.

— Она что, не местная?

— С востока. Месяц назад сюда прибыла с заданием.

— Залетная птица, ясно. А что это мне батя твой плел про какие-то тысячи единиц Наследия в Каменном Лесу? Рога мне мочил. Мог бы сразу сказать, что ради одного-единственного диска весь этот дурдом затеяли.

— Рассказать! — Бескудников перестал улыбаться. — Сразу видно, Зих, что ты человек не военный.

— И слава Богу. Я про вас только слышал от разных людей, а в деле ни разу не видел. Но только знай, что у Диких не только ножи, дубинки из труб, да ржавые двустволки имеются. Кое-что посерьезнее есть, сам видел. И стрелять они умеют не хуже нас с тобой. Про мутантов я и не говорю. Так что запомни главное правило — стреляй без команды и напоминания. Тут правило одно: сначала уьем, а потом смотрим, кого прикончили.

— Понял я все, не маленький.

— Не маленький? Ты только не обижайся, Леха, но вспомнил я, какими глазами ты на этих черных смотрел, которых я у башни положил. Испугали они вас. Зеленые вы еще, салаги необстрелянные.

— Ну, знаешь! — Бескудников сжал кулаки, будто собирался наброситься на охотника. — Ты за базаром-то следи! Я спецназовец, понял? У меня за плечами...

— Ладно, ладно, охлонись, а то у тебя жар от антирада начался. Я ведь не чтоб обидеть сказал. Знаю, что вы подготовлены хорошо, вижу. Но только я сразу понял, что серьезные это ребята. Смотрю вот сейчас на этот чудо-комбез, что сейчас на тебе, и понимаю, что мне будто Бог помог их не проглядеть. Такие враги пострашнее живоглота будут. Я только не понял, что Ленка ваша у мертвеца из башки достала.

— Нейрошунт? Это ускоритель нервных импульсов. Реакцию повышает многократно, точность движений, внимание.

— Так они что, вроде роботов, что ли?

— Вроде так. Их в «Лабиринте» по полной программе готовят. Так что лишний раз с ними встречаться не хочется.

— Пошли, — охотник отшвырнул окурок в кучу снега, скинул с плеча винтовку. — Закончен перекур.

Молодой армеец покорно взвалил рюкзак на плечи, и они пошли дальше. Шли молча, шлепая по раскисшей от летнего тепла земле, и каждый думал о своем.

Мертвец лежал в нескольких метрах от дыры в трубопроводе, в зарослях сурчиной травы. Немолодой уже мужчина, почерневший, высохший, руки и ноги неестественно вывернуты — верно, в агонии его страшно корчило. Судя по состоянию трупа, умер этот человек совсем недавно, но по грязной промокшей одежде и коже мертвеца уже лениво ползали розовые личинки смертной мухи. Зих стволом винтовки придвинул к себе засаленную тряпичную сумку, лежавшую возле покойника, заглянул в нее — кроме целлофановой обертки от какой-то жратвы в ней ничего не было.

— Вот еще один отходился, — сказал охотник Бескудникову, который не мог отвести от мертвеца взгляд. — Когда весной снег сходит, много их таких находишь. Мы их «подснежники» называем. Странно, что оружия при нем никакого. Эй, капитан, ты чего?

— А? — Бескудников вздрогнул, оторвал взгляд от трупа. — Да так, задумался.

— Знаешь, что самое забавное? Умер-то этот парень в паре метров от моей заначки. Гляди! — Зих подошел к большому валуну у основания трубы, сдвинул его в сторону и начал ковырять землю ножом, время от времени отгребая ее рукой. Бескудников молча наблюдал. Минуты через три охотник извлек из ямки сверток, укутанный в несколько слоев черного полиэтилена, разрезал тесемки и развернул. В свертке оказался снаряженный магазин к «Стормеру», пачка сигарет, две банки гречневой каши с мясом, коробок спичек и двухсотграммовая бутылочка со спиртом.

— Нашел бы он заначку, может, и выжил бы, — продолжал Зих, переливая спирт из бутылки в свою фляжку. — Ирония судьбы.

— Ты всегда такие тайники устраиваешь?

— Всегда. Обычное дело, капитан. В чистом поле припасы взять негде. Вот и делаем нычки. Только ныкать надо правильно, а то мутапсы или мутведь доберутся.

— Мут...кто?

— Мишка косолапый. Это у меня отец так их называл — мутведи, мутанты-медведи. В этих местах они частенько бродят в теплое время... Да ты не дрейфь, капитан, мишка

большой, мы его издали приметим. Лишь бы в трубу, стервец, не забрался. Бедолага этот, видать, в трубопроводе сидел, а потом вылез — гляди, головой от трубы лежит. Выбраться-то выбрался, а вот силенок идти дальше не хватило. Вдруг, спугнул его кто? Хотя, кабы спугнул, так потом бы и обглодал, а труп целый... Так, стой здесь, я вовнутрь слазаю, посмотрю.

Оставив Бескудникова, Зих включил фонарь и полез в дыру. Первым делом потянул носом воздух — пахло сыростью, нагретым ржавым железом и пылью. И еще мочой. Muskusного запаха, обычного спутника мутантов, Зих не почувствовал. На всякий случай внимательно осмотрел края пролома в трубе — клочьев шерсти на них не было. Внутри трубы на глаза попались кучки помета, но он был высохший. По первому впечатлению, незваных гостей в трубопроводе не было.

— Капитан! — позвал Зих. — Давай за мной.

Бескудников полез в трубу. Зих усмехнулся — парень старается двигаться тихо, как учили, но все равно топают так, что по всему трубопроводу слышно.

— Туда, — шепнул Зих, показывая рукой вправо.

Участок трубопровода тут уходил под землю, поэтому было тепло, даже жарко. Под ногами чавкала жидкая грязь, появился слабый неприятный запах гниющей органики. Они сделали еще несколько шагов, и Зихвнезапно почувствовал, что в трубе кто-то есть.

— Стой здесь, — велел он Бескудникову, снял с плеча «Стормер» и пошел дальше.

Сначала ему показалось, что у фильтрационной решетки, перекрывшей трубу, свалена какая-то бесформенная куча тряпья. Но потом он услышал слабое свистящее дыхание — такое бывает у астматиков. Зих подошел ближе.

Человек. Он сидел скорчившись, привалившись к решетке и уронив голову на грудь. Зих подошел ближе, невольно поморщившись от тяжелого запаха, присел рядом, осветил лицо неизвестного. Это был ребенок, мальчик лет десяти-одиннадцати. Зиха бросило в жар — мальчишка был очень похож на Ленку.

— Эй! — Зих легонько толкнул мальчишку в плечо. — Э-эй!

Мальчик медленно поднял веки, глянул из-под слипшейся, свисающей сосульками челки на Зиха. Взгляд у него был пустой, глаза казались неестественно большими на худом выболевшем землистом лице.

— Кто это? — Бескудников уже был рядом, присел на корточки рядом с Зихом, не сводя с мальчишки глаз.

— А черт его знает. Может, Дикий, а может...

— Черный ангел, — еле слышно прошептал пацан, глядя на Бескудникова, и в глазах у него появился свет. Потом этот свет погас, и мальчишка закрыл глаза.

— Эй! — Зих толкнул парнишку в плечо уже сильнее.

— Он без сознания, — сказал Бескудников. — Надо его к Елене доставить. Ух, какой тощий, кожа да кости! Зато нести легко будет.

— Погоди, ты что, его с собой тащить собрался?

— Конечно.

— Ты спятил, — спокойно сказал Зих. — Он не жилец, у него истощение в последней стадии. Ему уже ничем не поможешь.

— Так что, добить его и съесть предлагаешь?

— Ты не умничай, а послушай, что скажу. Дорогу запомнил? Ступай обратно и зови своих сюда. Я пока с мальчишкой побуду. Захочет твоя Ленка его лечить, пусть тут лечит.

Как тебе идея?

— Добро, — просиял Бескудников и побежал к выходу, гремя ботинками по железу. Зих приставил винтовку к решетке и начал осматривать мальчишку. Прикосновения Зиха привели мальчика в чувство. Охотник услышал его стон — тонкий, жалобный, еле слышный.

— Тихо, тихо, — шепнул Зих. — Все хорошо.

Кто бы ни был этот паренек, одет он хорошо, хоть и не по сезону. Зих давно не видел таких добротных вещей. Курточка, яркий свитер и штаны хоть и грязные, но хорошего качества и почти совсем новые, сапоги целые. Все вещи явно довоенного производства. Никакого оружия рядом с мальчиком и при нем Зих не нашел — перочинного ножа и того не было. Мать его кикимора, откуда он взялся? Кто таков? Во внутреннем кармане куртки Зих нащупал что-то плотное — это была маленькая потрепанная книжка в мягком ярко-красном переплете. В книжку был вложен огрызок карандаша. Зих прочитал название — «Книга Завета». Охотник никогда такой не видел. Глянув на мальчишку, снова впавшего в беспамятство, Зих открыл книгу и прочитал надпись, сделанную скачущим, хоть и разборчивым почерком на обратной стороне обложки:

«По воле Бога мы шли на его Зов, но сбились с пути. Если со мной что случится, всякий, кто найдет нас — помогите Петру дойти до Каменного Леса. Там живет мой брат Александр, скажите ему, что Петр мой сын. Бог наградит вас. Козьма.»

Зих наугад раскрыл странную книгу, прочитал несколько строк. Гневные слова Бога о том, как страшно он накажет людской род за непослушание, охотника почему-то не впечатлили. Но книжку стоит сохранить, Усач может дать за нее хорошую плату. Одно Зих понял ясно — покойник у входа в трубу наверняка и есть этот самый Козьма, отец мальчика. Каким же нужно быть идиотом, чтобы отправляться во Внешний мир с ребенком и без всякого оружия!

Мальчик снова застонал. Зих долго смотрел на ребенка, потом достал коробку с сигаретами, закурил и полез в свою сумку. Вынул свою миску, налил в нее немного спирта, разбавил водой, добавил ложку сахара, крошил сухую вермишель, размешал. В смесь добавил несколько таблеток витаминизера. Первую ложку смеси он впихнул пареньку в рот с трудом, большая часть просто пролилась на одежду мальчишки. Мальчишка заперхал, закашлялся. Зих улучшил момент, впихнул парню в рот вторую ложку.

— Жри давай! — прикрикнул он. — Жуй!

Мальчик захрипел. Зих схватил его за воротник, крепко потрянул, чтобы пришел в себя. Еще пять минут назад этот мальчишка был ему безразличен, сейчас же охотника охватили азарт и отчаянная надежда человека, самонадеянно вставшего между смертью и ее очередной жертвой. Уж слишком этот несчастный паренек был похож на его Леньку — наверное, таким бы стал его сын, доживи он до этих лет. Впрочем, Зиху все дети казались похожими на Леньку. Может, еще и поэтому он никак не может привыкнуть к тому, что они умирают...

— Дыши, сволочь! — заорал Зих, тряся мальчика. — Ну, давай...

Мальчишка шумно задыхался, захрипел, глаза его закатились — и все. Зих даже сквозь ткань куртки ощутил, как по телу ребенка прошла последняя волна жизни. А потом Петр обмяк и перестал дышать. Выругавшись, Зих отпустил мальчика, и тот мешком повалился на

пол.

— Блядь такая! — Зих ударил кулаком по миске, расплескав по трубе тюрю, обхватил голову ладонями и замер, глядя в одну точку. Сердце стало тяжелым, каким-то свинцовым и мертвым, как лежавший перед ним маленький человечек с безмятежным упокоенным лицом. Еще одна жертва Внешнего мира, еще одно напоминание ему, Зиху, что он не всесилен.

Не сводя взгляд с умершего, Зих потянулся к фляге на поясе. Спирт обжег горло, огнем упал в желудок, и сердце оживилось, но на душе у Зиха давно не было так погано. За первым глотком Зих сделал второй и третий. Закурил сигарету и сел, откинувшись спиной на решетку и вытянув ноги. Теперь от него ничего не зависело, можно было расслабиться и ждать возвращения Бескудникова с остальными, а пока...

А пока можно погрузиться в редкую для внешнего мира тишину, в которой компанию ему составят только двое.

Отмучившийся мальчик по имени Петр и вездесущая Смерть.

Елена долго и тщательно осматривала тело ребенка. Бескудников и Небогатов светили ей фонариками, а Зих просто наблюдал. Наконец, девушка стянула с рук перчатки, выбросила их за решетку.

— Ничего нельзя было сделать, — сказала она, протирая руки дезинфицирующим раствором. — Лимфатические узлы увеличены по всему телу, печень чуть ли не на полбрюшины разрослась. Терминальная дистрофия плюс синдром Гриннинга в последней стадии. Он был обречен, так что не надо себя осуждать.

— Я не осуждаю, — буркнул Зих. — Кто они?

— Трудно сказать, — Елена показала Зиху книжку. — Книжка напечатана на обычном принтере, а потом сброшюрована вручную. Никаких данных о том, где и кто ее выпустил, нет.

— Откуда же эти двое появились?

— Не знаю. Судя по всему, мальчик и его отец принадлежали к одной из религиозных общин Всемирной Церкви Наследников Мира.

— Никогда о них не слышал.

— Это новая секта, информация о ней у нас самих только несколько лет назад появилась. Их штаб-квартира находится в поселке «Холодная вода», примерно в восьмистах километрах к юго-западу отсюда. Говорят, последователей у Наследников Мира довольно много.

— У нас в городе был Снигирь, — сказал Зих. — Он учил меня читать, писать и верить, но только плохо учил. Читать и писать я научился, а верить — нет.

— Этому никогда не поздно научиться, — с иронией сказала Елена. — Артем, Леша, мальчика надо вынести отсюда. Пусть пока рядом с отцом полежит... О чем задумался, Зих?

— Ни о чем. Просто спать хочу. День выдался колготной, ноги гудят.

— Все хочу тебя спросить — извини, конечно, но сколько уже твоя жена болеет?

— Полгода. Зимой слегла, вроде как с простудой. А потом я заметил, что у нее шишки на шее появились. И волосы лезть начали, — Зих помолчал. — Филиппыч сказал, ничего нельзя сделать.

— А ты веришь, что можно. И правильно веришь. Видишь, значит, научил тебя Снигирь вере.

— Успокаиваешь меня?

— Тебя поди, успокой. Сейчас ребята вернутся, о деле поговорим.

— Что опять задумала?

— Странное что-то во всем этом есть, — сказала Елена. — В умерших этих, в предсмертной записке, что Козьма оставил.

— Чего странного-то? Просил мужик, если кто сына его найдет, к дядьке сопроводить, вот и все.

— Бескудников сказал — мальчик, очнувшись, назвал его Черным ангелом. Почему?

— Бред у него был, вот и все. Чего ты к пустякам цепляешься?

— Не пустяки это. — Елена сделала паузу, поскольку подошли Бескудников и Небогатов. — Какие будут предложения, Зих?

— Давайте выпьем, — Зих достал свой спирт. — Помянем рабов божьих новопреставленных.

— Погоди, — Елена полезла в рюкзак, извлекла из него плоскую металлическую фляжку. Налила в колпачок, протянула Зиху. — Ты первый.

— Что это? — Зих втянул ноздрями незнакомый терпкий и очень приятный аромат неведомого напитка.

— Коньяк. Самый настоящий. Нам иногда выдают в пайке.

— Никогда не пробовал. И где вы, сволочи, что берете! — Зих осушил крошечный колпачок, почмокал языком. — Ух, ты!

— Здорово? — с лукавой улыбкой спросила Елена, забрала у охотника колпачок, наполнила его и протянула Бескудникову.

— Здорово, — сказал Зих, наслаждаясь вкусом удивительного напитка. — Только мало.

— Коньяк помногу не пьют.

— Царство Небесное, — сказал Бескудников и выпил коньяк.

— Небесное и будет, — отозвался Зих, закуривая.

— Что? — Елена замерла, глядя на охотника.

— Говорю, всем, кто тут помер, прямой путь в рай. Мне так Снигирь говорил.

— Прямо так всем? — с шутливой миной спросил Небогатов. — И нам тоже? И лабиринтовцам, и Диким?

— Всем, — подтвердил Зих. — Потому что выпало нам в аду жить. А Бог — он суров но справедлив. Дважды в ад не пошлет...

Военные притихли. Небогатов молча выпил коньяк, отдал пустой колпачок Елене. Капитан HEAVEN налила себе, выпила, завинтила флягу и убрала ее в рюкзак. Несколько мгновений все молчали.

— Ты что-то о деле говорила, — напомнил Зих.

— Давайте спать, — неожиданно сказала Елена. — Я устала. О делах будем завтра говорить. Тошнит меня от всего.

— Вот это правильно, — Зих потянулся, взял винтовку. — Вы ложитесь. Первым я караулю, потом тебя, Леха, разбужу. Мне бы тоже выспаться не мешало.

Глава 4 Красный Ключ

КРАСНЫЙ КЛЮЧ

Мальчика хоронить не стали. Просто вынесли из трубы и положили рядом с отцом. Книжку Зих забрал, хотя Елена сказала охотнику, что синдром Гриннинга может через вещи передаваться. Но Зих только хмыкнул.

— У меня жена больна, — сказал он. — Кабы так заразно было, я бы уже заболел.

Ночевка прошла спокойно, и Зих, доверившись спецназовцам, даже отважился поспать пару часов. Перед этим он тщательно почистил и смазал свой «Стормер», а заодно наконец-то попробовал, подходят ли к его красавице патроны из трофейной снайперской винтовки. Патроны, хоть и были нужного калибра, почему-то не подошли, и Зих сразу потерял к трофеям интерес. Во сне ему снилась какая-то ерунда — они с покойным Снигирем забивали свинью на площади в городке № 13. Бессмысленный сон, дурацкий. Впрочем, в сны Зих не верил. Его разбудили голоса — Елена и Бескудников что-то обсуждали негромко. Зих повернул голову и увидел, что у Елены в руках карта.

— Опять ложь, — сказал он.

— Какая ложь? — не поняла Елена, глядя на проснувшегося охотника.

— Про карты, — Зих сел, обхватил колени ладонями, чтобы стало теплее. — Начальник ваш сказал, что карты у вас старые.

— Старая и есть, — Елена протянула Зиху карту. — Посмотри, какой год. Вон там, в углу.

Зих глянул на карту. Она была напечатана на клеенчатой бумаге и выглядела совсем новой. Елена не обманывала: карта была составлена в 2008 году, сто семь лет назад и за четыре года до Катастрофы. Зих немного умел читать карты, был случай поучиться.

— Ленинск? — спросил он, глядя на Елену. — Так назывался Каменный Лес?

— Большой был город, почти полмиллиона населения, — ответила девушка. — Я довоенные фотографии видела. Красивый был город. Стоял посреди бескрайней тайги.

— Ишь ты, — сказал Зих, водя пальцем по карте. — А это, стало быть, наш городок тут. Поселок Лутовиново. Надо запомнить.

— Сможешь сказать, куда дальше пойдём? — спросила Елена с хитрым блеском в глазах.

— Сюда, — Зих сразу сориентировался по карте, на которой не было ни одного знакомого названия, однако местность была ему так хорошо знакома, что названия не играли никакой роли. — К Роднику.

— Поселок Красный Ключ? — уточнил Бескудников, взглянув на карту. — Так мы в сторону от Каменного Леса уходим.

— Уходим, — согласился Зих. — Вот он, трубопровод, а мы сейчас вот тут. До города отсюда по прямой на север день пути с грузом за плечами. И дорога вроде удобная, сразу за холмами идет старая автотрасса прямо до самого Каменного Леса. Но и ваши друзья в черном это знают. И коли охотятся они за нами, тут им самое удобное место нас встретить. Местность вокруг как стол, ни укрыться, ни затаиться. Не, опасно. Мы в обход пойдём. Пару дней потеряем, зато целее будем.

— Резонно, — согласилась Елена. — Ладно, давайте завтракать. Я есть хочу.

Спиртовку на этот раз раскопегаривать не стали, ограничились сухими хлебцами и тушенкой. Военные запивали свои порции водой, Зих — спиртом. Несколько раз охотник ловил на себе неодобрительные взгляды Елены, но промолчал. А потом они оставили укрытие и двинулись дальше, по тому маршруту, который охотник определил для группы.

Для начала Зих повел военных к своему самому секретному и лучшему тайнику в округе, устроенному в развалинах трубопроводной станции. В тайник уложили трофеи и амуницию военных, после чего Зих повел группу на Родник.

Дорога оказалась тяжелой — начался дождь со снегом, поднялся сильный западный ветер, и через два часа Зих согласился сделать небольшой привал. Передохнув несколько минут у подножия ближайшего к дороге холма и дождавшись, когда стихнет ветер, пошли дальше и вскоре спустились в длинный глубокий овраг, на дне которого еще оставался грязный слежавшийся снег. Тут Зих увидел следы.

— Стойте тут, — велел он, скинул с плеча винтовку и пошел вперед, всматриваясь в черную раскисшую землю. Следы были старые, но кое-что разобрать было еще вполне возможно.

— Что случилось? — спросила Елена.

— День тому тут ходили, — сказал Зих. — Много народу прошло, человек десять. Топали на северо-восток, прямехонько к Роднику. Странно только, что по дну оврага пошли, а не по дороге.

— Ну и что?

— Думаю, кто это мог быть. Похоже, Дикие это были.

— С чего решил?

— А некому тут больше такими толпами разгуливать, — с иронией сказал Зих. — А если серьезно, глянь: рядом с человеческими следами собачьи. И они время от времени друг друга перекрывают. Значит, мутапсы были прирученные. А кому еще в компании мутапсов бродить, как не Диким?

— И что ты предлагаешь?

— До Родника остался час ходьбы. Подождите меня тут, в этом овраге. Я пойду, посмотрю, что там.

— Нет, один ты не пойдешь, — запротестовала Елена. — Возьми кого-нибудь из моих людей.

— Зачем? Я один справлюсь.

— Плохая идея. Вдвоем безопаснее будет.

— И чего вы, бабы, так спорить любите? — Зих еще раз внимательно осмотрел истоптанный участок земли. — Ладно, уговорила. Леха, прогуляемся?

— Да не вопрос, — с готовностью ответил молодой Бескудников.

Они дошли до развалин старого совершенно разрушенного каменного моста через маленькую речку, вытекавшую из оврага, и Зих увидел вышки ЛЭП. Некоторые из них рухнули, некоторые были покорежены прошедшим здесь ледником, но первоначальная линия их расположения угадывалась хорошо — теперь можно было уверенно идти в сторону поселка. Следы привели к дороге, идущей параллельно линии вышек, на которой красовались раздавленные льдом и изъеденные ржавчиной каркасы некогда брошенных машин. Здесь Зих остановился.

— Точно, к Роднику пошли, — сказал он уверенно. — Если просто водой запастись, это

одно. А если они там табором встали, тогда плохо дело.

— Что предлагаешь?

— Проверить. Если Дикие все еще там, пойдем в обход мимо Родника. Не хотел я этого делать, но придется. Дикие всегда толпами кочуют, человек по пятнадцать-двадцать, а то и больше, так что сталкиваться с ними нам совсем ни к чему. Я все думаю, какого черта они в овраг спустились?

— Давно пора нам пострелять, — заметил Бескудников. Зих оделил его быстрым снисходительным взглядом, но ничего не сказал.

В окрестностях Родника Зих не бывал уже давно, лет семь, но ничего тут не изменилось. Только заросли вездесущей сурчиной травы стали, казалось, еще гуще и выше. Некогда это был большой поселок, застроенный добротными домами. Теперь от многих домов остались только кучи обломков. Но Зих, глядя на знакомое место, подумал о другом. Он вспомнил, как впервые побывал в Роднике вместе со Снигирем. Старый учитель устроил им опасное приключение: втайне от родителей решил показать своим ученикам святое место. Шли они сюда неделю. Наконец, Снигирь привел сюда своих питомцев — Зиха, Четырехпалого Яшку и Крысу, — и показал им старое здание, расположенное в самом центре поселка, возле того самого родника, от которого и пошло название места. Здание было необычным — оно имело башенку с круглым куполом. Снигирь сказал ему, что здесь когда-то люди учились вере, и называлось это место храмом или церковью. Мальчишки тогда добросовестно облазали все развалины, но ничего интересного не нашли — лишь монеты и разный мелкий металлический хлам, который не заметили или не сочли достойным внимания побывавшие здесь прежде мародеры. Но вот родник Зих запомнил хорошо. Вода тут была удивительно вкусной и почти не фонила. Снигирь сказал им, что если вода немножечко радиоактивна, это даже хорошо, полезно для здоровья. Однако искупаться в роднике почему-то не разрешил. Сказал, что эта вода дана Богом. Мальчишки только посмеялись, но купаться не решились. Когда они вернулись домой, их уже искали, и разъяренные родители чуть не линчевали Снигиря. Крыса еще тогда неуклюже пошутил, что если Снигиря прирежут, уроков больше не будет. Но все закончилось благополучно, и Снигиря отпустили, и снова были уроки, но только Зих так и забыл спросить, почему в роднике нельзя было искупаться.

Зих и Бескудников, взяв оружие наизготовку, двинулись через развалины к центру поселка. Было тихо, даже вездесущие муталсы не показывались. Лишь несколько ворон с карканьем поднялись с развалин. Зих выругался — птицы их выдали.

— Сюда! — бросил он Бескудникову и метнулся к уцелевшей стене. Вороны между тем улетели в ту сторону, где над разрушенным куполом церкви кружились в тяжелом пасмурном небе их товарки.

— Стерьво поганое! — пробормотал охотник, глядя на птиц. — Забыл я про них, совсем забыл...

— Чего не так? — шепнул Бескудников.

— У Диких тоже глаза имеются. Пошли! — Зих бросился в узкий проулок между развалившимися домами, расплескивая грязь. Бескудников побежал следом за охотником, на ходу снимая свой «Шквал» с предохранителя. Несколько секунд они перебежали от одного дома к другому, таясь в густых тенях под стенами, пока, наконец, не увидели церковь. И возле нее — Диких.

Между ними и церковью была широкая площадь, когда-то асфальтированная, но теперь вся изборожденная трещинами и выбоинами. Два из трех бетонных столбов, на которых

некогда висели освещавшие площадь фонари, повалились, третий оседлала целая стая ворон, наблюдавшая за пиршеством нескольких облезлых тощих собак, рвущих ворох внутренностей у ржавого церковного киоска. Справа от Зиха был родник, а за ним верзила в собачьей парке свежевал подвешенную на металлической ограде тушу мутапса. Срезал большим ножом куски мяса и кидал в ведро. Работал сосредоточенно, увлеченно, время от времени отрезая от туши маленькиеполоски мяса и отправляя их в рот. У входа в церковь стояли еще двое Диких, в таких же парках. Зих поднял винтовку, глянул в прицел. Судя по татуированным знакам молний на щеках и носу оба дикаря были из Северного клана Громогого Медведя. Один стоял, опершись, как на посох, на длинный отрезок водопроводной трубы — обычное оружие Диких. У второго был обрез двуствольного ружья. Они о чем-то беседовали, переминаясь с ноги на ногу и поминутно почесываясь. Их разговора охотник слышать не мог — мешали ворчание грызущихся над падалью собак и шум ветра. Да и расстояние было слишком большое, чтобы отчетливо разобрать то, о чем говорили Дикие.

— Прикончим? — шепнул Бескудников, нацепив на ствол винтовки глушитель.

— Не вздумай, — прошептал Зих, не сводя глаз с Диких. — Чаю, их там полная церковь. Они нас на части порвут. Смотрим, наблюдаем, примечаем все и тихо уходим, пока не заметили.

Из церкви вышел еще один дикарь, пожилой, косматый, с взлохмаченной бородой, одетый в медвежью шубу мехом наружу, — видимо, старший в этой ватаге, — подхватил с земли обломок кирпича и со злобным воплем швырнул в разодравшихся собак. Потом подозвал свежевавшего мутапса мясника. Верзила отложил нож, вымыл окровавленные руки в роднике (видел бы это сейчас Снегирь!) и пошел на зов. Из короткого разговора мясника и медвежьей шубы Зих уловил только два слова «сделать» и «впрок».

Верзила и дикарь с обрезом ушли куда-то за церковь, и через несколько мгновений Зих и Бескудников слышали женские крики. Еще через пару секунд появились оба посланца, тащившие за руки молодую женщину в грязном и рваном пуховом комбинезоне. У родника женщину швырнули на землю: Дикий с обрезом ухватил ее за волосы и поставил на колени. Мясник подошел к ограде и, взяв тяжелый молот на длинной ручке, направился к пленнице. Женщина все поняла, завопила истошно, душераздирающе, обреченно — дикарь с обрезом ударил ее кулаком в лицо, разбивая губы, заставляя замолчать.

Мясник встал сбоку от жертвы, занес молот для удара — и вдруг опрокинулся на спину, будто нечто невидимое сбilo его с ног. Дикарь, державший пленницу, ничего не успел понять, потому что через долю секунды его череп разлетелся вдребезги, словно взорвался изнутри. Содержимое головы Дикого в медвежьей шубе вылетело прямо на стену церкви у входа, запятнав ее огромной багровой кляксой, дикарь с трубой выронил свое оружие, упал на колени и зарылся лицом в грязь, окрасившуюся его кровью. А еще через мгновение Зих увидел, как Бескудников, выбросив из винтовки отстрелянный магазин, молниеносным движением сменил его на полный — и все понял.

Женщина опомнилась, вскочив на ноги, бросилась в их сторону, и вся свора мутапсов рванулась за ней со злобным рычанием. Зих нажал на спуск — ближайший к беглянке мутапес полетел через голову в заросли сурчиной травы. Бескудников парой точных очередей положил остальных тварей, но из церкви уже выбежало с полдюжины Диких. Увидев трупы своих соплеменников, они яростно завизжали, выхватывая из-под собачьих кожных и накидок ножи и утыканые ржавыми гвоздями дубинки.

Зих успел послать еще одну пулю, прострелив голову здоровяку в шлеме из медвежьего

черепу и ранив бежавшего за ним дикаря. Больше стрелять ему не понадобилось: за спиной Зиха хлопки выстрелов из «Шквала» слились в змеиное шипение, и враги снопами повалились на землю, роя ногами грязь, хрипя и обливаясь кровью. Зих ждал, когда появятся остальные, но из церкви больше никто не вышел. Распуганное выстрелами Зиха воронье кружилось над площадью, на которой теперь были только трупы — человеческие и собачьи, — и еще беспомощно вставшая среди них и впавшая в оцепенение спасенная женщина, к которой уже спешил Бескудников.

Пожитки уничтоженной шайки Диких лежали у прогоревшего и сильно дымящего костра, разведенного прямо под куполом церкви. Два больших кожаных мешка, один с собачьими шкурами и разным металлическим хламом, подобранном в развалинах, во втором — пара старых байковых одеял, несколько кусков сала, с десяток клубней картофеля и бутылка с мутным и вонючим самогоном, который Зих не решился попробовать. Другие вещи в церкви явно принадлежали пленникам — хорошие брезентовые рюкзаки, помятый, но вполне приличный пятилитровый котелок и две пластиковые канистры для воды. На каменном полу церкви у костра были расставлены разноцветные пластмассовые тарелки и мисочки, лоток с ложками, яркие коробки из-под пищевых концентратов, несколько стеклянных бутылок, фаянсовые бокалы и красная чайная чашка с отколотым краем. На полу валялись обертки от съеденных концентратов. Чужие, необычные, неожиданные в этом мире предметы. В другой раз Зих обязательно забрал бы все это богатство — такие вещи всегда можно продать за хорошую цену тому же Усачу, — но сейчас было не трофеев. Тем более что спасенные ими люди сейчас нуждаются во всем этом больше, чем он. Не затем они с капитаном Бескудниковым спасли их, чтобы потом оставить без барахла и припасов.

Всего этих несчастных было восемь человек: трое мужчин, две женщины — одна из них та самая девчонка в пуховике, из-за которой Бескудников начал стрелять, — и еще трое подростков обоего пола. Бескудников нашел пленников в большой яме за церковью. Зих внимательно рассмотрел чужаков. Одежда явно довоенная, фабричная, совсем как та, что была на найденных в трубопроводе мертвецах. Дети блестящими и восторженными глазами смотрели на Бескудникова, тайком пытались дотронуться до его черной брони и оружия, а старший из мужчин тут же направился к вышедшему из церкви Зиху.

— Сам Бог привел вас сюда, — сказал он, глядя на охотника как на святого. — Они убили бы нас, обязательно убили.

Зих ничего не сказал. Его гораздо больше интересовало содержимое карманов и сумок убитых Диких. На трупе дикаря в медвежьей шубе охотник нашел новенький перочинный ножик (отличная вещь, тридцать банкнот Усач за него только так выложит!), мешочек с дешевым табаком и другой, с порошком черного мухомора, да еще тронутый ржавчиной пистолет «Грач» с пятью патронами в обойме. Нож, табак и патроны Зих забрал, пистолет выкинул. Под шубой убитый дикарь носил ветхий матросский бушлат с блестящими пуговицами — Зих осторожно, чтобы не набраться ползающих по бушлату вшей, срезал пуговицы ножом. Мелочь, но Усач за них неплохо заплатит. Мертвый мясник тоже порадовал Зиха — в его поясной сумке оказались два винтовочных патрона калибра 7,62.

Четыре дробовых патрона к охотничьему ружью, недорогие женские украшения из расшитой бисером кожи и медной проволоки, еще один, вполне приличный кухонный нож, детская кукла без головы и алюминиевая кружка достались Зиху в наследство от прочих покойников. Всего они с Бескудниковым положили десять Диких — семь мужиков и три женщины. Совсем, совсем неплохо. И большую часть работы сделал капитан. Эти ребята из HEAVEN совсем не так плохи, как ему казалось вначале...

Закончив сбор трофеев, охотник посмотрел на наблюдавших за его действиями людей.

— Вы что, без оружия ходите? — спросил он заговорившего с ним человека. — Жить надоело? Кто такие?

— Я Феодор, пастырь из Белого бора, — ответил старик. — Мы шли на Голос, чтобы быть в числе избранных, призванных Им. Мы остановились в этом месте на ночлег, но тут появились эти дикари и пленили нас. Мы даже не успели убежать.

— Я спросил, почему вы без оружия ходите? — Зих тяжело посмотрел на пастыря. — Идиоты?

— Мы Наследники Мира, — с достоинством сказал Феодор. — Нам запрещено брать в руки оружие.

— Кем запрещено? — Зих ткнул пальцем в девушку, которую спас Бескудников. — Вот ее сегодня чуть не убили и не съели. А было бы у вас оружие...

— Все в Его руках, — сказал Феодор. — Если бы Анна погибла, она возродилась бы в Последнем Убежище, как равная среди равных, как избранная среди избранных. Но Он судил по-другому, послав своего ангела, который спасает.

— Ангела?

— Его, — Феодор показал рукой на Бескудникова, — ибо Черные ангелы всегда подают верным спасение.

— Черные ангелы, говоришь? — Зих достал коробку с сигаретами, закурил и выразительным взглядом пригласил Бескудникова отойти в сторону.

— Опять получают черные ангелы, — вполголоса сказал он офицеру. — Мальчишка в трубопроводе тоже назвал тебя так.

— Думаешь, все дело в черных комбинезонах отряда 505?

— Теперь уверен в этом. Ты зачем начал стрелять?

— Я не выдержал, — Бескудников покраснел. — Не мог я смотреть на это...

— Молодец, — Зих хотел потрепать парня по-дружески за плечо, но подумал, что такого фамильярного обращения с ангелом на глазах этих сумасшедших допускать не стоит. — Отлично стреляешь. Я «раз-два-три» сказать не успел, а ты уже всех положил. Патроны мне сэкономил.

— Ты тоже избран Им, если Он даровал тебе в спутники своего ангела, — сказал Феодор Зиху. — Мы будем молиться за тебя.

— Ваша книжка? — Охотник показал пастырю книгу в красной обложке. Феодор кивнул утвердительно.

— Так ты... — начал он, но Зих не дал ему договорить.

— Я нашел ее, — сказал он. — Совсем недалеко, у старого трубопровода. Там умерли от снежной болезни и голода двое из ваших. Козьма и его сын Петр.

— В нашей общине не было людей с такими именами, — ответил Феодор.

— Они тоже шли на какой-то Зов, про который ты говоришь. О чем вообще речь?

— Как я могу объяснить тебе, если ты не знаешь нашего учения? — ответил Феодор с

грустной улыбкой. — Но для меня будет большой честью просветить тебя.

— Э, нет! Просто скажи, куда и зачем вы идете?

— Он зовет нас, — торжественным голосом сказал Феодор, глядя на Зиха взглядом фанатика. — Пришло время, когда исполнится Его воля. Он откроет для нас двери Последнего Убежища, а прочий мир будет истреблен Его гневом. Спасутся лишь Наследники Мира.

— Куда и зачем вы идете? — повторил Зих.

— В место, которое зовется Каменный Лес. Он призывает нас быть там, когда начнется

Очищение.

— Какое Очищение?

— Последнее Очищение этого мира от греха и язв, пятнающих его.

Охотник пожал плечами. Похоже, эти фанатики действительно свято верят в то, что говорят.

— Значит, ты ведешь их в Каменный Лес? — сказал он Феодору. — И ты всерьез думаешь, что доведешь их?

— Если мы погибнем, то возродимся, — ответил пастырь. — Он не оставит свой народ.

— Кто это «Он»?

— Бог. Единственный и всемогущий.

— Легко вам живется, люди добрые, — с иронией сказал Зих. — Придумали себе Бога и верите, что будете жить еще одну жизнь. Дело ваше. Только в этом мире про вашего Бога давно забыли. И не всегда ангелы бывают рядом, чтобы спасти.

— Бог нас не оставит, — произнес Феодор. — Он послал вас нам во спасение. Неужто это тебя не вразумляет?

— Просто подумал, что блаженные вы, если без оружия разгуливаете и только на Бога своего надеетесь. Посмотрел я на ваше добро в церкви — только ради него вас десять раз прирежут.

— Жаль мне тебя, — сказал Феодор. — Нет в тебе искры Божьей.

— Твоя правда, нет, — Зих повернулся к Бескудникову. — Остайся с ними. Черных тут нет, так что я вернусь за вашими. Пусть Елена поговорит с этим старым дураком. Может, узнаем что-нито важное.

Сектанты, сморенные усталостью от пережитого, чувством безопасности, сытостью и теплом, крепко спали вокруг костра. Они не слышали, как за стенами церкви, в сгустившейся ночи завывают ледяной северный ветер и забредшие в развалины Красного Ключа на запах пролитой крови мутапсы. И не могли слышать того, о чем Зих говорил Елене и Бескудникову. Да если бы даже и слышали, Зиха это не особенно волновало. Его сейчас заботило совсем другое.

— Те парни, которых я прикончил у силосной башни, не вас искали, — говорил Зих, стряхивая пепел с сигареты себе под ноги, — они на нас случайно наткнулись. Я почти уверен в этом. Не сунулись бы они драться двое на трою, даже если совсем бы безбашенные были. По-другому бы себя повели — затаились, наблюдали бы, подмогу вызвали. У них была

другая задача, а вот какая, пока не знаю.

— Неубедительно, — сказала Елена. — А почему тогда радио не работает?

— Вот этого не могу сказать, не разбираюсь в технике. Но чувствую, что все дело в этих, — Зих показал на мирно спящих сектантов. — Сдается мне, что черных этих специально посылают, чтобы они передвижения сектантов в этих местах отслеживали. Есть что-нибудь, чего я не знаю?

— Ничего, — Елена тряхнула головой. — Поверь, я правду говорю.

— Что ты знаешь о Наследниках Мира?

— Да ничего особенного. Все, что знаю, я тебе уже рассказала.

— А чего это они вдруг поперлись в Каменный Лес? Да еще аккурат в то время, когда вас туда послали? То сидели тихо много лет в своих поселениях, Богу молились, своего Очищения ждали, а тут потащились — без оружия, всей гурьбой, и в одно место, куда их какой-то Голос зовет. Неспроста это все.

— Мы и сами понимаем, что неспроста, только смысл какой во всем этом, а, Зих?

— Не знаю. Пока не знаю. — Охотник посмотрел на Елену. — Налей-ка мне еще твоего коньяку. Очень хочется.

Он сделал глоток из колпачка и подумал о том, что столько лет прожил на свете, даже не подозревая о том, что могут быть вещи с таким удивительным вкусом. А с другой стороны, что же в этом удивительного? Скажи ему кто еще вчера, что есть ненормальные, которые таскаются по Внешнему миру без оружия, он бы не поверил...

— Лена, ты мне честно скажи, — сказал Зих, возвращая пустой колпачок, — у вас в головах такие же шгуки, как и у тех, черных?

— С чего решил?

— Уж больно сноровисто наш Леха с оружием обращался сегодня, — Зих полез за сигаретами. — Так есть у вас нейрошунты, или нет?

— Если я скажу «нет», ты мне все равно не поверишь.

— Не поверю, — Зих чиркнул спичкой. — И вы, и черные — одного поля ягода. Чего делите?

— Наследие, Зих. То, без чего этот мир умрет окончательно. «Лабиринт» разыскивает сохранившуюся информацию и технологии параллельно с нами. Я тебе говорила, что это война без жалости и без правил. Но у нас разные цели. Мы хотим помочь людям преодолеть последствия Катастрофы, хоть немного облегчить их выживание, а «Лабиринт» просто хочет власти. Если диск Дроздова окажется у них, нам не удастся спасти больных снежной болезнью, а «Лабиринт» сможет это делать.

— Но вы же знаете, как называется лекарство.

— Знаем. И даже можем изготавливать его на наших базах, правда, в очень малых количествах. Но дело не только в лекарстве. Я тебе говорила о мутациях. Дроздов докопался до чего-то очень важного. Мы должны знать, до чего.

— Опять ты скрываешь всю правду, но я не в обиде. Военные все одинаковые.

— Наши тайны не должны тебя касаться, Зих, поверь мне.

— Мне плевать на это все. Мне надо жену спасти.

— Вот, и все так думают. Кто-то хочет спасти больного ребенка, кто-то умирающую жену. И «Лабиринт» предложит такое спасение. Люди поверят им, а не нам, пойдут за ними, как идут сегодня на их зов Наследники Мира. — Елена помолчала. — Знать бы еще, зачем все это лабиринтовцам понадобилось.

— Это можно узнать только одним способом. Надо попасть в Каменный Лес и посмотреть, что там происходит.

— Именно это мы и собираемся сделать.

— Нет, не так. Я собираюсь сделать.

— Что? — Елена сверкнула глазами. — Ты о чем, Зих?

— Я пойду туда один. Вчетвером мы туда не проберемся, нас быстро накроют.

— Ты это серьезно?

— Конечно. Я ничем не рискую. Для всех я просто охотник. И повод у меня есть хороший — пришел-де найти человека по имени Александр, от покойных родственников Козьмы и Петра последнюю весточку принес. Хорошо придумал? Коли хорошо, еще коньяка мне налей.

— Зих, ты с ума сошел.

— Нет, ты скажи, хорошо я придумал?

— Придуманно здорово, но нам что делать?

— А ничего. Здесь пока побудете, со скорбными этими. Они ведь вас за ангелов принимают, готовы вам руки целовать, и не только руки. Вот и подержите их тут пока, посмотрите, что будет. А заодно Феодора этого расспроси, что да как — глядишь, он что-нибудь интересное расскажет.

А я быстро обернусь. Каменный Лес тут совсем рядом, три-четыре дня мне хватит, чтобы осмотреться. Если повезет, могу и диск ваш поискать.

— Ты не знаешь, где искать.

— А ты подскажи.

— Нет, — решительно сказала Елена. — Прости, но не могу. Должен понимать. Это совершенно секретная информация.

— Видишь, какая ты стерва. Не зря я не хотел с тобой связываться.

— Зих, дело не во мне. Если «Лабиринт» тебя заподозрит, они могут захватить тебя и применить мнемосканирование, у них есть такие технологии. Ты сам им все расскажешь. Сверхсекретная операция, которая готовилась много месяцев, будет провалена. Я не имею права так рисковать. Нотвоя идея... Ты всерьез хочешь это сделать? Я имею в виду, диск поискать?

— А почему нет? Если найду, время вам сэкономлю, и мне ответственности меньше, вас с собой таскать, — охотник быстро посмотрел на задумавшегося Бескудникова. — Хотя вы, как я погляжу, и сами за себя постоять можете.

— Ладно, — решила Елена. — Дам я тебе кое-какую информацию о диске. Найдешь — отлично, не найдешь — мы сами все сделаем.

— Заметано. Налей еще коньяку.

— С чего это ты так хочешь мне помочь?

— Стало мне все это дело интересно, — ответил Зих. — Знаешь, давай так договоримся. Если я все это дело проверну, ты мне к красному пропуску хотя бы пару бутылок коньяка добавишь. Как тебе условие?

— Смешной ты, Зих. Неужели ради бутылки спиртного так рисковать собрался?

— Да не в коньяке дело. Дело во мне. Я уже довольно долго живу на свете, и вкус жизни у меня стал пропадать. Вот и хочу найти новый вкус, ради которого стоило бы еще пожить, — Зих поднял пустой колпачок. — Такой хотя бы.

— Хороший ты человек.

— Хороший, — согласился Зих. — Поэтому не обижайте хорошего человека, детки. Доверьтесь мне, и давайте посмотрим, что у нас получится...

5. НА ГРАНИЦЕ РАЯ

Блокпост выглядел внушительно. Его вал тянулся в обе стороны от дороги, упираясь справа в русло реки, а слева в высокий обледенелый холм — многометровая стена из обломков бетона, кирпичей, ржавых труб, арматурных сеток, ржавых автомобильных костяков и прочего хлама, поверху которой еще и колючую проволоку протянули в два ряда. Видимо, для устрашения Диких и прочих нежелательных гостей, на валу, по обе стороны от железных двустворчатых ворот, перекрывавших дорогу дальше, красовались вполне профессионально устроенные виселицы, украшенные свежим и не очень свежим покойниками. Ветер донес до Зиха трупную вонь, но еще охотник уловил очень необычный запах. В воздухе отчетливо пахло горячей резиной и дизельной гарью. На валу, у одной из виселиц, стоял человек, вооруженный старым двуствольным ружьем. Он без сомнения увидел Зиха задолго до того, как охотник подошел к блокпосту, но только сейчас решил показать, кто тут хозяин.

— Эй, папаша, стой! — крикнул он Зиху. — Чего надо?

— Как говаривал мой учитель: «Укороти вожжи — мы люди Божьи», — ответил Зих, даже не сомневаясь, что этот молодец не станет стрелять ни при каких обстоятельствах. — Чего дорогу перекрыли? Не хрена делать вам, что ль?

— А тебе чего? — Парень перехватил свой дробовик поудобнее. — Мы тут чужаков не любим, от вас зло одно. Кто таков, куда идешь?

— Зих я. Может, слышал обо мне?

— Не слышал.

— Ну, так услышишь еще. Пройти-то можно?

— Здесь проход запрещен. Особая зона. Вход только по пропускам.

— Так дай мне пропуск.

— Не могу, нет у меня пропуска. Их старшой наш выдает, Клим.

— Тогда зови Клима. Разговор есть.

Пока парень с вала надрывал глотку, пытаясь докричаться старшого, Зих не спеша закурил. Сигарету он взял не из металлической коробки, а зажег ту, что поплоче, из собственной заначки. Разницу почувствовал сразу — дым дешевого табака вцепился в горло, как ангина, будто наждаком ободрал язык. Зих закашлялся, выругался, но сигарету не выбросил. За воротами загрели засовами, створки разошлись, и к Зиху вышли двое — один постарше, в хорошем тулупе и медвежьей шапке, второй в латанном-перелатанном армейском утепленном комбинезоне. Старший был без оружия, молодой держал наготове новенький АК-74.

— Чего дома не сидится? — спросил Клим, одаривая Зиха недружелюбным взглядом. — Нам тут нах бродяги не нужны.

— Негостеприимные вы, однако, — сказал Зих. — Но я по делу в Каменный Лес иду. Весточку несу одному человеку.

— Какому, нах, человеку?

— Зовут его Александр. Родичей я его мертвых нашел у старого трубопровода. Козьму и сына его Петра.

— Чем докажешь?

— А вот, — Зих показал старшему книжку в красном переплете. — У мальчика эта книжка была. Читать умеешь?

— Не твоя забота, — Клим вырвал у охотника книжку, раскрыл, прочитал надпись на обложке. — Слышь, Митяй, это, наверное, проповедника этого, Сашки Южного родичи. Как думаешь?

Митяй не думал, поэтому просто плечами пожал. Клим еще раз смерил Зиха изучающим взглядом, протянул книжку.

— У нас тут правила строгие, — сказал он. — Чуть что не так, сразу пуля или веревка обеспечены.

— Да понял уж. Чего так сурово?

— А Дикие одолевают, мать их распять. Раньше через блокпосты в нахалку лезли, теперь чего, паскуды, удумали — через подземные коммуникации пробираются. Хорошо еще, лабиринтовцы помогают от сволочей отбиваться, так бы патронов не напаслись нах. Когда оружие подкинут, когда жратвы или горючего для генераторов. Спасибо, не оставляют в нужде.

— Лабиринтовцы у вас что ли есть?

— Так они тут давно. У них на Ядренке лаборатория большая работает, почитай, года полтора. А как блаженные эти, сектанты, в город повалили, так из «Лабиринта» еще солдат нагнали. Они у нас теперь, почитай, на каждом углу пасутся, за всем следят.

— Странные эти, из Наследников Мира, какие-то. Они у нас через городок проходили, пообщался я с ними. Без оружия ходят. Смерти не боятся, что ли?

— А хрен мать их знает. Куревом не угостишь?

— Закуривай, — Зих протянул пачку, из которой только что высмолил сигарету — такими сигаретами и поделиться можно, дерьма не жалко. Клим вставил сигарету в рот, попросил огоньку. Зих дал ему прикурить от своего бычка. С полминуты они молча курили, а Митяй смотрел на Зиха просящими глазами — мол, и мне дай. Зих сделал вид, что не понял этого красноречивого взгляда.

— Ты откуда сам? — спросил Клим уже более дружелюбным тоном.

— С юга. Про городок № 13 слыхал?

— Далековато ты забрался, мужик. Рисковый нах больно.

— Нужда заставила. Так пропустишь?

— Я-то пропущу, а вот дальше как пойдешь, твое дело. Тут патрули лабиринтовские ходят, да наша управа охрану на улицах держит. Если есть у тебя чем заплатить, совет дам — сразу топай к Верременникову, градоначальнику нашему. Он недалече тут обитает, в Новом городке. Заплатишь, он тебе свободный доступ повсюду сделает.

— Вот это хорошо посоветовал, — Зих одобрительно кивнул, вытряхнул из пачки еще три сигареты, протянул Климу. — А так-то у вас что творится?

— Все творится, но это не твоего ума дело. Если жить хочешь, делай все, как я говорю. Оружием не трясись, народ не задирай, уважение ко всем имей. И вот еще: коли собрался в наших местах погулять, на Ударник и в Госпиталь не суйся, сгинешь в два счета нах.

— Это какой такой Ударник?

— Обувная фабрика старая, там мутапсов до херища развелось. Откопали, сволочуги, уцелевшие в мерзлоте с довоенной поры запасы кож, отъелись на них и плодиться начали дуром. Отстреливать их накладно, а на отравленные приманки они чихать хотели. За

пределы своей территории они не выходят, но на Ударник в одиночку ходить — самоубийцей быть. А в Госпитале лаптастые обосновались, у них там своя колония, и чужих они враз нах кончают.

— Что за лаптастые?

— Больные гнилью. Хвороба у нас тут пару лет назад появилась, от нее человек заживо разлагается, что твой мертвец. — Клим гадливо плюнул себе под ноги. — Говорят, ей сначала те начали болеть, кто человечину жрал. Раньше лаптастых сразу пристреливали нах, как только первые признаки появлялись — все равно не жилец. А потом ученые из лабиринтовской лаборатории велели их не трогать, а в Госпиталь свозить. Их там сейчас несколько десятков. На кой хрен им эти трупачи ходячие нужны, непонятно, да только как сказано нам, так и делаем. Ладно, хватит мне с тобой балакать. — Клим отбросил крохотный окурочок. — Иди. Только без глупостей.

— Пропуск дашь?

— Не дам нах. Просто запишу, что пришел чужой. Нет у меня пропусков. Их Веремеников или лабиринтовцы выдают.

Зих благодарно кивнул старшему, вошел в ворота и понял, почему пахнет резиной и соляром. За воротами на дороге стоял шестиосный тентованный грузовик, вполне прилично сохранившийся, если не считать поржавевшей кабины и дыр в тенте. Человек в хорошем термокомбинезоне и с автоматической винтовкой за спиной, видимо, водитель, беседовал с двумя ополченцами — увидев Зиха, он замолчал, и все трое вопросительно уставились на охотника. Зих с любопытством оглядел машину — таких ему уже лет пять не приходилось видеть, — машинально прочел надпись на дверце грузовика «Автоколонна № 2» и пошел дальше, стараясь неоглядываться. Впереди в сгущающихся сумерках уже можно было разглядеть полуразрушенные дома окраины Каменного Леса.

Итак, можно сделать первый вывод — Каменный Лес, как его называли в городке № 13, вовсе не заброшенное место. Тут живут люди, их много, и обосновались они здесь, судя по всему, уже давно. Зих усмехнулся — надо же, отсюда до его городка каких-то дней восемь-девять пути, а никто из городка № 13 здесь прежде не бывал. Во всяком случае, о таких Зих за свою жизнь никогда не слышал. Да и все рассказы о Каменном Лесе больше на сказки походили. Что ж, он будет тут первым гостем из городка № 13. Событие, однако...

Вывод второй: он правильно сделал, что уговорил Елену и прочих подождать в Роднике. Все равно бы не прошли незаметно, запалились бы. Пока все идет хорошо. Остается надеяться, что и дальше будет не хуже.

Перед тем, как войти в город, Зих присел на бетонную плиту и развернул листок, который дала ему в церкви Елена. На листке аккуратным, мелким, но разборчивым почерком было написано следующее:

«Дом доктора — площадь Маркса, дом 18, квартира 93. Ориентир — памятник человеку по имени Карл Маркс, дом находится прямо за ним, если встать к памятнику лицом. Памятник Марксу в городе один, не ошибешься. Ищи хорошенько!»

Если не найдешь в доме, посмотри в развалинах окружного военного госпиталя имени Пирогова. Адрес: улица Добровольческая, 3. В первую очередь проверь кабинет главврача и аптеку.

Записку сожги.

Удачи!»

Зих дважды прочел записку, достал хорошие сигареты, закурил и той же спичкой, от которой прикуривал, поджег листок. Покончив с запиской, он посидел еще немного, наблюдая, как сгущаются вокруг него сумерки, а потом пошел дальше — искать место для ночлега. Искать ночью все равно нет смысла, да и опасно. Если верить Климу, мутантов и тут хватает, так что рисковать не стоит. Надо отдохнуть, а утром видно будет, с чего и как начинать поиски.

С наступлением темноты температура упала ниже нуля, земля покрылась коркой хрустящего инея. Впереди, в конце улицы, расчищенной от обломков зданий и истлевших автомобилей, на фасаде большого дома с заколоченными окнами, горел одинокий фонарь. Зих подошел ближе, прочитал освещенную фонарем вывеску, написанную красной краской на дощатом щите: «ГОСТИНИЦА. ВХОД СО ДВОРА». Поправил винтовку и пошел искать проход во двор.

Гостиница располагалась в подвале здания. У входа несколько человек стояли вокруг бочки, в которой горели куски старой крыши — грелись. Вся компания с любопытством уставилась на Зиха, но охотник не стал с ними заговаривать, просто прошел мимо, спустился по лестнице и вошел внутрь.

Подвал был освещен электрической лампой, слышалось гудение генератора. Было сыро, смрадно, но довольно тепло — в большой железной печи в углу подвала жарко горел гудрон. Вдоль стен стояли двухэтажные деревянные нары без матрацев — ни одно место не было занято. Видимо, желающих платить за ночлег сегодня не нашлось. Большой общий стол с лавками занимал чуть ли не половину помещения. Пахло горячим гудроном, сыростью, мышами, но еще чем-то пахучим и съедобным. Широкоплечий молодой мужчина вышел из смежного помещения — видимо, кухни или кладовки, — и тут же помахал Зиху рукой, приглашая подойти для разговора.

— Чужак? — спросил он без всякой враждебности. — Ищешь место для ночлега?

— Ищу, — Зих шагнул к стойке.

— Сам откуда будешь, папаша?

— Городок № 13.

— Не слышал. Десять банкнот за номер, за шамовку и воду платишь отдельно. Можно деньгами, можно бартером.

— У вас тут одна гостиница?

— В этом районе одна-единственная. Так что или плати, или выметайся. Хочешь погреться задарма — грейся на улице. Бесплатно у нас только пулями угощают.

— Понятно, — Зих осмотрелся по сторонам. Заведение мало чем отличалось от ночлежки Усача. Даже плакаты на стенах между нарами были почти такие же: старые киноафиши, довоенная реклама жратвы, спиртных напитков и автомобилей, голые девки с похабно раскоряченными ногами, пышными тугими титьками и томно полураскрытыми губами. Зих остановился глазами на огромном постере, изображавшем солдата в тактическом шлеме и уже знакомом охотнику черном стелс-комбинезоне. Солдат держал на

поднятых к небу руках маленького улыбающегося ребенка, сжимающего в руках сдобную булку, и над ними развевался сине-белый флаг с золотыми звездами. Еще выше шел текст: «Мы создаем будущее уже сегодня!» Прежде Зих не видел таких плакатов.

— Чем кормишь? — спросил он хозяина.

— По деньгам и кормлю. Есть собака, есть крыса, а есть концентраты и консервы. Вермишель, картофельное пюре, витаминизер, тушенка разная.

— Богато живете.

— Да уж не жалуемся, — хозяин посмотрел на Зиха с нетерпением. — Ну что определился?

— Патронами возьмешь?

— Возьму. Что там у тебя?

— Вот, — Зих начал выкладывать перед хозяином на стойку патроны из винтовки убитого солдата «Лабиринта». — Какой у тебя курс?

— Хорошие патроны. Один к одному, идет?

— Идет, — Зих отсчитал десять патронов. — Что у тебя выпить есть?

— Спирт, самогон, пиво, «пушистик».

— стакан спирта и мяса какого-нибудь. Только не сейчас, когда проснусь.

— Будет сделано, — хозяин сгреб патроны со стойки. — Тебя как звать, папаша?

— Зих.

— Есть желание, могу бабу тебе организовать, Зих. Всего пять банкнот за ночь. Хорошая баба, молодая, умелая, куда хочешь, туда и даст.

— Перебьюсь. Где мне расположиться?

— Где нравится, там и располагайся. Все места свободны. Можешь спать спокойно, вшей у нас нет, шмотье не воруют.

Зих отошел от стойки, выбрал место и с наслаждением растянулся на нарах, подложив под голову свой рюкзак. Тело после целого дня хождения в холод и ветер немедленно наполнилось тяжелой усталостью. Зих еще успел подумать, что никогда в жизни он так не уставал — и все. Огонь горевшей под потолком подвала тусклой лампочки померк вместе с сознанием, и охотник уснул.

Они сидели кругом у большого жаркого костра и ждали, когда прогорят дрова, чтобы можно было заложить в горячую золу целое ведро припасенной Снигирем картошки. А пока учитель рассказывал им о вере, и Зих слушал его рассказ. Снигиря всегда было интересно слушать, хотя Зих не всегда был уверен, что все в этих рассказах правда. Слишком уж гладко у Снигиря концы с концами сходились. Крысе истории Снигиря были, как всегда, неинтересны — он сидел с отсутствующим взглядом и ковырял ножиком черную мерзлую землю. Остальные слушали вполуха, их больше интересовал вопрос, когда же они начнут печь картошку и смогут поесть. А Снигирь говорил, время от времени встряхивая головой — такая у него была странная привычка. И еще, когда он рассказывал свои истории, то всегда смотрел куда-то в пустоту перед собой, будто видел там нечто, недоступное взгляду остальных.

— Чепуха это все, — сказал Зих, когда учитель замолчал.

— Что чепуха? — Снигирь с интересом посмотрел на подростка.

— Про Бога. Не верю я в то, что он есть.

Зих всей кожей ощутил, что его приятели смотрят на него — все, как один. Крыса, Яшка, Тимоня, Фрукт, Свинопас. Он их удивил. И Снигиря тоже удивил.

— И почему же ты в Него не веришь? — наконец, спросил Снигирь, слабо улыбнувшись.

— Как можно верить в то, что никто не видел? Ты-то сам Бога не видел, правильно?

— Не видел, — согласился Снигирь. — Но это не значит, что его нет.

— Эй, ты что? — шепнул Крыса сердито, толкнул Зиха в бок. — Рассердишь его, он нас без картошки оставит!

— Как так может быть? — спросил Зих, увлеченный своей мыслью, не замечая негодования Крысы. — Бог такой всемогущий, добрый, справедливый, любит всех людей и помогает им. А почему нам не помогает?

— Он помогает, — сказал Снигирь. — Только делает это так, чтобы мы считали, будто сами что-то сделали, без его участия. Иначе человек станет ленивым, инертным, и будет все время просить Бога ему помочь вместо того, чтобы самому что-то делать.

— Он ничего для нас делает, — ответил Зих. — Почему Он не сделает так, чтобы было теплее? Или чтобы люди не болели и не умирали? Чтобы уродилось больше картошки? И почему он не убьет всех Диких? Сделал бы Бог хоть что-то, тогда бы я в него поверил. А я должен верить в твои рассказы, что однажды наступит время, когда все будет хорошо — но меня-то тогда не будет?

— Почему ты так решил?

— Потому что! — насунился Зих. — Потому что не верю.

— Было время, я тоже не верил, — сказал Снигирь. — Это было в те дни, когда я только-только вышел из убежища, и наш командир повел нас на юг, искать хорошее место для жилья. Нас было тридцать пять человек, все, кто решился выйти на поверхность. Мы шли две недели, и все эти две недели продолжалась метель. Идти было очень тяжело — воздуха не хватало, мучила сильная отдышка. У нескольких человек сразу началась пневмония, а потом у всех появились признаки радиационного отравления. Наш доктор Лыков лечил нас, но не всем это помогло. К концу первой недели умерло шесть человек, потом еще трое. У меня страшно лезли волосы и чесалось все тело, но доктор сказал папе, что я буду жить, и я выжил — это было первое чудо. Ночью нашу стоянку окружали голодные мутансы, на которых приходилось тратить драгоценные патроны. Чтобы задержать стаю, мы не хоронили умерших, оставляли их псам на съедение. Да и как их было хоронить, если разгрести толстый слой снега и копать промерзшую насквозь землю просто не было сил? Мой младший брат промочил ноги, провалившись в полынью под снегом, и отец нес его на спине, а я шел рядом с папиным пистолетом в руке, чтобы в случае чего отогнать мутансов, которые все время следовали за нами. Мы казались им очень легкой добычей. Но мы все-таки нашли удобное место для поселка, и у нас появился свой дом, в котором мы зажили все вместе — отец, мама, я и мой брат, — и это было второе чудо. А потом на наш поселок напали Дикие, и погибли многие, но случилось третье чудо — к нам вовремя подошла подмога из соседнего поселения, и вся наша семья уцелела. А главное, мой отец учил меня верить, и я благодарен ему за то, что он это делал. Не знаю, как бы я выжил, не будь во мне этой веры.

— Ты веришь потому, что Бог тебе помогал, учитель, — сказал Зих. — А остальным он не помогает.

— *Может быть, — Снигирь полез за пазуху, вытащил коробку с табаком и курительной бумагой и начал сворачивать самокрутку. Мальчишки заметили, что у него почему-то дрожат пальцы. — Но если Бог помогает мне, значит, и я должен кому-то помочь, правильно?*

— *Глупый какой-то, этот Бог, — Зих начал злиться, ему никак не удавалось рассердить Снигиря. — Говорит, что надо всем помогать, отдавать последнее. Дикому тоже все отдать? Мою еду, мою куртку, мой нож, мои патроны. А он меня за это убьет. Неправильно все это. Глупая вера, глупая!*

— *Эх ты, спорщик! — Снигирь поворошил палкой прогорающие дрова. — Не хочешь, не верь. Может, однажды поймешь, что был неправ... Тимоня, давай сюда нашу картошку. Есть пора...*

— Эй, есть пора!

Зих открыл глаза. Это не Снигирь говорит. Конечно, нет — ведь Снигирь давным-давно умер. Это хозяин гостиницы, в которой он вчера нашел ночлег. Стоит и улыбается во весь рот.

— Ну, ты храпишь, земляк! — сказал хозяин. — Вставай, твой завтрак готов.

— Завтрак? А-а-а, — Зих покрутил головой, осматриваясь. Подвал, в котором он провел ночь, был пуст. Только он сам, хозяин, да какой-то сивый мужичок в рванине, сидящий за стойкой с кружкой в руке. И еще Зих почувствовал восхитительный запах жареного мяса. Но перед тем, как сесть за стойку, охотник все же проверил, не копался ли ночью кто в его вещах. Хозяин оказался честным парнем — все было на месте.

— Слышь, мужик, — зашептал сивый, когда Зих уселся за стойку, — выручи, подкинь на стакашку. Помираю, мочи нет...

Зих промолчал. Сивый еще несколько секунд смотрел на него с собачьей мольбой в глазах, потом вздохнул и отвернулся. Хозяин между тем внес из кухни закрытую крышкой большую сковороду и через минуту поставил перед охотником миску с ломтями горячего жирного мяса, обильно политого коричневым пахучим соусом.

— Это не та самая баба, что ты мне вчера подкладывал? — осведомился Зих, показывая на мясо.

— Не бойсь, свинина это. У нас в городе людоедство запрещено, за это расстрел полагается на месте, — сказал хозяин. — Жри смело. Тестюшка у меня позавчера поросю заколол, вот и мясо тебе. С тебя десять банкнот.

— А запить?

— Ну, это само собой, — хозяин наполнил алюминиевую кружку на треть мутноватым разведенным спиртом из большой бутылки, придвинул Зиху. Сивый мужичок уставился на кружку горящими глазами, но Зиху до него не было никакого дела. Глотнув спирту, охотник вцепился зубами в горячую свинину — она была восхитительна. Она стоила тех денег, что запросил с него хозяин.

— Ты к нам в город по делу, или как? — осведомился хозяин. — Гляжу, снаряжение у тебя доброе и винтарь знатный. Охотник или наемник?

— Охотник. Просто гуляю, новые места для охоты ищу.

— Это хорошо, что охотник. Наша администрация желающих ищет на Ударнике

мутапсов извести. Обещают заплатить по пятерке за шкуру.

— Мало, — Зих с наслаждением прожевал еще кусок мяса. — Пусть сами на этих тварей патроны тратят.

— Экий ты... охотник, — хозяин покачал головой. — Ты учти, у нас тут празднующихся власти не любят. Тем паче с оружием.

— Да и хрен на них. — Зих сделал еще глоток спирта. — Я к вам ненадолго.

— Что у вас там на Большой земле слышно-то?

— Ничего не слышно. Что везде, то и у нас. Вопрос у меня к тебе: есть тут у вас проповедник один, Сашкой кличут. Не знаешь, как его найти?

— Сашка-проповедник? — Хозяин почесал лоб ладонью. — Не знаю такого. Но ты в храм зайди, там точно знают.

— А где этот храм?

— Недалеко отсюда. Со двора выйдешь, иди направо, мимо большого дома, у которого на крыше буквы: «СЛАВА ТРУДУ!». Дойдешь до конца улицы, сверни направо и топай вдоль трамвайной линии. Выйдешь к рынку, а там и храм рядом — его купол с рынка хорошо видно.

Зих кивнул благодарно, снова запустил пальцы в миску. Уже давно ему не приходилось так вкусно и сытно есть. Покончив с мясом, он допил остатки спирта, вытер жирные пальцы о комбинезон и полез за патронами. Хозяин с довольной улыбкой сгреб патроны со стойки и сунул в карман.

— Спасибо, — сказал Зих. — Если не найду места получше для ночлега, к тебе вернусь.

— За твои деньги хоть Луну с неба, папаша. Милости прошу к нашему шалашу.

На улице было холодно и ветрено, с серого неба летела мелкая снежная крупа. Зих вдохнул холодный воздух, полез за сигаретами. Давешний сивый алкаш уже был тут как тут.

— Слышь, браток, не угостишь сигаретой? — зашептал он.

— А не пошел бы ты, родной? — Зих одарил сивого тяжелым взглядом. — На выпивку у тебя нет, курева у тебя нет. Не кури и не пей, коли нечего.

— Да я понимаю... ты извини, конечно... но все-таки...

— Отвали, нет у меня курева, — Зих зажег сигарету и пошел искать храм Наследников.

6. КАРАНТИН

Дома вдоль улицы, которой шел Зих, неплохо перенесли эпоху запустения. Лишь один или два были частично разрушенные, остальные сохранили почти довоенный вид — только почерневшие стены с отвалившейся штукатуркой да лишённые рам черные провалы окон и входов в подъезды делали их похожими на облезлые, закопченные черепа, глядящие на Зиха пустыми глазницами. Охотник быстро нашел дом с буквами «СЛАВА ТРУДУ!» на крыше — правда, часть букв отвалилась, и патетическая надпись читалась теперь, как «...ЛАВ... ТРУ..У!» Если бы Зих знал английский язык, он мог бы посмеяться над забавной и неожиданной игрой слов, но охотник английского не знал, поэтому пошел дальше, стараясь держаться расчищенной от мусора стороны улицы. На стенах он видел расклеенные листовки, частью отпечатанные в типографии, частью написанные от руки — это были правила поведения для жителей Каменного Леса, наглядная агитация, что-то типа «Пользуйся дозиметром, выходя из дома!» или предупреждения вроде «Мародеров и людоедов убиваем на месте!» Зих читал их, шел дальше. Особенно много листовок было расклеено на фасаде бывшего кинотеатра «Луна» — тут Зих снова увидел плакат с солдатом и ребенком, а еще прочитал напечатанный огромными заметными издали буквами слоган следующего содержания:

«КОМИТЕТ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЗНАЕТ, КАК СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ!»

Час был ранний, поэтому людей на улице почти не было. У кинотеатра Зих увидел молодую женщину, закутанную в огромный вязанный из шерсти мутапса платок с ведром в руке — женщина, по всей видимости, вышла за водой. Зих заговорил с ней, спросил, как пройти к рынку, и женщина подтвердила, что охотник идет правильно. Лицо у нее было спокойное, темные глаза смотрели на Зиха без настороженности и враждебности. Видимо, люди тут чувствовали себя достаточно защищенными. Закурив, охотник пошел дальше и вскоре вышел к трамвайной линии. Здесь людей было больше, и все они шли в одну сторону — Зих решил, что на рынок, и не ошибся.

Звуки бодрого мужского голоса он услышал задолго до того, как подошел к площади. Голос разносился из репродуктора, установленного на деревянном столбе посреди утопающей в жидкой грязи площади. Несколько человек стояли и слушали, что говорит бодрый голос.

— Народная память донесла до нас сложенную в глубокой древности мудрую притчу о старом отце и его сыновьях, — вещал голос. — Ибо отец, желая показать своим детям пример единения, велел принести ему по ветке от дерева. Сложив ветки в пучок, отец предложил сыновьям переломить этот пучок, и никто из сыновей не сумел этого сделать. После отец роздал каждому по ветке и велел попробовать сломать свою ветку, и сыновья с легкостью это сделали. «Видите, — сказал отец после этого, — одинокую ветку переломить легко, но если сложить тонкие хрупкие ветки в пучок, никакая сила не переломит его. Лишь

в единстве залог силы, лишь в согласии путь к спасению!» Лучше не скажешь — только вместе со всеми людьми нашей планеты мы можем выстоять и преодолеть последствия невиданной катастрофы, поразившей весь мир. Мы всегда стремились к единству и никогда не отступим от наших принципов, от трех великих ценностей, на которых держится вся наша политика. Вот они, эти принципы — Единство, Созидание, Милосердие. Только через соблюдение этих принципов мы можем возродить этот мир. Только через единение всех людей, через созидательный упорный труд и милосердие мы придем к нормальной, достойной нас жизни. В единении мы обязательно сумеем возродить нашу несчастную Мать-землю, обожженную Армагеддоном, мы сумеем дать каждому надежду и показать путь к счастью и созиданию. И очень горько, что есть те, кто не понимает этих простых и понятных всем истин. Те, кто прикрываясь псевдопатриотическими лозунгами, преследует свои корыстные властолюбивые интересы, восстанавливает друг против друга народы, и так настрадавшиеся в последние десятилетия. Эти люди не думают о других, им все равно, как живут ваши дети, что сегодня у вас на столе, и ложитесь ли вы каждую ночь спать с чувством уверенности в завтрашнем дне. Они сидят в безопасных бункерах, куда нет доступа хищным мутантам и вырождакам из кланов Диких, где много продуктов, лекарств, чистой воды, где тепло и безопасно, и вспоминают о вас только в своих корыстных интересах. Их эгоизм, бездеятельность и цинизм возмутительны, но при всем этом они смеют обвинять нас в узурпации власти, в том, что мы продаем эту землю чужеземцам. Какой цинизм, какая слепота!

Голос надрывался дальше, но Зиху было уже не до громких речей — к нему подошли патрульные в одинаковых стелс-комбинезонах и шлемах, точные копии солдат, упокоенных им у силосной башни.

— Кто таков? — спросил один из них.

— Охотник я, — Зих попытался разглядеть глаза солдата за черным зеркальным забралом шлема, но увидел в нем только свое отражение. — Пришел в город по делу.

— По какому делу?

— Ищу проповедника Наследников по имени Александр. У меня весточка для него от близких.

— У тебя есть разрешение на ношение оружия?

— Нет.

— Следуй за нами в комендатуру, там оформим тебе нужные бумаги.

Зих решил не спорить. Солдат было двое, оба с автоматическими винтовками, и они здесь хозяева. Комендатура находилась прямо на рынке, в двухэтажном здании с заколоченными досками окнами. На табличке у входа было написано: «Особый отдел охраны порядка». Внутри Зих увидел еще трех солдат — они сидели за дощатым столом и играли в карты. На втором этаже был кабинет коменданта. Сам комендант, лысый коренастый крепыш со стриженной бородкой, сидел у печки разутый и штопал шерстяной носок.

— Проповедника, значит, ищешь? — сказал он, выслушав Зиха. — Это в церковь тебе надо. Туточки рядом. Сам-то откуда?

— Городок № 13.

— А, знаю. Гласкомовская вотчина. И часто вас наши доблестные армейцы навещают?

— Они нас не навещают. И мы их тоже.

— Еще бы! Им ведь не до вас, — комендант обкусил суровую нитку, натянул готовый

носок на ногу и потянулся за стоявшими у печки берцами. — Надолго в город?

— Как получится. Может, насовсем захочу остаться.

— А сам чем промышляешь?

— Охочусь.

— Винтовка у тебя отличная. Где взял?

— Купил, — Зих начал терять терпение. — Я закон не нарушаю, знаю, как себя вести.

Так что если нет ко мне вопросов, я бы хотел пропуск получить и по своим делам отправляться.

— Э, да ты не спеши так! Оно всегда интересно с новыми людьми поговорить. Ты как сюда добрался, без приключений?

— Почти. В Роднике на Диких натолкнулся, они там взяли группу сектантов. Хорошо, спецназовцы из Гласкома повстречались, так мы совместно Диких упокоили и святых освободили.

— Спецназовцы из Гласкома? — Глаза коменданта вспыхнули интересом. — Точно они?

— Точно. Шли на свою базу на Дальних озерах, вот и забрели на Родник, воды набрать, а тут такое дело.

— Интересно. И что дальше было?

— Ничего. Положили мы Диких, и военные на юго-восток ушли, а я в Каменный Лес подался.

— Тебе чего-нибудь военные говорили — куда идут, зачем?

— Они скажут, как же! Я только понял, они откуда-то с севера шли.

— Ну и что дальше было?

— А ничего. Нашел я по дороге на Родник два трупа, мужчины и пацана малого. При них вот эта книжка была, — Зих протянул коменданту сектантскую «Книгу Завета». — Вот и решил я весточку о покойниках родственнику доставить.

— А тебе-то корысть какая?

— А я верующий, — сказал Зих с самым невозмутимым видом. — И по моей вере принято последнюю волю усопшего выполнить, за то мне Бог в следующей жизни поблажку даст.

— Неплохая у тебя вера. — Комендант пристально посмотрел на Зиха, вернул книжку. — Винтарь свой дай.

Зих подчинился. Комендант сделал то, чего охотник никак не ожидал — достал из ящика стола резиновые перчатки, натянул их на руки, и только потом бережно взял «Стормер», глянул в прицел, посмотрел патроны, понюхал ствол, после поставил оружие в угол, рядом с печкой.

— Красиво вы там живете в вашем городке, — сказал он. — С серьезными винтовками ходите. А в рюкзаке у тебя что?

— Ты оружие-то мне верни.

— Успеется. Что в рюкзаке, спрашиваю?

— А сам и посмотри, — Зих бросил рюкзак к ногам коменданта.

— Ты на меня не серчай, — говорил комендант, рассматривая содержимое рюкзака. — Порядок и закон для всех един, а по закону я должен тебя как следует досмотреть и все нужные бумаги оформить. У нас ведь тут разный народ бывает. А сейчас, когда верующие стали стекаться к новому храму, и вовсе не уследишь, кого Бог привел... Лекарства у тебя

откуда?

— У торговца странствующего купил.

— Аптечка наша, специального образца. Такие на рынке не купишь.

— А на ней не написано было, откуда она, — заявил Зих, глядя прямо в глаза коменданта. — Я за нее коробейнику, между прочим, целый магазин патронов отдал. А еще он мне, подлюка, патроны для винтаря впарил, вроде калибр тот же, а не подходят почему-то.

— Что за патроны?

— Вот эти, — Зих вынул из сумки на поясе один из оставшихся у него трофейных патронов, подал коменданту. Тот сразу поднял на охотника вопросительный взгляд.

— Еще есть такие? — спросил он Зиха каким-то нехорошим тоном.

— Вот еще четыре. Считаю, облапошил меня, гнида. Маркировка вроде правильная, а не подошли, затвор тут же клинит.

— Они и не подойдут. Это особый боеприпас, и к нему особое оружие полагается. Патроны и аптечку я у тебя конфискую. Извини, но придется. Имя торговца знаешь?

— Вот чего не знаю, того не знаю. Я ведь покупаю, продаю, и вопросы не задаю. Если попадется тебе тот торговец, что продал мне все это добро, с него и спрашивай, где берет.

— Ладно, верю, — комендант захлопнул рюкзак. — Забирай свои манатки. Сейчас я тебе разрешение выпишу и направление в карантин.

— В какой еще нахрен карантин?

— В самый настоящий. Сейчас отправлю тебя в Ядренку, к доктору Дыбкову, он у нас по инфекциям спец. Сдашь анализы, как положено, посмотрит он тебя, а потом видно будет, пускать тебя по городу гулять, или отправить обратно домой. Ты ноздри не раздувай, балда, это для твоего же блага делается. Если здоров, никто тебя держать взаперти не будет, а коли болен, подлечат бесплатно.

— Чокнутые вы тут какие-то, — сказал Зих. — Перчаточки вон надел, будто я тебе зачумленный какой. Заразы что ли так боитесь?

— Не твое дело. А будешь обсуждать действия начальства, я тебя под арест отправлю, — комендант перестал улыбаться. — И манатки у тебя конфискую.

— Значит, не хочешь договориться по-хорошему?

— По-хорошему? — Комендант по-волчьи оскалил зубы, и в руке у него появился автоматический пистолет. Откуда он его достал, Зих даже понять не успел. — Я с тобой не договариваюсь, чужак. Я приказываю. Оружие твое пока у меня останется, надо его на предмет криминала проверить и документы на него оформить. Не бойся, я тебе квитанцию выпишу — будешь молодцом, получишь свою пушку обратно в лучшем виде. А пока тебя мои люди в Ядренку отведут. Я так понимаю, сопровождающие тебе нужны, вдруг глупости начнешь делать.

— Ладно, твоя власть, — Зих скрипнул зубами. — Ружье береги, если что с ним сделаешь, я тебя потом голыми руками по суставам раздергаю. Не посмотрю на твой пистолет.

До Ядренки Зиха довели на старом громыхающем армейском УАЗике — охотнику довелось на нем поездить впервые в жизни. Несмотря на такое событие, на душе у Зиха было

погано. За полчаса поездки по улицам Каменного Леса он успел пережевать большую часть злобы, которая владела им после встречи с комендантом. Квитанцию на «Стормер» лысый паршивец ему выдал — все как полагается, с печатью и собственноручной подписью, но у Зиха все равно были дурные предчувствия. Вдруг, вояки из «Лабиринта» нашли своих покойников — тех, которым он у силосной башни контрамарку на тот свет выписал. У одного из них пуля из «Стормера» в сердце. И с этой аптечкой и патронами чуть не попался. Нет, плохое это качество — жадность.

Правильно ему Елена говорила, не надо было сюда соваться...

— Эй, мужик! — окрикнул его солдат. — Заснул, что ли? Приехали, выходи!

Зих и не заметил, как джип остановился у высокого в два человеческих роста кирпичного забора с зелеными свежевыкрашенными воротами. Он наблюдал, как солдат связался с кем-то за воротами по портативной рации, а потом створки ворот загремели, разъехались в стороны, и вход был открыт. За воротами их уже ждал еще один черный — брат-близнец его сопровождающих, только вооруженный не автоматической винтовкой, а пистолетом-пулеметом в набедренной кобуре. Передав ему Зиха, лабиринтовцы сели в УАЗик и укатили восвояси.

— Следуй за мной, — велел охранник и повел Зиха к одноэтажному зданию в глубине двора.

В обширном вестибюле едко пахло резиной и дезинфицирующими растворами, вдоль стен были навалены свернутые костюмы химзащиты и брезентовые носилки. На двустворчатой стеклянной двери в глубине зала Зих прочитал: «Лаборатория № 1». Именно из этой двери секунду спустя к ним вышел невысокий молодой человек в синем халате и неизменных резиновых перчатках.

— На карантин? — спросил он. — Идем.

Зих, чувствуя на спине пристальный взгляд охранника, пошел за врачом. Они миновали длинный коридор со множеством дверей, дошли до последней. Сюда и вошел врач, Зих шагнул следом.

— Сопроводительный лист у вас? — спросил врач, глядя на Зиха.

— Этот? — Охотник протянул бумагу, что выдали ему в комендатуре.

— Этот, этот... Раздевайтесь.

Зих поставил у входа рюкзак, начал снимать комбинезон. Врач между тем с какой-то птичьей суетливостью раскладывал на столе инструменты и незнакомые Зиху приборы.

— Когда в последний раз мылись? — спросил он, бросив быстрый взгляд на охотника.

— Давно, — сказал Зих. — Что, благоухаю?

— Скорее, смердите. Жалобы есть какие-нибудь?

— Очень много жалоб. Первая на ваши порядки.

— Привыкайте. Мы вас сюда не звали, сами пришли. Если бы вы знали, с чем нам тут приходится сталкиваться, вели бы себя по-другому... Рот откройте!

Зиху вдруг стало смешно. Это был первый в его жизни настоящий медосмотр, раньше он вообще с врачами плотно не пересекался. Нет, в городке № 13 Филлипыч его пару раз лечил от чирьев и тяжелой простуды, и раны ему несколько раз обиходил, но чтобы так внимательно оглядывать и ощупывать...

— Присядьте-ка раз десять, — велел врач. — В быстром темпе.

— Это вы Дыбков?

— Да, я. А вас как звать-величать? Тут в сопроводительном листе ваше имя не

написано.

— Зих.

— Странное имя. Сколько вам лет?

— Сорок два будет весной.

— Неплохо, по нынешним временам вы долгожитель. Еще пару раз присядьте. Голова не кружится?

— Нет.

— Хорошо. У вас черепно-мозговые травмы были?

— В детстве башкой о трубу стукнулся. Шишку набил.

— Я вас серьезно спрашиваю.

— А я серьезно отвечаю.

— А это что? — Дыбков показал пальцем на длинный косой шрам в нижней части живота.

— Мартихора меня приласкала. Перед смертью.

— Чем болели?

— Дрестал пару раз от плохой воды... Слушай, доктор, может хватит время на меня тратить? Здоров я, понимаешь?

— Понимаю. Очень хорошо понимаю. Руку дайте, — врач приложил к пальцу Зиха какой-то сверкающий приборчик, охотник ощутил резкий укол и вздрогнул. Дыбков шагнул в круг света от лампы, посмотрел на светящийся дисплей прибора. Зиху показалось, что доктор вновь бросил на него мимолетный удивленный взгляд.

— И сколько вы меня будете в карантине вашем держать? — осведомился охотник.

— Сколько надо, столько и будем... Так, хорошо, осталось пройти паразитарный и бак-анализ. Ложитесь на стол.

Зих подчинился. Процедура была неприятная: Дыбков нацепил ему на живот и грудь с полтора десятка датчиков, от которых по телу шли болезненные разряды. Плюс взял у него кровь из вены. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, Зих начал думать о Лизе. Скоро и она познакомится с современной медициной. Если Елена не врет, и криптолан действительно поможет его жене, они потом будут со смехом вспоминать все эти дурацкие процедуры.

А если не поможет?

— Все, — вздохнул Дыбков. — Вставайте и одевайтесь.

Зих молча натянул кальсоны, носки и фуфайку, начал облачаться к комбинезон. Дыбков что-то быстро вводил в портативный компьютер, стоявший перед ним на столе. На Зиха он больше не смотрел. Охотник ждал.

— Прививки вам делали какие-нибудь? — спросил он, наконец, отвлекшись от своего занятия.

— Не знаю. На моей памяти — нет.

— Даже от столбняка?

— Филиппыч, наш городской врач, колол мне что-то, когда зверье меня драло. И обезболивающие уколы делал.

— Ясно. Сейчас я введу вам вакцину от СВДЛ. Мы ее всем теперь делаем, даже грудным детям.

— Что за СВДЛ?

— Системный вирусный дермомиолепроз. Про гниль слышали?

— Слышал. У нас в городке ее нет.

— У нас еще два года назад о СВДЛ никто не знал, теперь вот хоть чумные кордоны выставляй.

— Мне про Госпиталь рассказывали, что там больные гнилью содержатся.

— Есть такое дело. Мы там что-то вроде лепрозория открыли. Не убивать же их, в самом деле.

— Местные говорили, эта болезнь от людоедов пошла.

— Мы пока не знаем, откуда она пошла, — Дыбков закончил работать с компьютером, опустил крышку. — Я вас подержу два дня в изоляторе, это пока мы полный бактериологический анализ не проведем. Кормят у нас два раза в день, заодно помоешься в горячем душе. Если есть, чем заплатить, можете в нашей прачечной одежду постирать. Курить в изоляторе запрещено.

— Я без курева не могу.

— Придется потерпеть.

— Не могу я без курева, — повторил Зих, одарив медика тяжелым взглядом.

— Ладно, черт с тобой, курильщик заядлый, разрешаю в туалете курить. Но хоть один окурок в унитазах увижу, будешь драить там все до блеска, понял?

— Вот это мужской разговор, — Зих подхватил с кушетки свой рюкзак. — Куда мне теперь?

— Сейчас моя помощница придет, она тебя пристроит. А пока в коридоре подожди.

— Ну, тогда спасибо, — сказал Зих и вышел в коридор.

Медсестра была особой пожилой, чопорной, строгой и стерильной, как и все в карантинном изоляторе, поэтому Зих не только был препровожден в отдельный бокс с запирающейся снаружи дверью и единственной железной кроватью, но еще и информирован по распорядку дня и запретам, которых оказалось довольно много. После этого мегера, приказав оставить в боксе вещи, повела Зиха в душевую.

— Горячая вода подается только две минуты, — заявила она с самым каменным выражением лица. — Не теряйте времени, мойтесь быстро.

Зих получил маленький кусочек черного пахнущего дегтем мыла и старое полотенце, после чего медсестра ушла. Раздевшись, охотник включил воду в кабинке и полез под струю. Роскошь была неземная, в городке № 13 про душ только мечтать можно было. Зиху уже давно не приходилось мыться горячей водой — была у них в городке маленькая срубная банька, принадлежавшая все тому же Усачу, но за мытье в ней нужно было платить приличную сумму, а Зих платить не хотел. Он так разомлел под теплым душем, что не заметил, как отключилась горячая вода, и домываться пришлось уже под холодной струей, но это было неважно. Наслаждаясь ощущением чистой кожи и волос, Зих обтерся полотенцем, оделся и, вернувшись в бокс, проспал несколько часов так спокойно и хорошо, как давно уже не спал. Разбудила его медсестра, принеся обед — уже знакомое Зиху зеленоватое пюре и кружку с кисловатым витаминизированным напитком. «Детская жратва», — подумал Зих, но поел с удовольствием и, пользуясь тем, что медсестра оставила дверь незапертой, проскользнул в туалет и выкурил подряд две хорошие сигареты, а потом

снова растянулся на кровати. Ему начало казаться, что пребывание в карантине оказалось довольно приятной шуткой. Первый плюс — кормят бесплатно. Вторым — за эти два дня, что его тут собираются продержат, удастся, как следует отоспаться. И за все это не надо платить. Зих был почти благодарен лысому коменданту за то, что тот определил его в это царство комфорта и покоя.

Он продремал до самого заката, а потом появился доктор Дыбков. Осведомился у Зиха, как ему тут нравится, и заговорил о деле.

— Предварительные анализы хорошие, — сказал он. — Признаюсь, не часто можно видеть колониста с таким несокрушимым здоровьем, как у вас. И это меня очень удивляет.

— Я же говорил вам, что здоров. Можно было обойтись без всяких осмотров.

— Порядок для всех один. Вы, судя по всему, пришелец, а у нас строгий приказ военного командования помещать в карантин всех чужих.

— Бойтесь, что эпидемия какая-нибудь будет?

— Зря иронизируете. Это очень реальная угроза. Знаете, какая у нас статистика смертей в городе, особенно по детям? Инфекции на первом месте стоят. Думаю, у вас в городе та же картина.

— У меня жена болеет, — сказал Зих. — И вообще, ваша правда — больных у нас много.

— Чем болеет ваша жена?

— Снежная болезнь у нее.

— Сочувствую. Давно болеет?

— Несколько месяцев.

— Сильная женщина, — Дыбков сел на край кровати. — Надеетесь спасти ее?

— Надеюсь. Затем и пришел сюда, если честно. Мне сказали, у вашего начальства лекарство какое-то есть.

— Сколько лет вашей жене?

— Тридцать восемь будет в следующем месяце.

— Хорошо, — Дыбков слабо улыбнулся. — Отдыхайте. Завтра я вас навещу, и мы решим, что делать дальше.

За воротами медицинского центра гулял сильный северный ветер, пронизывающий до костей. С неба летели редкие снежинки, но дозиметр молчал — дувший над Каменным Лесом ветер не проходил над зараженными районами. Зих поежился и включил систему обогрева. Теперь у него осталось только два неотложных дела — во-первых, вернуться в комендатуру на городском рынке и забрать свою винтовку, во-вторых, найти проповедника Александра, чтобы рассеять у лабиринтовцев все подозрения. А дальше будет видно, как лучше заняться поисками диска Дроздова.

Лаборатория находилась на самой вершине холма — он-то и назывался Ядреным холмом или просто Ядренкой. Зих спускался к подножию холма по узкой улице, по обе стороны которой стояли мертвые, сгнившие, полуразрушенные деревянные дома за развалившимися штакетами, еле различимыми в буйной поросли сурчиной травы. По дороге ему не попала ни одна живая душа, только пару раз за домами мелькнули крупные

лохматые мутапсы, предупредившие Зиха о своем присутствии многозначительным рычанием. Только сейчас Зих понял, что безоружен — оставшийся у него охотничий нож неважное средство самообороны. Однако страха Зих не испытывал: он слишком хорошо знал повадки мутапсов и понимал, что собаки, живущие долгое время рядом с людьми, не станут нападать без причины. Главное не показывать агрессии или страха. Он спокойно дошел до конца улицы — здесь уже начинался район трех-четырёхэтажных многоквартирных домов, — и вышел к блокпосту лабиринтовцев.

— В карантине был? — спросил его начальник поста. — Ладно, топай дальше.

Зих спросил, как ему лучше добраться до рынка. Оказалось, что путь ему предстоит неблизкий — чуть ли не на другой конец города.

— Вон, видишь телебашню? — Начальник поста показал на высокий ажурный шпиль, еле различимый над крышами домов на фоне хмарного неба. — Иди к ней, а там найдешь свой рынок.

Оставив блокпост, Зих пошел дальше, углубляясь в заброшенные городские кварталы. Судя по всему, в этой части города никто не жил — все население Каменного Леса обосновалось в центре, где безопаснее, потому что поближе к управе и лабиринтовскому штабу. Интересно, подумал Зих, сколько тут живет народу? Наверняка больше, чем в городке № 13, но сколько? Несколько сотен, тысяча, больше тысячи?

Миновав еще один квартал, Зих вышел к автомобильному мосту — здесь снова были лабиринтовцы. Полдесятка солдат, уже не в черных комбинезонах отряда 505, а в обычном армейском обмундировании, расхаживали за перекрывшей мост оградой из колючей проволоки. А еще на мосту стоял колесный бронетранспортер, раскрашенный в зимний камуфляж.

— Ходят тут всякие, — заявил Зиху кислотицей молодой лейтенант. — С Ядренки, говоришь? А документы есть?

— Нет документов, — ответил Зих, закуривая. — Доктор Дыбков сказал, что сам перешлет все бумаги, куда надо.

— А справку дал?

— Справка есть, — Зих вытащил из кармана комбинезона сложенный вчетверо листок желтой бумаги с печатью. — Вот, гляди.

— Ну вот, а говоришь, что документов нет, — лейтенант мельком глянул в листок. — Есть какой товар на продажу?

— Ничего нет.

— Я бы сурчиный жир купил. Кашель, мать его, донимает.

— Нет жира. — Зих взял справку, сложил, сунул обратно в карман. — Слушай, а где тут площадь Маркса?

— Это в центре. Как идешь, так и иди, а там людей встретишь, они подскажут.

— И на том спасибо.

— Ступай, — лейтенант махнул рукой, вернулся к своим. Зих прошел мимо бронетранспортера и двинул дальше, к сереющим в сырой утренней пелене высоткам.

Впереди открылась обширная пустошь между домами: когда-то здесь был сквер, но деревья погибли, и сохранились только асфальтированные дорожки, утопающие в грязи, цементные основания скамеек, поваленные урны и горы мусора, перемешанного с грязным снегом. Земля была усеяна битыми стеклами. Здание справа от Зиха некогда было универмагом «Тайга» — теперь от его стеклянных панелей ничего не осталось, уцелел

только бетонный каркас. Зих услышал крики — там были люди.

На крыльце универмага собралось человек пятнадцать — в основном женщины, но было и несколько мужчин в камуфляже и с оружием. Двое из ополченцев держали за руки обнаженную по пояс молодую женщину: лицо у нее было разбито в кровь, длинные светлые волосы растрепаны; кожух из плохо выделанных кроличьих шкурок, принадлежавший женщине, держал в руках и по-хозяйски рассматривал третий ополченец. Еще один мужчина с карабином Симонова на плече, верно, старший в этой группе, слушал возбужденных, перебывающих друг друга женщин.

— Я иду по улице, а тут эта, — выпучив глаза, тараторила краснолицая тетка с угревой сыпью на обвисших бульдожьих щеках, — как заметила меня, так сразу порск в переулочек! А я давай кричать на всю улицу...

— Дикая она! — вопила другая. — Стерва проклятая! Детей наших на жаркое пришла воровать!

— Тебе чего тут надо? — крикнул старший, увидев Зиха. — Давай, проходи.

— Ничего не надо, — ответил Зих, останавливаясь. — Просто услышал, что кричат.

— Услышал, так услышал. Тебе тут делать нечего.

Зих обернулся, сделал несколько шагов — и тут за его спиной грянул выстрел. Охотник вздрогнул, застыл на месте, на одно мгновение ему показалось, что стреляли в него — но потом до него дошло, что случилось. Обернувшись, Зих увидел, что светловолосая женщина лежит ничком на крыльце, прямо в луже, и жидкая грязь вокруг ее головы быстро окрашивается кровью. Ополченец, сыгравший роль палача, перехватил взгляд Зиха, торопливо убрал новенький ГШ-18 в кобуру.

— Чего вылупился? — заорала одна из женщин, видимо, угадавшая во взгляде Зиха владевшие охотником чувства. — Всех этих Диких убить надо! Они сразу разносят, детей едят!

— Она не Дикая, — Зих с трудом отвел глаза от вздрагивающего в кровавой луже тела. — У Диких на теле племенные татуировки, у нее их нет.

— Много ты знаешь! — Женщины смотрели на охотника со звериной ненавистью. — А ты сам-то не из них?

— Это еще посмотреть надо, кто из нас Дикий, а кто нет, — ответил Зих.

— Ты, мужик, не умничай, а иди отсель по-хорошему, — сказал вожак ополченцев, выразительно сняв карабин с плеча и положив его стволом на сгиб локтя. — А то ведь терпелка у нас не железная.

— Уже ухожу, — сказал Зих и пошел дальше.

7. ПРОПОВЕДНИК

Комендант ничуть не был удивлен появлением Зиха. Встретил охотника довольно дружелюбно, сразу, без всяких разговоров и вопросов, взял квитанцию, отпер ключом железный оружейный шкаф и выдал Зиху его «Стормер», а в придачу к винтовке — официальное разрешение на ношение оружие на территории Особого поселения «Город», подписанное главным военным комендантом Каменного Леса. Зих осмотрел винтовку, проверил, все ли патроны в магазине, не замечая, как презрительно кривит рот наблюдающий за его действиями комендант.

— Ничего не украли? — осведомился комендант, когда Зих повесил винтовку за спину.

— Ничего, — охотник шагнул к двери. — Счастливо оставаться.

— Погоди, — комендант взял со стола какой-то листок. — То, что тебе разрешено носить оружие еще совсем не значит, что ты его можешь применять, когда тебе вздумается. Так что лишний раз не стоит провоцировать патрули, может плохо кончиться.

— Уже понял, — Зих понял, что должен это сказать. — Полчаса назад на моих глазах патруль расстрелял женщину. У нее не было оружия, но ее все равно убили.

— Значит, было за что, — комендант потянулся к пачке сигарет на столе. — Заработать не хочешь?

— Я тебе про убитую женщину говорю. Патруль решил, что она Дикая. Но эта женщина не была Дикой. Это точно.

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я нашел этих гавриков и поставил их к стенке за самосуд? — Комендант криво усмехнулся. — Где это случилось?

— Возле универмага «Тайга».

— Железнодорожный район. Это не моя зона ответственности. Хочешь разборок — топай к Милошевичу, это военный комендант Железнодорожного. Только вряд ли ты чего добьешься. Давай лучше о настоящем деле поговорим. Готов помочь военным властям за приличную плату?

— Смотря что ты предложишь. Если отстреливать собак на Ударнике, сразу скажу — я пас.

— Нет, собак отстреливать я тебе не предлагаю. Пока ты был в карантине, получили мы тут одну информацию. Есть в пяти километрах на северо-запад от города маленькое поселение, называется «Радужная обитель», до войны там дачный поселок был. А где-то с полмесяца назад там сектанты из Наследников Мира обосновались. С позавчерашнего дня с ними нет связи, радио не отвечает, будто вымерли они. Я про тебя доложил командованию, так они уполномочили меня предложить тебе... шабашку.

— Да? И какова плата за мои хлопоты?

— Сначала разобраться надо. В «Радужной обители» наш наблюдатель находился, его надо найти в первую очередь. Найдешь, тогда о плате поговорим.

— А что своих солдат не пошлете?

— У них другой работы невпроворот. Так берешься, или нет?

— Нет, — сказал Зих. — Некогда мне. Сами разбирайтесь.

Он вышел из комендатуры успокоенный и даже немного развеселившийся — винтовка у

него, и желать большего нечего. Надо отдать должное коменданту, оружие он возвратил в целости и сохранности. Да и разговаривал с Зихом совершенно другим тоном, чем в прошлый раз. И разрешение выдал. Официальные дела закончены, теперь можно...

Хотя нет, еще одно дело осталось. И надо с ним побыстрее разделаться.

В храме было так же холодно, как и снаружи. Да и храм был — одно название, просто каменная коробка, оставшаяся от старой церкви, без крыши, без купола, с обветшавшими почерневшими стенами. Ветер врвался в лишенные рам окна и провалы дверей, наметал муар ледяной крупы на пол, покрытый лужами грязной воды — и поминутно задувал горящие на длинном, поставленном поперек нефа столе свечи. Когда свечи гасли, высокий человек с лысой головой и глубокими темными глазами вновь зажигал их деревянной щепкой от «летучей мыши», которую держал в руке. В промежутках между свечами на столе стояли почерневшие, покрытые копотью и патиной предметы церковной утвари — алтарные кресты, потиры, ковчезцы. А еще на столе были картинки в рамках — пейзажи, где зелень покрытой травами земли соперничала по яркости с глубокой синевой безоблачного неба, где было много света, и чистые улыбающиеся люди смотрели безмятежными взглядами на линию горизонта. Были на столе и уже знакомые Зиху красные книжки Завета, заботливо укутанные в полиэтилен. Лысый человек не обратил на охотника никакого внимания — он был слишком занят разжиганием задуваемых ветром свечей. И Зих сам заговорил с ним.

— Я ищу проповедника Наследников по имени Александр, — сказал он. — Слышал с таким?

— Зачем он тебе? — ответил лысый, не глядя на Зиха.

— У меня для него плохие новости.

— Нынче новости чаще всего плохие, — лысый все же перевел взгляд на гостя. — А это значит, что ты не вестник радости.

— Так это ты Александр?

— Да, я Александр, — лысый поставил на стол фонарь. — Чего ты хочешь?

— Вот, посмотри, — Зих протянул ему книгу с надписью Козьмы. Лысый взял книгу, раскрыл, прочитал надпись, беззвучно шевеля губами. Лицо его осталось таким же непроницаемым.

— Здесь сказано о мальчике, — промолвил Александр. — Где он?

— Там же, где и отец. Мы слишком поздно нашли его.

— Значит, они оба в Последнем Убежище, — Александр перекрестился, Зих, помедлив секунду, сделал то же самое. — Где ты их нашел?

— У старого трубопровода. Уж прости, похоронить их я не смог.

— Это неважно. Бог примет всех, кто на земле и в земле, ему все родные.

— Еще раз прости, что огорчил. Счастливо оставаться.

— Ты ведь не только с дурной вестью ко мне пришел, — внезапно сказал Александр.

— С чего ты решил?

— В Его храм приходят для того, чтобы думать и говорить о Нем.

— Я для этого недостаточно крепко верю, уж извини.

— Я вижу. Хотя и крестное знамение творишь, а нет в тебе рвения веры. Ты не хочешь признать своих грехов и своего несовершенства.

— У тебя свечи снова погасли, — заметил Зих, шагнув к выходу. — Поэтому займись делом, а со своими грехами я уж как-нибудь сам... Будь здоров!

— Зажечь свечу совсем нетрудно, — слабо улыбнувшись, сказал Александр. — А вот сердце человеческое зажечь верой куда труднее.

— Вот только громких слов не надо, — Зих остановился, хотя еще миг назад хотел побыстрее уйти отсюда в тепло. — Ты-то сам веришь в то, что говоришь? Или просто так, поханжить решил?

— Вот, смотри, — Александр запалил лучину от «летучей мыши» и начал зажигать погасшие свечи. — Видишь, как просто? Одно движение руки, и они снова горят.

— Люди — не свечи. Вообще не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Ты задумывался когда-нибудь над тем, что случилось сто четыре года назад? Поднялся огненный ветер и задул сразу миллиарды свечей, и некому было их разжечь заново. Как ты думаешь, почему это случилось?

— Мне это неинтересно. У меня нет времени думать над такими глупостями.

— Правильно, ты не можешь увидеть истины, потому что в твоей душе нет света. Ты живешь просто потому, что тебя однажды родили на свет, и ты выжил. Ты не умер от болезней, от голода, не стал добычей двуногих и четвероногих людоедов. Но твоя душа слепа, она еще не родилась.

— Ты, что ли, та повивальная бабка, что поможет моей душе родиться? Знаешь, был у меня учитель по имени Снигирь. Хороший мужик, жаль помер несколько лет тому назад. Вот он тоже иногда что-то мне про душу говорил. Но я в нее не верю. Нет никакой души. Есть тело, которому нужны пища, вода, убежище, тепло, любовь, лекарства и сон. Если всего этого нет, тело умирает, и все, конец. — Зих похлопал по прикладу своей винтовки. — Вот эта штука надежнее любых красивых слов и заклинаний. Она защитит меня и от людей, и от зверей. А твои собратья шастают по Внешнему миру без оружия. Ищут приключений на свою просветленную задницу. Три дня назад мы группу таких вот святош в Роднике отбили у Диких. Между прочим, девчонку спасли, которую уже разделать на порции собирались. Не твой Бог всемогущий ее спас, а я, хрен многогрешный. Так что зажигай свои свечки и не суди людей, целее будешь.

— Бог выбрал тебя своим орудием, вот ты и спас их. Разве это так трудно понять?

— Бог мне об этом не сказал. А вот с вами Он говорит, если верить тому, что происходит.

— Истинно так, — Александр просветлел лицом. — Мы слышим Его голос. Это Он позвал нас сюда, велел покинуть свои приюты и идти для того, чтобы создать на Земле оплот веры. Сегодня нас еще мало, всего несколько десятков в этом городе, но придет день, и нас будут тысячи. И мы изменим этот мир, вот увидишь.

— Интересно, — усмехнулся Зих. — Неужто всерьез во все это веришь?

— Я верю. Для меня моя вера — это все. — Александр поднял красную книжку, ту самую, что принес ему охотник. — Я даже не спрашиваю, читал ты ее, или нет. Если бы читал, не говорил бы того, что сейчас говоришь. Тут все ясно и точно написано. Каждое слово, как огнем жжет.

— И что же тут написано? Про то, что надо по Внешнему миру без ружья разгуливать? Или про вечную жизнь? Знаешь, ты эти сказки бабкам кислородим рассказывай.

— Тяжело тебе жить, брат, — сказал проповедник. — Без веры, без надежды живешь. Без истины. А истина, она ведь простая. Вот, — Александр раскрыл книжку, начал читать торжественно, нараспев: — «И не будет холода, потому что в Убежище согрею вас теплом, большим, чем тепло огня, дарую вам свет ярче, чем свет солнца и луны. Не будет голода, потому что накормлю всякого, кто алчет, напою того, кто жаждет. Не будет страдающих, потому что исцелю недуги и смятение души. Не будет зла и ненависти, потому что дарую всем любовь. Не будет смерти, потому что верну к жизни всякого, кто мертв. За все, что отдам вам, прошу одного — веры в могущество Мое, в слово Мое, в истину Мою». Неужели так трудно поверить, скажи мне?

— А зачем мне верить? — Зиха поневоле захватил этот странный спор, а может просто, после двухдневного сидения в карантине, захотелось поговорить. — Вот смотрю я на тебя и вижу: стоит мужик в куртке на рыбьем меху, губы синие от холода — видно, что мерзнешь здорово. Оружия у тебя нет, любой ханурик из тебя мозги выпустит, если захочет. Глаза у тебя голодные, наверное, с утра не жрамши, так? И храм твой — развалина, с детскими картинками и свечками. А я вот не верю, но я в теплом комбезе, с оружием, при хабаре, сейчас пойду в гостиницу, стопку накачу, поем. Заметь, я у Бога ничего не прошу, сам все добываю. Шкурой рискую, но без этого никак, такой он, этот мир, который вы изменить хотите. Иди, живоглоту свои сказки про Убежище почитай, он тебя послушает внимательно.

— Наверное, горе у тебя было большое, — сказал проповедник, помолчав, точно ему требовалось время, чтобы осмыслить слова Зиха. — Хотя, точно было, сейчас у всех горе, у каждого свое. Но без веры никак нельзя. Тогда жизнь совсем смысла не имеет. Останутся только холод, голод, безумие и смерть. Как же тогда жить?

— А вот это и есть самое трудное, дружище — просто жить. Несмотря ни на что. Без сказок, без самообмана. Попробуй, может получится.

— Нет, — Александр покачал головой. — Я не верю тебе. Ты не от сердца все это говоришь. Боль в тебе сидит, она и говорит за тебя. Твои истинные мысли совсем другие. Ты тоже веришь в вечную жизнь. Все мы в нее верим. Мы уже умерли один раз, весь этот мир умер. Двух смертей не бывает, впереди только вечная жизнь.

— Ты это своим брату и племяннику расскажи. Или той женщине, которую сегодня на моих глазах патруль шлепнул. Что-то сильно кажется мне, она из ваших была, а ее за Дикую приняли — и убили, на шубейку ее позарились. Они мертвы, и второй жизни им никто не даст. А если бы сидели там, где сидели, остались бы живы, глядишь. Ладно, не мое это дело. Прости, пора мне.

— В Книге Завета написано: «Кто стремится сохранить свою жизнь, тот ее потеряет. Кто потеряет жизнь, уверовав в Меня, тот будет жить вечно в царстве Моем», — сказал проповедник. — Мои родные живы. Они в Боге живут. Придет день, они вернуться ко мне, потому что смерти нет. Жаль мне тебя, ты этого не поймешь никогда.

— Это верно, темный я, непросветленный, — с иронией сказал Зих. — Ко мне мои покойники только во сне возвращаются, иногда. Но я этому что-то не рад. Ладно, бывай.

По лицу Александра было видно, что он хотел ответить, но тут по нефу прошел новый порыв ветра, задул свечи, опрокинул несколько картинок в рамках. Зих еще несколько секунд смотрел, как проповедник, дрожа от холода, пытается застывшими пальцами разжечь погасшие свечи, потом вышел из храма. На душе было смутно и неопределенно.

— Мужчина, — какая-то закутанная в тряпки фигура, вроде как женщина, подскочила к Зиху, — подайте ради Бога! С голоду пухнем...

Зих тяжело глянул в опухшее, покрытое болячками лицо, в мутные выцветшие глаза, скинул с плеча рюкзак и достал коробку бульонных кубиков — часть сухого пайка, выданного в карантине. Бросил несколько кубиков в протянутую грязную ладонь и пошел дальше, не слушая летящих в спину слезных благодарностей. Отошел подальше и подумал — что сделал? Поддался жалости, расчувствовался после беседы с проповедником? Может, эта тетка была сегодня среди тех, кто возле универмага «Тайга» рвал глотку в яростном ненавидящем крике, требуя убить светловолосую женщину в заячьей кожухе?

Сделал и сделал, черт с ним. Холод начинал пробираться до костей, а включать систему обогрева Зих не хотел, чтобы не разряжать элемент. Надо идти в тепло. Лучше всего — в ту гостиницу, где кормят восхитительной свиной. Поест, выпить, согреться — и подумать, с чего начать поиски диска Дроздова. Найти его поскорее и покончить со всем этим. Нечего здесь больше делать.

На этот раз свинина была похуже, сала и хрящей было больше, а соус отдавал чем-то прогорклым. Но спирт хозяин ночлежки разбавлял мастерски, в голову ударило с четвертой стопки.

— Хорошо? — спросил хозяин, глядя на разомлевшего Зиха.

— Не то слово. Чего сам не пьешь?

— А можно, — заявил парень, нацедил себе с полстакана пойла, лихо опрокинул в горло и заел куском свинины прямо со сковороды. С минуту оба молчали, наслаждаясь теплом и опьянением.

— Освоился в городе? — спросил хозяин, накладывая Зиху еще свинины.

— Освоился. Даже в храме побывал.

— У блаженных? — Хозяин фыркнул. — Заходили тут двое, листовку мне свою принесли, приглашали на собрание. Да только мне их боженька до фонаря.

— Вот и я сегодня о вере много говорил. Воздух сотрясал. Налей-ка еще.

— Их тут много появилось в последние недели, — сказал парень. — Раньше не было, а тут вдруг расплодилось, что крысы. У нас население разом вполовину выросло. И куда власти смотрят?

— Во-во, они лезут в город, а меня в карантин замантулили... — тут Зих замолчал, пораженный новой неожиданной мыслью. — Слушай, а ведь я на Ядренке один был. Ни одного сектанта. Их что, в карантин не сажают?

— А хрен их знает. Мне до них дела нет. Мое дело — гостиница. Я деньги зарабатываю себе и жене.

— Тоже верно, — Зих подцепил вилкой кусок свинины, отправил в рот, прожевал. — Давно женат?

— Четвертый год. Хорошая у меня жена, только не родит никогда. Но тут уж делать нечего, это у многих так.

— А где здесь какой подарок для бабы можно купить?

— В центре, на Советской, есть хороший магазин «Тысяча мелочей». Цены там высокие, но товары хорошие, довоенного добра много, и жратвы у них всякой полно. Я там

обручальные кольца покупал. — Хозяин продемонстрировал Зиху золотое кольцо на пальце. — Хочешь жене что-нибудь прикупить?

— Да надо бы. А то все деньги пропью, домой вернусь ни с чем.

— Тоже правильно. Если есть что сменять на хороший товар, зайди туда, не пожалеешь. Еще налить?

— Нет, хватит. Спать хочу, завтра день колготной будет. А то, — Зих вдруг увидел то, чего не заметил в свой первый визит в гостиницу — на столике у входа на кухню стоял старый выдавший виды транзисторный радиоприемник, — гляжу, радио у тебя есть? Работает?

— Работало, пока власти на городской телебашне какую-то свою установку не поставили. Теперь только их трансляция идет, а там музыка какая-то скучная, и говорят много. Да и батареи денег стоят.

— Жаль. Ладно, спасибо за ужин и выпивку.

Тепло, сытость и пьяная истома быстро сморили Зиха. Но, засыпая, Зих успел еще подумать о трех главных событиях минувшего дня. Во-первых, о карантине, в который его определили, хотя прочих пришлых в Каменный Лес туда никто не отправлял. Во-вторых, об убитой женщине — Зих так и не смог найти ответ, кто она была такая. В-третьих, местные власти им, похоже, заинтересовались, иначе как объяснить, что комендант сразу предложил ему дело — и дело вроде как серьезное. А он, оказывается, знаменитость, если и в Каменном Лесе ему с места в карьер находят работу.

Только вот непонятно, к добру это, или к худу. А если так, лучше убираться отсюда поскорее, пока не поздно.

8. ПЛАТОК

Памятник стоял на обомшелом и облезлом каменном постаменте, застывший в величественной позе, с выставленной вперед правой ногой и рукой, заложенной за лацкан пиджака — бородатый мужик, неплохо переживший прошедшие лихие годы. Когда-то он стоял среди цветников и ухоженных деревьев, но теперь вокруг был лишь грязный, заросшей сурчиной травой и гигантскими поганками пустырь. Зих несколько раз обошел его, прежде ему не доводилось видеть памятников, он только слышал о них. В городке № 13 сохранился постамент от какой-то памятной скульптуры, поставленной там еще до Катастрофы, но статуя не выдержала морозов ядерной зимы и раскрошилась в пыль — осталась только каменная кубическая глыба, на которой еще можно было прочесть вырезанные буквы: «Ни... то. е за...йт, нич... не ...быто.» Здесь же, на этом памятнике, отчетливо читалось «Маркс». Нужный Зиху дом был прямо перед ним. Огромный, восьмиэтажный, почти не изглоданный разрушением. На площадке перед домом громоздились ржавые костяки автомобилей, сквозь которые проросли пучки травы.

В дом охотник вошел с парадного и сразу понял, что найти нужную ему квартиру будет совсем непросто — все двери давным-давно унесли на топливо. Выручил список жильцов, висевший в подъезде вестибюля — тут значились квартиры с первой по двадцать четвертую. Квартира Дроздова должна была находиться в четвертом подъезде.

Забраться на восьмой этаж по заваленной мусором лестнице оказалось совсем непростым делом. Дом был мертв, даже вездесущих крыс нигде не было видно. В воздухе пахло плесенью и сыростью. На лестничной площадке восьмого этажа Зих отдышался, выкурил сигарету и зажег фонарь.

Начал он с квартиры, расположенной в левой стороне от лестницы и сразу понял, что Дроздов тут не жил. Квартира принадлежала, по всей видимости, какой-то женщине — на полу в лохмотьях сгнившего линолеума в изобилии валялись черепки от разбитых цветочных горшков, в углах фосфоресцировала светящаяся плесень, нараставшая десятилетиями, но в чудом сохранившемся полуразвалившемся шкафу лежала аккуратно сложенная летняя женская одежда. Зих даже удивился, насколько хорошо она сохранилась, и в другой раз обязательно забрал бы ее для Лизы, но сейчас ему недосуг был носиться с тряпками.

Вторая квартира была однокомнатной — из нее вынесли решительно все, даже клеенчатые обои со стен содрали. Зих отбросил носком ботинка валяющуюся на полу ржавую консервную банку, вздохнул и вернулся в подъезд, постоял немного у входа в третью, последнюю квартиру — и вошел. Ему показалось, что здесь пахнет давней смертью.

Тут было три комнаты, просторные и когда-то наверняка светлые и ухоженные. Зих вошел впервые комнату от входа, и вздрогнул — на полуистлевшей двуспальной кровати белели два человеческих скелета. Умершие здесь люди словно обнимались перед смертью. У Зиха внутри что-то похолодело — один скелет был заметно меньше. На кровати умерли взрослый и ребенок. Охотник посветил фонариком, в его луче среди костей и матрасной трухи что-то сверкнуло голубоватым огоньком. Это была серебряная брошь с прозрачным синим камнем: серебро почернело, но вещь была дорогая и редкая, и Зих забрал ее. На

запястье большого скелета были изящные часы на металлическом браслете: покопавшись среди костей еще немного, Зих нашел по-настоящему ценные шутки — два золотых крестика и женскую золотую сережку колечком. Только ради этой добычи стоило зайти в квартиру. Больше ничего стоящего в комнате охотник не нашел.

В большой комнате, среди обломков мебели лежали сгнившие книги. На обложке одной из них Зих сумел разобрать заголовок: «Общая вирусология». Похоже, он нашел нужную квартиру. Теперь надо поискать диск.

В самой маленькой комнате, дальней в квартире, книги были повсюду, они буквально усеивали пол. Когда-то их наверняка было много больше, но колонисты растащили большую часть на топливо вместе с частями книжных шкафов, а потом сюда вообще перестали ходить. Среди книг были разбросаны обломки какой-то электронной техники. Из мебели сохранился только круглый металлический стул и массивная рама от пианино, изъеденная коррозией и покрытая вековой пылью. Зих заглянул за раму, добросовестно перетряс каждую книгу — они разваливались у него в руках. Диска тут не было, надо искать в другом месте.

Внезапно охотнику пришло в голову, что сборщики пепла из «Лабиринта» тут не были — это было очевидно, уцелевшие вещи никто не трогал уже много лет. Почему? Если лабиринтовцы тоже разыскивают диск Дроздова, чего ж здесь не искали? Это было странно и непонятно, но Зих не стал искать объяснения. Он заглянул в туалет, осмотрел там все, а потом вышел в кухню. Из мебели в кухне остался только ржавый холодильник. Зих открыл его — пусто. Диска в квартире не было. За холодильником охотник заметил красную кофейную кружку, выкатил ее стволом винтовки и сунул в рюкзак.

В коридоре перед выходом Зих задержался у встроенного шкафа с выломанной дверью. В шкафу висел заплесневелый и седой от пыли женский летний плащ. Зих осторожно, чтобы не поднять всю эту пыль, расправил плащ, сунул руку в правый карман плаща, потом в левый. Нащупал сложенный вчетверо листок бумаги. От времени и сырости бумага стала буро-желтой и ломкой, но Зих сумел разобрать следующее:

Оленька, милая, я не могу до тебя дозвониться — что-то происходит с сотовой связью, в городе отключились все телефоны. За мной приехали из госпиталя — Тихомиров срочно требует моего присутствия в институте. У меня нехорошие предчувствия. Оставляю тебе эту записку — как приедете домой, сразу поезжайте ко мне! Я оставлю для тебя и Танюшки пропуска на КПП. Не забудь паспорт и Танюхины метрики.

Целую, твой Илья.

— Илья, — сказал сам себе Зих, продолжая смотреть в записку. — А Дроздова зовут Виктор Ильич. Интересно. Что ж, здесь ничего нет, значит, пойдем в госпиталь. Может там что отыщется.

Магазин «Тысяча мелочей» располагался в подвале — тут вообще предпочитали устраиваться в подвалах, так и теплее, и безопаснее. Зих был изумлен: лавка Усача не шла с этим царством роскоши ни в какое сравнение. Магазин был освещен четырьмя электрическими лампами под красными плафонами — их свет отражался в больших

зеркала на стенах, в рядах стеклянной и хрустальной посуды на полках, в батареях выставленных на длинном прилавке бутылок. Справа стояли вешалки с одеждой, с добротными довоенными вещами всех размеров, фасонов и расцветок, и полки с обувью, мужской, женской и детской. Вдоль левой стены на стеллажах красовалась еда — консервы, пакеты с концентратами, соль, сахар, мясной и яичный порошок, брикеты синтетического жира, яркие баночки витаминизера. А еще здесь было самое разное курево, и даже любимые сигареты Зиха, в белых пачках с красными уголками, с надписью Marlboro.

— Пришли затовариться? — Хозяйка, ухоженная женщина лет сорока, одарила охотника игривым взглядом. — Я вас раньше у нас не видела.

— Да вот шел мимо, — Зих немного отошел от первого потрясения. — Роскошно тут у вас.

— Рада, что вам нравится. У нас лучший в городе магазин. Хотите купить что-нибудь или продать?

— Да я бы все купил. — Зих замолчал, остановившись взглядом на группе фигурных бутылок с содержимым янтарного цвета. На этикетках всех бутылок было слово «Коньяк». — У вас и коньяк есть?

— Конечно. И виски есть, и настоящее довоенное вино. Представляете, ему больше ста лет, какой редкий напиток!

— Нет, вино не надо. А сколько коньяк стоит?

— Дорого. Очень дорого.

— И все же, сколько?

— Он разный. Вот этот, — женщина взяла в руки небольшую плоскую бутылку с черной этикеткой, — обойдется вам в триста довоенных банкнот. Это настоящий французский коньяк.

— Действительно дорого. А подешевле что есть?

— Что ж, у такого видного мужчины не найдется трехсот банкнот на достойный его напиток? — снисходительным тоном спросила хозяйка.

— Не знаю, — Зих вытащил из кармана найденные в мертвой квартире Дроздова украшения и часы. — Как думаете, сколько это может стоить?

— Ну, брошь симпатичная, — хозяйка поиграла брошью в лучах лампы, оценивая камень. — И александрит в ней настоящий, давно таких не видела. Сто банкнот могу дать. Крестики тоже миленькие, по двадцать банкнот за штуку. За сережку пять банкнот.

— А часы?

— К чему мне они? Это хлам. Оставьте себе.

— Значит, всего сто сорок пять банкнот? А какой коньяк я могу купить на эти деньги?

— Так хотите коньяку попить? — Женщина снисходительно усмехнулась. — Странный вы мужчина. Хотя я вас понимаю — наверное, никогда настоящий коньяк не пробовали?

— Пробовал. Потому и хочу купить.

— Знаете, у меня есть для вас бутылка довоенного бренди. Не французский, конечно, но очень неплохой. Всего восемьдесят банкнот.

— А сигареты «Мальборо» у вас почему?

— Для вас — по сорок.

Зих задумался. Сорок банкнот — это двадцать патронов для его винтовки. Или пять банок самой лучшей тушенки, или килограммовый пакет сахара. Стоит ли? На подарок Лизе совсем ничего не останется. Хозяйка будто угадала его колебания.

— Знаете, что я вам скажу? — зашептала она заговорщически. — Вы мужчина боевой, и для вас у меня кое-что особенное есть. Вот, смотрите, — женщина вытащила из-под прилавка великолепный кинжал с обоюдоострым лезвием и черной пластиковой рукоятью. — Это настоящий Фэрберн-Сайкс, английская работа, мечта, а не нож. Могу обменять его на весь ваш золотой хлам, это очень выгодная сделка для вас. Такой нож вы уж точно нигде не купите, отвечаю.

— Я... не знаю, — Зих еще никогда не сталкивался с таким количеством соблазнов, и ему стало немного не по себе. — Я вообще-то хотел жене подарок купить.

— А? — Хозяйка понимающе кивнула. — Что же вы сразу не сказали? Заботливый муж, значит? Просто чудесно! Сейчас я вам покажу кое-что особенное.

Чем-то особенным оказался небольшой платок из белого пуха. Мягкий, пушистый, легкий и поразительно теплый. Пробуя его пальцами, Зих представил себе слабую улыбку Лизы, когда он накинет ей этот платок на плечи, как она будет благодарить его — и как этот платок согреет ее, даст ей хоть немножечко тепла, которое проклятая болезнь выпивает из нее каждую секунду. Коньяк, сигареты, кинжал — все было забыто.

— Сколько? — спросил он.

— Вы мне нравитесь, поэтому отдам за сто сорок. Так он стоит двести.

Зих решительно протянул женщине золотые побрякушки вместе с поломанными часами, взял платок, бережно свернул и положил в рюкзак. Хозяйка с улыбкой смотрела на него.

— Завидую вашей жене, — сказала она. — Вы хороший муж.

— Надеюсь, — сказал Зих и, бросив последний взгляд на бутылки с коньяком, пошел к выходу.

Выходя из магазина, охотник увидел большой фанерный ящик у самой двери. Он не заметил его, когда входил. Ящик был полон одноразовых пластмассовых ложек, чашек, тарелок, мисочек, поломанных детских игрушек и прочей дребедени, которая, видимо, для хозяйки магазина не представляла никакой ценности и была свалена в этот ящик. Зих уже видел похожие вещи — там, в Роднике, у сектантов. И одежда, что висела на вешалках в магазине, тоже была очень похожей на ту, что была на фанатиках, спасенных ими у старой церкви. Хорошая, довоенная одежда. Откуда она тут?

Зих поежился, но не потому, что после теплого подвала его окружил холодный уличный холод. Он снова вспомнил светловолосую девушку, застреленную патрулем на его глазах. На ней был кустарный заячий тулуп, но, может быть, ее одежда сейчас тоже висит на вешалке в этом магазине? Так что же тут творится, в этом городе?

Хозяйка курила длинную коричневую сигарету, когда он вернулся.

— Что-то не так? — спросила она с беспокойством.

— Нет, я спросить хотел. У вас в магазине была девушка, светленькая такая. Вы ей тулуп из заячьих шкурок не продавали?

— Светловолосая девушка? — Хозяйка покачала головой. — У меня много посетителей в последнее время. Сектанты, знаете? Они приносят ненужные им вещи, я покупаю, обмениваю на то, что им пригодится. На еду, в основном. Всем выгодно. Что-то не так?

— Нет, просто я... Все нормально. Бывайте здоровы.

— Приходите еще, буду рада! — крикнула хозяйка вслед Зиху.

Зих промолчал. На улице он зажег сигарету, постоял немного — если еще минуту назад его знобило, то теперь он совсем не чувствовал вечернего холода. Его окликнул какой-то человек в обшитой собачьим мехом военной шинели.

— Огоньку не будет у тебя? — спросил человек, демонстрируя Зиху зажатую в пальцах самокрутку.

— Слушай, как мне к Госпиталю пройти? — спросил Зих.

— К Госпиталю? — Человек, казалось, был удивлен. — Да тут рядом совсем Госпиталь.

А чего тебе там понадобилось?

— Вроде как гниль у меня, — сказал Зих.

Человек в шинели прянул от Зиха с ругательствами и, перебежав на другую сторону улицы, исчез за углом дома. Охотник докурил сигарету и пошел искать Госпиталь.

9. Б90

На торцовой стене пятиэтажного здания справа от Зиха огромными красными буквами было выведено: «СТОЙ! КАРАНТИННАЯ ЗОНА! СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ». Зих прочитал предупреждение несколько раз и подумал, что на этот раз ничего сделать не может.

Впереди улица была перекрыта кордоном: рогатки из колючей проволоки поперек проезжей части, за рогатками два старых ржавых грузовика без колес, промежутки между которыми — метра два, не больше. И еще охранники: на этот раз не черные ангелы отряда 505, обыкновенные ополченцы в тулупах, валенках и меховых шапках.

— Эй, куда прешься! — крикнул один из них Зиху, наведя на охотника доисторическую снайперскую «Мосинку». — Неграмотный что ли?

— Стрелять будешь? — Охотник все же остановился, спокойно закурил. — Так стрелять и я умею. Постреляем?

— Слушай, мужик, ты тут не умничай, ёптыть. — Ополченец все же опустил винтовку. — Тут режимная зона. Так что вали отсель по-хорошему, если жизнь дорога.

— Дело у меня одно есть. Дай с главным вашим переговорить.

— Перемучаешься. Сказано — топай!

— Родственника я ищу, — Зих решил использовать заготовленную по дороге к Госпиталю легенду. — Весь город обыскал, нет его нигде. Люди подсказали, может он тут у вас, в карантине. Егор Чигарев, может, знаешь такого?

— Не знаю, и знать не хочу. Сюда вход только по особым пропускам. У тебя есть пропуск?

— Нет.

— Ну и все, вали к бениной матери потихоньку. А то стрелять буду.

— Слушай, а где можно пропуск получить?

— Это ты в центральной комендатуре спроси. Сюда только врачам из медицинской службы вход разрешен.

— Спасибо.

На углу Добровольческой и улицы Космонавтов (надо же, на домах даже таблички с названиями улиц сохранились!) Зих увидел вывеску «Домашний уют». Вход в заведение был прямо под вывеской. Зих вошел, и оказался в темном прокуренном зловонном, но теплом подвале, где стояли длинные, сколоченные из досок столы, и несколько потрепанных немолодых мужиков в собачьих куртках пили за этими столами спирт, закусывая его темным копченым мясом. Появление Зиха отвлекло лишь на несколько секунд: убедившись, что новенький им незнаком, мужики вернулись к своему разговору. Зих прошел мимо них в дальний конец подвала, встретился взглядом с бледной молодой женщиной, стоявшей за прилавком у стучащего и чадающего генератора, питающего единственную в подвале лампочку и обшарпанный древний холодильник.

— Что у тебя есть выпить? — спросил он.

— Спирт, — ответила женщина: лицо ее осталось серьезным и напряженным. — Два к

одной.

— А крепче не разбавляешь?

— Надо по-своему разбавить, бери чистый.

— Дай мне поллитра неразбавленного и поллитра воды, — сказал Зих, доставая из кармана банкноты. — И закуси какой-нибудь.

Мужики не ожидали, что чужак окажется таким щедрым, но отказываться и не думали — свою выпивку они почти уговорили, на большее денег не было, а тут счастье само подвалило. Зих умело разбавил всем по сто грамм и сам лихо хватанул свою порцию «за знакомство». Спирт был самого скверного качества, на редкость вонючий, но Зиху приходилось пить худшее пойло. Вторые сто грамм окончательно развеяли подозрения забулдыг, а после третьей стопки Зих начал аккуратно разворачивать застольные разговоры в нужном направлении.

— Хорошо тут у вас, — сказал он, заедая спирт пахнувшей псиной жесткой солониной. — Правильно мне все родич писал, когда в гости приглашал. Порядок кругом, военные. Безопасно. У нас в городке № 13 такого нет. С заряженным оружием даже в сортир ходим.

— Порядок! — фыркнул мужик, назвавшийся Мироном. — Может, и есть порядок. Только нам от того не легче. Жратвы как не было, так и нет. Все у спекулей проклятых, мать их наизнанку.

— Да, цены у вас кусаются. Был я тут в магазине одном, даже коньяк настоящий видел. Но стоит он, мне за год столько не заработать.

— Это у Марюхи-то? — Мирон скривился презрительно. — Сука она, жаба жадная.

— Но вещей у нее! — Зих разлил спирт по кружкам, разбавил водой. — Мечта, а не вещи.

— А жратва дорогая, — буркнул второй мужик, с огромным темным пятном во всю щеку. — Везде дорогая.

— Но живете же как-то, — заметил Зих.

— Живем, — мужик с пятном вцепился в кружку обеими руками. — Сегодня живем, завтра нет.

— Это ты про заразу? — Зих понял, что пора конкретизировать тему. — Слыхал. Сам просидел два дня в карантине.

— А чего это тебя в карнатин? — Мирон с опаской отодвинулся от охотника. — Может, ты того...

— Да не ссы, родной, все в порядке у меня. Комендант так распорядился. Только зря я два дня на Ядренке проторчал, не нашел родича. Куда сгинул, пес его знает. Вот думаю, может он гнилью этой чертовой заразился, пришел в Госпиталь поспрашивать, а тут кордоны кругом, оружием машут, стрелять грозятся, мать их!

— Если деньги есть, всех купить можно, — сказал третий мужик, подперев голову рукой и наслаждаясь дымом сигареты, которой угостил его Зих. — С врачами поговори на Ядренке, или с начальником медицинской службы в городской управе. Подмажешь — помогут.

— Да я понял уже. А что, всех больных в Госпиталь свозят, или как?

— Всех, — сказал Мирон. — Уже несколько месяцев приказ у них, при первых признаках гнили сюда везти. Как в тюрьму людей сажают.

— Да, дела... Ну что, за здоровье?

Мужики с готовностью опустошили свои кружки. Спирта осталось на один раз, и Зих подумал, что пора спросить о главном.

— Слушайте, земляки, а может, есть какой-другой способ в этот Госпиталь попасть? — спросил он с самым заговорщическим видом.

— Есть, — ответил уже крепко захмелевший Мирон и засмеялся, показывая черные редкие гнилушки, оставшиеся от зубов. — Заболей, попадешь без всяких бумажек.

— Я серьезно спросил.

— А я серьезно ответил. Коли захотел пулю в башку, пробуй.

— Понаставили этой охраны етитной на наши головы, шагу не сделаешь без бумажки, — зло сказал мужик с пятном, глядя перед собой в одну точку, — а ведь еще недавно куда хотели, туда ходили. Я мальцом был, так нас с братом батяня в Госпиталь посылал порошок от вшей искать, его там много было на старых складах. За пакет порошка стакан спирта давали или пачку сухой вермишели. И все быстро было, шасть через забор — и тама! А теперь кругом эти черные с автоматами.

— Эй, ты херню не пори! — забеспокоился Мирон. — Власть на то и власть, чтобы порядок был.

— Порядок, порядок... Конем по башке твой порядок! — Мужик с пятном молящими глазами посмотрел на Зиха. — Слышь, браток, ты бы еще купил по одной, а?

— А можно, — согласился Зих. — Верно Мирон говорит — без порядка нельзя. Мародеров нужно на место ставить, а то совсем житья не будет. Мне тут ребята на блокпосту говорили, Дикие к вам тоже повадились лазить.

— А им тоже несладко, — в первый раз за разговор подал голос третий мужик. — Все голодуют.

— Ага, пожалел! — буркнул Мирон, раскуривая от бычка Зиха папиросу. — Ты их еще в гости пригласи, они твоих жену с дочкой зажарят и тебя же имя накормят. Перестрелять сволочуг, и делов!

— Верно говоришь, — заметил Зих. — Только вот не пойму я чего-то: охрана кругом, как же Дикие к вам проникают?

— Через канализацию, как крысы. Военные там мин понаставили, да только их это не останавливает. Иной раз идешь по улице и ждешь, что из люка какой-нибудь гаврик с топором вылезет.

Отлично, подумал Зих. Вот он, выход. Все, оказывается, проще, чем он думал. Надо было сразу догадаться, что подземные коммуникации и под Госпиталем проходят. Вряд ли в канализации есть охрана. А мины — с ними при известной сноровке можно разобраться. Главное только, чтобы других сюрпризов там не встретилось. В узких канализационных тоннелях его «Стормер» не самое лучшее оружие.

— Не, — сказал он, отмахнувшись, — я бы не полез. Хрен его знает, кто там живет, в подземельях этих. Я в наших краях на таких тварей насмотрелся, что во сне приснятся — проснешься в говне и в поту холодном.

— Эт-то верно, — заметил Мирон. — Люди у нас неспроста пропадают. Есть там кто-то под землей, точно говорю. А власти не говорят кто.

— Значит, так надо. Ладно, заболтался я тут с вами, пойду, — Зих допил остатки спирта из своей кружки, крякнул, положил на стол одну из пяти оставшихся у него банкнот. — Это вам на опохмел, земляки. И просьба к вам земная — если узнаете что о Егорке Чигарева, топайте в гостиницу на Первомайской, я там остановился. Отблагодарю за помощь, слово.

— Спасибочки, — Мирон тут же схватил банкноту, направился к продавщице. Всем троим Зих больше не был нужен. Охотник вышел на улицу, постоял немного, глубоко дыша, прочищая легкие после смрада подвала. В голове мало-помалу складывался план действий. Достаточно реальный и при известном везении не слишком рискованный. Чтобы приступить к его выполнению оставалось сделать две вещи — во-первых, купить длинную прочную веревку и запасные батареи к фонарю, а во-вторых, дождаться темноты. И еще, надо найти где-нибудь поблизости канализационный колодец.

Эти дома стояли необитаемыми уже давно — Зих больше часа наблюдал за двором из своего укрытия, но в пустых окнах не мелькнуло ни единого проблеска света. Луна то выходила из-за медленно ползущих по небу облаков, то снова пряталась за них, и двор между тремя домами погружался в чернильную тьму. Зих дождался, когда луна вновь спрячется за тучи, и решился — выбрался из подъезда и быстренько подбежал к открытому люку.

После разговора с мужиками в питейной он добросовестно обследовал все ближние дворы и нашел в окрестностях Госпиталя три входа в канализацию, но только у одного входа люк был открытым. Зих быстро спустился вниз, в бетонный коллектор, забрался в него поглубже, чтобы свет фонаря не был заметен наверху и занялся приготовлениями. Для начала крепко примотал изолентой большой фонарь к цевью винтовки, надел на голову второй фонарь, резервный, затем ножом выцарапал на бетонной стенке крест — это чтобы на обратном пути не заблудиться. Купленный альпинистский шнур (на него ушли последние деньги, плюс две банки консервов из неприкосновенного запаса) свернул в кольцо и повесил на пояс. Запасные батареи для фонаря и прицела рассовал в нагрудные карманы, чтобы были все время под рукой. Можно было идти вглубь коллектора.

— Главное — не проглядеть мины, — пробормотал Зих, внимательно осматривая пространство перед собой.

Первые тридцать-сорок метров, до поворота коллектора, Зих преодолел быстро и без всяких проблем. Здесь он нацарапал крест и пошел дальше, прислушиваясь к звукам в подземелье и держа направление на северо-восток, в сторону Госпиталя. Ничего подозрительного охотнику пока не попадалось — влажный глинистый пол коллектора был чистым, никаких следов, никаких подозрительных предметов, только окаменевший мусор, когда-то оставленный тут потоками сточных вод. Пахло сыростью, тлением и холодом, даже вездесущего крысиного смрада Зих к своему удивлению не чувствовал. Впереди показался слабый свет — это флуоресцировали шапки белесой плесени, густо покрывшей стенки нового тоннеля, перпендикулярного трубе коллектора. Здесь Зих остановился — путь вперед перекрывала железная решетка, запертая проржавевшим замком. Охотник сумел сбить замок ножом, пошел дальше. Было видно, что тут давно уже никто не ходил. Перебравшись через ржавые трубы, проложенные по полу тоннеля, Зих свернул вправо и после недолгих хождений нашел боковое ответвление дренажной трубы, ведущее на север. Здесь он снова нацарапал крест, отдохнул пару минут и пошел дальше, сгорбившись в три погибели.

Он не сразу понял, что покинул канализацию — бетонный тоннель, в который он выбрался из трубы, имел прямоугольное сечение и сильно напоминал вентиляционную шахту. Вдоль стен тоннеля шли пучки проводов, с которых свисала светящаяся плесень. Пол был чистым, никаких следов ила или воды: видимо, дренажная труба и служила для того,

чтобы подземные воды ни при каких обстоятельствах не заливали этот тоннель. Миновав еще один поворот и оставив на стене еще один крест, Зихоказался у открытого вертикального люка — толстая металлическая дверь была приоткрыта. И вот тут охотник все понял.

— Это же аварийный выход, — прошептал он, удивляясь, как с самого начала не догадался, куда попал. — Это же я в убежище пришел!

На двери люка с внутренней стороны была нанесенная при помощи трафарета надпись: «Аварийный выход № 1. Открывать только с разрешения коменданта». На запоре двери еще сохранились проводки от сорванной пломбы. Из тамбура за выходом Зих прошел в длинный коридор с заросшими плесенью люминесцентными лампами на потолке. На стальной двери в конце коридора красовалась табличка: «Особый объект Б90, уровень 3. Вход воспрещен!»

— Вот это да! — сказал взволнованный Зих, толкая дверь. — Вот уж не думал...

За дверью начинались служебные помещения. Их было много — Зих проходил их одно за другим, внимательно оглядывая пространство перед собой, чтобы не напороться на заботливо установленную кем-то растяжку. Но мин не было. Вокруг Зиха было только вековое запустение, пыль и молчание. Огромные ящики с непонятной охотнику маркировкой из сочетаний букв и цифр, сложенные в штабели и закрытые сверху брезентом, бухты стальных тросов, ряды огнетушителей, стальные трубы и профили, кипы минеральной ваты и прочее добро громоздились вдоль стен, оставляя узкий проход, по которому и двигался охотник. У Зиха промелькнула мысль, что именно это добро искали спецназовцы из HEAVEN, а все разговоры про какой-то диск были только отмазкой, которой они прикрывали истинную цель экспедиции. Так или иначе, он нашел вход в отлично сохранившееся, оборудованное всем необходимым убежище. От этой мысли захватывало дух, таких чувств Зих давно не испытывал. Это было похоже на сон.

Елена говорила ему, что убежище, в котором работал Дроздов, находилось на южной окраине города. Опять ложь, или все-таки полуправда? Или Б90 было только частью огромного подземного комплекса, в который он сейчас и попал? Непонятно почему, но окружающие Зиха предметы, те помещения, по которым он проходил, казались ему смутно знакомыми. Отец говорил ему, что он родился в убежище — неужели в этом?

За складами и хранилищами началась жилая часть убежища — огромные бункеры, уставленные вдоль стен двухъярусными железными койками. Здесь было много предметов — старые полуистлевшие чемоданы и сумки, превратившиеся в труху матрасы, всякая мелочь, вроде позабытых кем-то комнатных тапочек, детских игрушек, картонных коробок, съеденных плесенью и прочей дряни, которая ни на что не годилась. Эти вещи были так же мертвы, как и люди, которым они когда-то принадлежали. За спальными помещениями шли столовая, уставленная длинными обеденными столами. На кухне и вподсобках Зих видел горы посуды, фаянсовой и металлической, аккуратно расставленной на столах и стеллажах. Кастрюли, ведра, кухонные агрегаты для резки мяса и овощей, приготовления фарша и теста — эх, жаль Усач этого всего не видит, сколько денег он мог бы на этом всем заработать! За столовой располагались камеры хранения с рядами алюминиевых шкафов, дверцы которых были пронумерованы — и почти все шкафы были открыты. Зих попробовал ножом вскрыть пару закрытых дверец, но без успеха, замки оказались прочными. На полу он нашел несколько мелких предметов, видимо, обороненных в спешке — пару расчесок, медный ключ, ржавые бритвенные лезвия, баночку крема для обуви, пропыленный детский носочек. Тут не было ничего интересного, и Зих пошел дальше, пока не оказался у двери на второй

уровень.

В прежнее время уровни убежища Б90 сообщались при помощи четырех лифтов — двух пассажирских и двух грузовых, — но вся эта роскошь давно вышла из строя. Здесь Зих впервые почувствовал запах жизни. Слабый мускусный запах, похожий на запах меток мутапсов, и Зиха этот запах встревожил. Убежище Б90 не умерло окончательно, здесь что-то есть. Что-то живое. Или это ему только кажется?

На всякий случай Зих включил датчик теплового прицела. Не беда, что батарея разрядится вдвое быстрее, зато так безопаснее. Покрутившись перед навсегда закрывшимися дверями лифтов, Зих пошел искать лестницу. Она оказалась в правой стороне и вела наверх — стрелка показывала переход на уровень 2. Миновав три пролета, Зих оказался у служебного входа второго уровня.

На втором уровне общих спальных помещений не было — тут были отдельные комнаты, напоминающие каюты на теплоходе. Видимо, здесь проживала администрация и персонал убежища. Все двери были заперты: было несомненно, что Б90 покидали организованно и без всякой паники. Открыта была только дверь столовой, расположенной в самом центре уровня, здесь же находился конференц-зал с интерактивным экраном и сценой, а рядом библиотека и фитнес-зал. Тут была масса всякого добра, но Зиху сейчас было не до наживы. Блуждая по переходам второго уровня, он снова почувствовал запах, и теперь определил его источник — он шел из отдушин вентиляционной системы. Поскольку на третьем уровне охотник ни разу не ощущал странного запаха, его источник мог быть только выше, на первом, или нулевом уровне убежища. И еще — к незнакомому запаху отчетливо примешивалась ощутимая трупная вонь.

Выход наверх он нашел довольно быстро: он располагался рядом с шахтами лифтов. Стенд у входа на первом уровне сообщал, что здесь располагается исследовательское подразделение Военно-медицинского центра «С» Уральского военного округа Вооруженных Сил Российской Федерации. Вот, оказывается, где работал доктор Дроздов. Вот он. Госпиталь. Зих с удовлетворением подумал, что все-таки добрался до места, где может быть диск. Осталось самое плевое дело — найти крошечный кружок пластмассы в этом лабиринте.

Он переходил из кабинета в кабинет, из лаборатории в лабораторию, из бокса в бокс, разглядывая в свете фонаря диковинное оборудование, подобного которому никогда не видел, все эти аппараты искусственного дыхания и кровообращения, компьютеры, центрифуги, спектрометры, микроскопы, сканеры — и понимал, что диск ему не найти. А потом, входя в очередную лабораторию, ощутил уже не запах — густой тяжелый смрад.

Датчик на прицеле замигал красным. Зих вскинул «Стормер», глянул в прицел — в глубине лаборатории что-то было. Миг спустя он увидел, что именно. Из-за лабораторных столов показалась огромная сутулая фигура — покатые мощные плечи, торчащий загривок, маленькая для такого могучего тела голова со стоячими ушами и свисающей складками кожей. Кошмарная морда твари напомнила Зиху живоглота, но человеческого в ней было все же чуть побольше. Крошечные подслеповатые глаза сверкнули в луче фонаря зеленым огнем, существо угрожающе зарычало, сжимаясь в ком для прыжка. Зих нажал на спуск, разрывная пуля попала в шею, почти оторвав голову чудища от тела. Монстр рухнул прямо на стол, разбрасывая в агонии приборы и посуду.

Эхо выстрела пронеслось по пустому убежищу, и ответом на него был злобный рев, донесшийся откуда-то из пустых темных коридоров, в которые Зих еще не заходил.

Вздвогнув, охотник погляддел на подтекающую к его ногам кровавую дорожку — и бросился вон из лаборатории, обратно, к выходу.

Он почти добежал до лифтов, когда громко и зловеще заработала сирена, наполняя все убежище пульсирующим воем. У Зиха ослабли ноги — он попался. Позади него, в темноте коридора двигалось что-то уродливое и темное, похожее на ожившую тень. Недолго думая, охотник выстрелил: призрак с яростным воплем метнулся куда-то в сторону, но уже со всех сторон слышался рев тварей, мешающийся с воем сирены. Зих добежал до лестницы у открытого лифта, и в эту секунду инстинкт самосохранения заставил его обернуться.

Прямо на него из коридора неслась неуклюжими прыжками какая-то темная тварь, что-то неопиcуемое, невиданное, не человек, не животное. Пуля из «Стормера» угодила уроду прямо в голову, но остановить массивную тушу уже не смогла. Зиха ударило, бросило в пустоту. Теряя сознание, охотник увидел над собой быстро летящий вверх источник света и еще успел подумать, что это горит фонарь на его винтовке, которая осталась там, наверху. Удар, боль — и свет померк окончательно.

Глава 10 Лабиринт

10. ЛАБИРИНТ

— Пришли в себя? Отлично! Лежите, лежите, не надо делать резких движений! Вы еще не восстановились как следует.

Ухоженный опрятный и не без щегольства одетый человек средних лет, смотревший на Зиха из-под круглых очков без оправы, выглядел вполне безобидно, и голос у него был дружелюбный и заботливый. Зих попробовал повернуть голову — движение отозвалось тошнотой и резкой болью в затылке.

— Где я? — выдохнул он.

— В безопасности, это главное. — Человек в очках взял охотника за запястье, прислушался к пульсу. — Сердце у вас немножечко частит, но это нормально. Все будет хорошо.

— Где я? — повторил Зих, с трудом понимая, что происходит.

— Там, куда и должны были попасть. Честно говоря, ваша последняя идея совсем не была удачной. И как вам, человеку разумному, пришло в голову в одиночку сунуться в эту клоаку! Не ожидали мы от вас этого, ей-Богу.

— Мы? Кто это — «мы»?

— Я не ожидал, — поправился человек в очках. — Но все обошлось, хотя отбить вас у мутантов оказалось совсем не просто. Чертовски они живучие.

Зих ничего не сказал — просто приходил в себя. Боль в побитом теле, как ни странно, помогла прояснить сознание, вернуться к реальности. Врач понимал, что происходит, терпеливо ждал — и улыбался.

— Что со мной было? — спросил Зих.

— Вам очень повезло. Вы просто-напросто провалились в шахту лифта. Вам вдвойне повезло, поскольку вы упали на большую кучу минеральной ваты, так что переломов и серьезных травм у вас нет. Так, пустяки, пара ушибов, сотрясение мозга и несколько царапин. Все могло закончиться для вас куда плачевнее. Кроме того, вы нахватались радиации, но в допустимых величинах. Считайте, что вы отделались самой малой кровью.

— Как я здесь оказался?

— Вас принесли сюда наши доблестные солдаты. Они успели вовремя, надо сказать — еще пара минут, и вас разорвали бы в клочья. И мы лишились бы такого замечательного представителя постъядерного человечества.

— А мои вещи? Мое оружие?

— Все здесь. Ваш рюкзак и винтовку солдаты принесли вместе с вами. Вы получите их обратно, не сомневайтесь.

— Хорошо, — Зих почувствовал некоторое облегчение. Его винтовка и платок для Лизы здесь, а остальное совсем неважно. — Кто вы?

— Профессор Уфимцев Валентин Богданович, к вашим услугам. А вас, насколько я знаю, зовут Зих? Или же мне называть вас Егор Чигарев?

— Откуда вы знаете мое имя?

— Знаю. Мы, врачи, должны знать имена пациентов. Зих — это ведь ваше прозвище, верно?

— Детская кличка.

— Как вы себя чувствуете? Не тошнит, не морозит?

— Нет.

— Давайте я смерю вам давление... Хм, сто тридцать пять на девяносто, вполне сносно. Вашему здоровью можно только позавидовать. Только вот беречь себя надо. А вы рискуете совершенно неоправданно. Вы ведь полезли в Госпиталь за диском, не так ли?

— Нет, я хотел...

— Ой, не лгите! — Уфимцев сверкнул глазами, шутливо погрозил охотнику пальцем. — Вы пришли в Госпиталь за диском Дроздова. Считали, что он мог спрятать его в своем кабинете. Не отрицайте, я это знаю наверняка. Уж очень интересуют Гласком наши медицинские тайны!

— Не понимаю, о чем вы. Я искал лекарство для жены, — ответил Зих после затянувшейся паузы. — Мне сказали, что если где и есть лекарство от снежной болезни, так только в старом военном госпитале в Каменном Лесу.

— Это вам гласкомовцы это сказали, не так ли? — Уфимцев поглядел на Зиха поверх очков. — Несерьезно, Егор Антонович. Мы же не дураки. А в квартиру Дроздова зачем полезли? Не обижайтесь на меня. Вы так хотели получить место на базе для вашей супруги, что с готовностью решились работать на Гласком. И не отрицайте, что это не так — вы были с группой этих забавных скаутов совсем недавно. Видимо, они смогли вас уговорить провести их к городу в обход наших постов.

— Я...

— Вы совсем не обратили внимание на одну мелочь. На записи, которую вам наверняка дали прослушать, есть одно логическое несоответствие. Все верно, доктор Дроздов работал в окружном военном госпитале до войны. Но по дате, когда якобы была составлена эта запись, выходило, что он чуть ли не сто пятьдесят лет прожил — не живут люди столько, особенно под землей! Мы заметили такое несоответствие позже, когда запись уже попала к нашим соперникам, но капитан Гернер, видимо, была достаточно убедительна. Или слишком глупа, чтобы не заметить такого ляпа.

— Я не знаю никакой Гернер.

— Полно вам, — Уфимцев улыбнулся так красноречиво, что Зих больше не сомневался — этот человек знает обо всем. — Мы ведь не дети. Мы все о вас знаем. Даже то, что вы застрелили двух солдат из нашей группы поиска. Нелепый инцидент, ужасно глупо все получилось.

— Накажете меня?

— Представьте себе, нет. Это была самозащита, ведь так?

— Да, — Зих ощутил огромное облегчение. — Я принял их за Диких. А во внешнем мире одно правило: сначала стреляй, потом смотри, в кого стрелял.

— Безусловно. Жаль, конечно, что два солдата погибли, но вы в этом не виноваты. В следующий раз наше командование будет тщательнее планировать свои операции.

— Так вы знаете про то, что запись Дроздова оказалась у отряда HEAVEN?

— Разумеется. Запись Дроздова всего лишь наживка, которую закинули мы. На самом деле она сделана не в 2115 году, а несколькими годами раньше.

— Теперь понятно, почему голос на записи звучал по-разному. — Зих с интересом посмотрел на Уфимцева. — И зачем вам это было нужно?

— Нужно, раз сделали. И сделали довольно топорно, надо признать, теперь я это

понимаю особенно ясно. Только вот Гласком почему-то клюнул на эту ложь, и знаете, почему? Наши доблестные военные хотят быть спасителями человечества. Зарабатывают очки популярности среди поселенцев, но вот реальной помощи никакой не оказывают. Разве я не прав?

— Значит, все ложь, — Зих ощутил прилив раздражения, но он был слишком слаб для того, чтобы давать ему волю. — Не было никакого диска. Нет никакой войны между вами и HEAVEN. Нет никакого лекарства. Зачем Елена мне солгала?

— Это ее надо спросить. Но я рад, что вы согласились помочь нашим бравым союзникам-конкурентам. Вряд ли нам удалось бы по-другому привлечь к работе.

— К какой еще работе? Кто вы вообще такие?

— Я заместитель директора головной лаборатории института радиологических исследований имени Николая Тихомирова. Сокращенно — «Лабиринт». Уверен, капитан Гернер много вам о нас говорила, и не всегда это были лестные слова. Раньше мы были одним из научно-исследовательских подразделений Гласкома, но сейчас входим в международную военно-политическую организацию. Какие цели у этой организации, неважно. Главное — мы много, плодотворно и созидательно работаем, реально помогая возродить этот мир. Получаем всевозможную поддержку от наших друзей, доступ ко всем необходимым нам ресурсам и базам данных, поддерживаем устойчивую и очень полезную связь с коллегами по всему этому полудохлому миру, видите ли. Даже с вашими друзьями из Гласкома иногда имеем дело. Кроме нас, специалистов по постъядерным мутациям, тут собралась масса умных людей — генетики, бионики, кибернетики, спецы по искусственному интеллекту, ядерщики, врачи. И знаете, вы интересуете буквально всех. Мои коллеги все те четыре дня, которые вы провалялись без сознания, просто покоя мне не давали, все спрашивали о вас.

— И с чего бы такая честь? — Зих закрыл глаза, ему почему-то расхотелось смотреть на улыбающегося Уфимцева.

— А с того, что вы в какой-то степени уникальны. Вы привлекли наше внимание сразу после того, как начали работать на Усача. За это вам, кстати сказать, отдельное спасибо, вы очень обогатили науку о постатомной фауне. Наши люди в Гласкоме сразу взяли вас на заметку. Но главное — вам удавалось все время выживать, вот ведь что поразительно. Мои сотрудники даже пари заключали, какой же мутант вытащит из вас потроха. Но вы били всех. Даже живоглота умудрились прикончить. Ни разу не получили опасных ранений, не заразились одной из этих кошмарных инфекций, которые свирепствуют во Внешнем мире. Именно поэтому мы и остановили на вас выбор. Такой человек, как вы, просто был необходим нам. Не там, во Внешнем мире, а здесь, в нашем центре. Мы просто не могли допустить, чтобы такой мастер выживания работал только на этих дилетантов из Гласкома.

— Вот даже как? — Зих обреченно улыбнулся. — Разберете меня на препараты? Будете изучать, как редкого мутанта?

— Почти, — Уфимцев больше не улыбался. — И если бы вы знали, какова наша конечная цель, вы бы оставили свою иронию. Вы, мил человек, замечательный образец человека новой эры. В каком-то смысле вы сами мутант — уж не обижайтесь. Уж очень нам хотелось познакомиться с вами, что называется, лично. И у нас в отношении вас очень большие планы.

— Мне на это плевать. Вы обманом захватили меня, превратили в подопытного. И вы думаете, что я соглашусь после всего с вами работать? Плохо вы меня знаете.

— Вы сгущаете краски. Не захватили, а сделали так, что вы пришли к нам сами, почти что по доброй воле. И вы для нас не подопытный, а очень ценный сотрудник, который поможет сохранить жизни тысячам людей. Не я, а вы истинный спаситель этого мира.

— Идите к черту!

— Непременно пойду. Но предварительно скажу вам «Отдыхайте, набирайтесь сил и не терзайте себя пустыми мыслями». Поверьте, я с вами совершенно искренен — мне очень нужна ваша помощь. Когда вы восстановитесь, как следует, мы встретимся с вами еще раз, и вы поймете, что я имею в виду. А награда будет такой, что вы ни разу не пожалуете о нашем сотрудничестве.

— Лекарство от снежной болезни — это тоже ложь?

— Нет, оно существует. Доктор Дроздов лечил инфекцию криптоланом, но такое лечение не могло быть эффективным — однажды вы узнаете, почему. Со своей достаточно примитивной диагностической базой Дроздов не мог этого определить, поэтому объявил себя спасителем человечества, уж очень хотелось ему в историю войти, — Уфимцев засмеялся. — Мы создали настоящее лекарство против снежной болезни. У него пока нет названия, однако первые эксперименты очень даже обнадеживают, поверьте. Мы сейчас как раз тестируем прототип вакцины. И одним из первых пациентов, которые получают ее, будет ваша жена. Она уже в нашем госпитале на базе «Сосновая падь». Очень скоро вы сможете с ней встретиться.

— Уфимцев! — Зих шумно вздохнул. — Ты вылечишь ее?

— Обязательно, — доктор слегка пожал запястье Зиха. — Отдыхайте. Сейчас придет медсестра, даст вам лекарства. Не думайте о плохом. Обещаю, все будет замечательно.

На огромном, во всю стену демонстрационного зала, плазменном экране сменялись кадры старой, почти столетней давности, кинохроники. Невиданное, превосходящее всякое воображение строительство. Сотни мощных карьерных самосвалов, доставляющих материалы по вновь проложенным секретным дорогам к местам строек. Эшелоны с грузами, следующие по ночам к необозначенным на картах станциям назначения. Тысячи рабочих, пробивающих в скалах туннели и шахты, монтирующих ядерные реакторы, водоочистные и вентиляционные установки, оборудующих жилые и служебные помещения самой современной техникой. И повсюду, на земле и в воздухе — вооруженная охрана. На следующих кадрах работники спецслужб тщательно отслеживают публикации в прессе и материалы в Интернете, чтобы истинная информация о таинственных стройках никуда не просочилась.

— В девяностые годы двадцатого века сразу несколько исследовательских центров оборонного характера независимо друг от друга производили расчеты вероятности начала глобального ядерного конфликта, — комментировал кадры голос Уфимцева. — Результат был шокирующий: вероятность уничтожающего ядерного удара по причинам техногенного характера составляла один и сорок три сотых процента. Недопустимо высокий процент. В качестве возможных причин конфликта назывались четыре — вирусная атака на системы управления ядерными силами сдерживания, сбой суперкомпьютеров, ошибка систем

слежения и противоракетной обороны, падение крупного астероида, провоцирующее самопроизвольный запуск ядерных ракет. Были спрогнозированы и возможные последствия такого ядерного конфликта — даже при запуске только тех ядерных средств, которые находились непосредственно на боевом дежурстве, были неминуемы гибель порядка 98,5 процента населения Земли в первые пять недель после обмена ядерными ударами, уничтожение всей планетарной инфраструктуры, экологическая катастрофа, глобальная ядерная зима продолжительностью от 65 до 100 лет. Как раз в это время к Земле на близкое расстояние подошел астероид Инкубус, и астрономы не исключили окончательно возможность столкновения с этим астероидом, а значит и того, что это столкновение может спровоцировать неконтролируемый запуск ядерных арсеналов. Поскольку старые убежища, построенные во второй половине XX века, не могли обеспечить выживание большого числа людей в течение долгого времени, в ряде стран, а именно в США, Китае, Японии и России было решено запустить сверхсекретные глобальные проекты по строительству современных подземных городов на случай ядерной войны. Позже к этому проекту подключился и Евросоюз. Все работы велись в условиях строжайшей секретности. Официально объекты серии «Б» обозначались, как государственные стратегические хранилища. Общая сумма ассигнований на строительство объектов серии «Б», как их называли в специальных документах, превысила два триллиона долларов. Всего за пять лет предполагалось построить три объекта на пятьдесят тысяч мест, — настоящие подземные города, — пять объектов на десять тысяч мест и пять объектов на пять тысяч мест. Все стройки производились в местностях, которые, по мнению экспертов, меньше всего должны были пострадать от ядерных ударов — вдали от крупных городов, в горах или в тайге. Позже проект был пересмотрен, и в США, Европе, Канаде и России было построено еще несколько десятков убежищ, в каждом из которых предполагалось разместить от полутора до двух тысяч человек. Как правило, это были специализированные научные центры и хранилища с глубокой системой жизнеобеспечения. Лидером по строительству подобных подземных мегаполисов стал Китай, они до 2011 года построили пятнадцать таких объектов почти на полмиллиона мест. Данных по Южной Америке, Индии и Австралии у нас нет, однако там тоже строили малые убежища. В России с 1998 по 2010 год в рамках проекта «Афтершок» успели закончить строительство одиннадцати больших убежищ, причем четыре из них были построены в Европейской части — одно на Кавказе, второе на Южном Урале, еще два в Московской области. Будущих резидентов убежищ отбирали специальные службы. Всего в построенных убежищах планировалось разместить около ста двадцати пяти тысяч человек, причем убежище Б-А1 в Московской области получило статус «VIP» — оно предназначалось исключительно для политической, экономической и культурной элиты страны, а также рассматривалось как главное национальное хранилище для особо ценных культурно-исторических фондов...

На экране пошли другие кадры. Сплошные пожарища, черный непроницаемый дым, в котором невозможно было что-то разглядеть. В этом адской пелене только угадывались оплавленные, покрытые сажей, изуродованные пламенем и ударной волной остатки городов, пылающие леса и земля, опаленная ядерным пламенем до стекловидного состояния. И яростный, надрывный треск счетчиков жестких излучений.

— Это съемки, сделанные автоматическими роботами-разведчиками, после семнадцатого июня 2011 года, дня «X», — продолжал Уфимцев все тем же безразличным комментирующим тоном. — Причиной фатального сбоя систем управления ядерными

силами сдерживания стала начавшаяся шестнадцатого июня беспрецедентно мощная магнитная буря на Солнце, которую предсказывали уже давно. Поскольку прогнозы были крайне тревожные, и вероятность выхода из строя оборонных систем в результате электромагнитного удара считалась очень высокой, в ночь с шестнадцатого на семнадцатое июня мировые правительства отдали приказ об эвакуации. Никто не думал о худшем, это была просто предосторожность. Но эта перестраховка спасла человечество — случилось то, чего все боялись. Отзвуки бури, докатившиеся до Земли, не только полностью нарушили работу многих систем — оборонные компьютеры расценили ситуацию, как начавшуюся ядерную атаку. Катастрофа продолжалась всего три часа. Съемки очень короткие, роботы выходили из строя через одну, максимум две минуты после выхода на поверхность. Через четыре дня после ядерных ударов температура на территории Евразии и Северной Америки опустилась до минус пятидесяти пяти — минус семидесяти градусов, прозрачность атмосферы составила 0,22 процента от нормы, содержание кислорода упало до 3 процентов, радиационный фон колебался от 95 до 2600 рентген в час. Озоновый слой был уничтожен, все живое на поверхности земли умерло в считанные дни. Более двух миллиардов человек погибли во время ядерных атак и в первые две недели после начала Армагеддона, еще более четырех миллиардов — в последующие две недели. Дольше всех умирали Африка и Австралия. Сразу после дня «Х» начали считать, сколько же людей уцелело. Общее число выживших в ядерной катастрофе уточнялось более года, и данные по России были поразительные, — Уфимцев помолчал. — Когда-нибудь читали Библию, Зих?

— Не приходилось.

— В Библии, а точнее в последней ее книге, рассказывающей о конце света, говорится о числе избранных, которые спасутся — сто сорок четыре тысячи человек. Так вот, в некоторых убежищах оказались неучтенные резиденты. Люди всегда люди, Зих — кто-то сумел в обход всех правил и запретов пристроить родственников, кто-то попал в убежища по фальшивым документам, но большинство неучтенных были людьми, оказавшимися в убежищах после спасательных операций, проводившихся в первые дни Катастрофы там, где это позволяли условия. Большинство из них умерли от травм, радиации и шока, но определенный процент выжил. Короче, к ста двадцати пяти тысячам плановых резидентов добавились еще девятнадцать тысяч зайцев. Сто сорок четыре тысячи, как в Апокалипсисе. Мистика, одно слово. Естественно, это была дополнительная нагрузка на мощности убежищ, только выгнать этих людей было некуда, а убить — цивилизованность и гуманность не позволяли. Но, так или иначе, эти люди были обречены.

— Почему?

— Солнце, Зих. Оно хоть и погубило наш мир, но жить без солнечного света люди не могут. Искусственное освещение в убежищах не могло заменить естественного. Какое-то время это не доставляло проблем. Но прошел месяц, два, три — и началось. Настоящая эпидемия депрессий, психических расстройств, убийств и самоубийств. Запертые в убежищах люди потихоньку сходили с ума. Лекарственные препараты, способные помочь в такой ситуации, оказались далеко не во всех убежищах. Потом к психическим заболеваниям добавились наркотики — изготавливать в лабораториях убежищ дурманящие химикаты было совсем несложно, — инфекции, прочие болезни, и население убежищ начало быстро сокращаться. Намного быстрее, чем это прогнозировалось до войны. Службы безопасности, конечно, принимали меры, но и они, в конце концов, тоже состояли из людей. Так что очень скоро во многих убежищах начался настоящий ад. Уцелели в нем лишь немногие.

— Я не понимаю, какое это ко мне имеет отношение? — Зих старался не смотреть на экран, на котором теперь показывались документальные съемки, сделанные в вымерших убежищах: разгромленные руками обезумевших вандалов жилые помещения, лаборатории и технические отсеки, искромсанные и обглоданные каннибалами трупы, высохшие черепа, расставленные в замысловатые композиции, созданные больным воображением психопатов, предсмертные записки самоубийц.

— Самое прямое. Ядерная зима продолжалась восемьдесят лет, и почти шестьдесят пять лет было невозможно выйти на поверхность без специальных защитных средств. С 2059 по 2067 год было предпринято шесть, — да, кажется, шесть, — попыток послать исследовательские группы на поверхность, но риск был слишком велик. Радиоактивный фон был все еще высок, и о долговременном пребывании вне убежищ не могло быть и речи. За это время умерли почти все, кто помнил мир до Катастрофы. Десятого мая 2075 года произошло событие, которого ждали потерявшие надежду остатки человечества, запертые в своих благоустроенных мега-могилах и понемногу сходящие с ума — аппаратная разведка поверхности Земли впервые сообщила о том, что радиационный фон на большей части земной суши снизился до допустимых показателей. Еще раньше восстановились прозрачность атмосферы и процент содержания кислорода — почти до нормы. Океаны, хоть и отравленные радиацией, все же спасли нас от удушья. Правда, вывод ученых был однозначный — поверхность Земли стала условно пригодной для жизни, ядерная зима не закончилась. Это был новый ледниковый период. Температура мая в районе экватора составляла один градус тепла, зимняя температура на большей части Европы колебалась от тридцати восьми до шестидесяти градусов мороза. Большая часть суши была покрыта радиоактивным снегом и льдом, вода была загрязнена радионуклидами, озоновый слой еще толком не восстановился. Но наиболее тяжелые шестьдесят пять лет остались позади, и обитателей убежищ остановить уже было невозможно. Как только информация о состоянии дел на поверхности разошлась по убежищам, начался исход, тем более что климат на поверхности начал медленно, но теплеть. Власти махнули рукой на тех, кому не терпелось вылезти на поверхность, и мир снова увидел человека. Произошла, как мы говорим, первая волна исхода. К моменту этого исхода выжившие убежища были заселены всего на 10–15 процентов. Так что все население нашей планеты на тот момент составляло не более полумиллиона человек. С другой стороны в этом был и свой плюс: сделанных в подземных хранилищах запасов провианта, медикаментов, топлива теперь можно было растянуть на более длительное время. По разным данным, убежища покинуло около ста тысяч человек, и большинство из них погибли, однако те, кто выжил, смогли адаптироваться к новым условиям и понемногу, что называется, пустить корни. Кто-то деградировал, став прародителями Диких, кто-то сохранил относительную цивилизованность, обеспечив новым выходцам из убежищ своего рода плацдарм для расселения.

— Слова, очень много слов. И все-таки, какое это имеет ко мне отношение? — спросил Зих, глядя Уфимцеву в глаза.

— Ваш отец, Антон Александрович Чигарев, был резидентом убежища, в котором располагался один из филиалов военно-медицинской службы Гласкома. Оно находится на южной окраине города, который теперь называется Каменный Лес — здесь, то есть. Обычное бомбоубежище, построенное еще в пятидесятые годы XX века, потом, правда, модернизированное и снабженное неплохой научно-исследовательской базой. Так или иначе, его обитателям удалось выживать в течение шестидесяти пяти лет. Видимо, убежищу

очень повезло с администрацией и с медицинским персоналом. У нас сохранились документы, в которых говорится, что старший лаборант Антон Чигарев покинул убежище вместе с младшим братом Радием, пятого июля 2076 года. Вам сколько лет?

— Сорок два будет.

— Вы родились в убежище. Вам было около двух лет, когда ваш отец покинул его вместе с семьей. Честно говоря, меня очень удивляет его решение. Взять с собой маленького ребенка в такой мир...

— Это я и без вас знал. Что дальше?

— Ничего. Вы просили рассказать, как все было, и я выполнил вашу просьбу. Добавлю только, что вам и вашим родителям крупно повезло — Ленинск не подвергся напрямую ядерным ударам, и здесь радиационный фон был невысоким. Так что у выходцев из убежища был реальный шанс выжить, и они его, слава Богу, использовали.

— Я этого не помню, — сказал Зих, помолчав. — Ничего не помню.

— Неудивительно, вы были крошечным ребенком. Возможно, если попытаться активировать вашу память при помощи наших мнемонических технологий, кое-что вы вспомните, но это не главное. Важно другое — вы представитель первой волны исхода, и очень любопытный тип, я бы сказал. Я рад, что мы встретились.

— Зачем вы все это мне рассказали?

— Дал вам знать, как мы потеряли Землю, и как пытаемся ее теперь вернуть обратно. Конечно, солнечный свет потомкам тех, кто когда-то запер себя в подземных городах, увидеть все-таки довелось. Постъядерный мир приготовил для них много неприятных сюрпризов. Во-первых, отсутствие растительности. Во-вторых, мутировавшие микроорганизмы, против которых у новых жителей Земли не было иммунитета. В-третьих, радиация и холод. Так что пришлось много работать для того, чтобы не потерять этот мир во второй раз, и уже окончательно.

— Выводить мутантов, так?

— И это тоже. Было совершенно ясно, что человечество в том виде, в каком оно было до 2011 года, выжить в новом мире не сможет. В нескольких научных центрах по всему миру проводились исследования по контролируемым мутациям, чтобы понять, как можно увеличить сопротивляемость человеческого организма к новым инфекциям, постоянным низким температурам, нехватке растительной клетчатки и прочим неприятным штукам, поджидающим колонистов на поверхности. Все эти годы мы наблюдали за колонистами и пытались отработать различные методики выживания.

— Вы выращивали хищников, Уфимцев. Кровожадных хищников. Зачем вы это делали?

— У науки свои пути, мой друг. Иногда приходится делать больно, чтобы вылечить болезнь. Зато теперь мы вполне уверены, что справимся с любой живностью, которая может появиться во Внешнем мире. Между прочим, не без вашей помощи.

— А Дикие? Они откуда взялись?

— Деградировавшие потомки жителей некоторых убежищ. Новый мир менял людей в худшую сторону. Все хотели жить, а возможностей для выживания было не так уж много. Не все обладают твердыми моральными принципами, знаете ли. Кстати, одна из причин, по которой колонисты первой волны ушли из Ленинска, это как раз Дикие. В городе было много ресурсов для выживания — сохранившиеся склады, магазины, запасы топлива, — и за это добро началась настоящая война с Дикими. Люди предпочли покинуть город, чтобы сохранить жизни. Так вы попали в поселок № 13, как вы его называете.

— И все-таки, зачем вы выращивали мутантов?

— Количество животных, которые были когда-то сохранены в убежищах, было крайне невелико, и при этом нужно было обеспечить пищей поселенцев на поверхности. Поразительно, но поверхность Земли не была совершенно безжизненной. Ядерную войну смогли пережить не только некоторые виды микроорганизмов, но и мхи, лишайники, водоросли, некоторые животные — те же крысы, например. И не только выжили, заметьте, но и вполне неплохо адаптировались к новым условиям. Более крупные животные мутировали, те же собаки и кошки, к примеру, — они превратились в хорошо знакомых вам мутапсов и мартихор. С мартихорами вообще чудеса произошли — они не только очень сильно прибавили в размерах, но и стали жить в среднем в два раза дольше обычной домашней кошки. Часть новой фауны возникла после того, как были выпущены на волю животные, содержащиеся в подземных зверинцах при убежищах. Некоторые из них мутировали за истекшие годы, некоторые нет. Но у всех новых форм жизни была одна общая особенность, Зих: они были плотоядными. Плоть была единственным источником жизни в мире, лишенном растительности. Да, мы занимались хищными мутантами, но делали это только ради того, чтобы попытаться найти им полезное применение. Например, уменьшить их опасность для людей. Или для борьбы с Дикими. Один живоглот в этом смысле эффективнее взвода автоматчиков. Однако иногда происходили спонтанные неконтролируемые мутации — так было, например, с живоглотами.

— Много, очень много умных слов. Я могу тут курить?

— Вообще-то не положено, но для вас сделаем исключение — курите.

— В голове одного из ваших убитых солдат был прибор. Елена назвала его нейрошунтом, — сказал Зих, зажигая сигарету. — Тоже мутанты?

— Клоны. Видите ли, в тех убежищах, которые еще остаются закрытыми, серьезные проблемы с рождаемостью. Странное дело — на поверхности люди успешно плодятся, несмотря на радиацию и прочие прелести Внешнего мира, а вот в убежищах рождаемость практически нулевая. Видимо, опять все дело в солнечном свете. Спасают лаборатории клонирования. Нет, они, конечно, абсолютно люди, но с некоторыми... усовершенствованиями. Научная этика не запрещает нам модернизировать клонов. Новому миру нужны идеальные солдаты, способные защитить нас от любых опасностей. И заметьте — именно потому, что клоны не совсем люди, вы избежали трибунала за убийство двух солдат. Ваша жизнь, уж поверьте, много ценнее жизней двух биоников.

— Понятно, — Зих вспомнил, что говорил ему майор Бескудников про своего сына. Опять ложь, Бескудников-младший всего лишь искусственно выращенное человекоподобное существо. Или все совсем не так просто, и не стоит пока обвинять Бескудникова в обмане? — Зачем вы сектантов тут собираете? Должны же понимать, что люди идут сюда совсем без оружия, погибают в дороге.

— Это часть их учения, — Уфимцев пожал плечами. — Смерть их не пугает. Они верят в Абсолютного Бога, который покажет им путь в Вечное Убежище, эдакий постатомный аналог Царства Небесного, где будет много чистой воды, хорошей пищи, света и тепла. Наследники Мира — это вторая волна исхода.

— Значит, как я понял, кто-то специально вызвал этот исход? Сидели себе люди по убежищам, ждали своего Очищения, а тут их позвали, так?

— Послушайте, Зих, я сказал вам все, что вам следовало знать. Но если вам интересно, то здесь Наследники Мира планируют создать свою столицу, что-то вроде Нового

Иерусалима. Даже храм новый собираются построить на руинах. Сейчас не о них речь — с вас. Наше начальство просило вам передать, что у вас есть неделя на восстановление здоровья и отдых, а потом вы начнете работать.

— Я не понимаю, о какой работе разговор.

— Вам все расскажет другой человек. Более компетентный, чем я. Мне лишь поручено позаботиться о вас.

— Последний вопрос, Уфимцев. HEAVEN — кто они такие?

— Подразделение Гласкома, занятое сохранением довоенного наследия. Ищейки. Занимаются примерно тем же, что и наше спецподразделение 505. Сначала в их задачу входило проникновение в заброшенные и вымершие убежища и спасение сохранившихся там ресурсов, но позже их стали использовать для поиска полезных материалов, знаний и технологий вообще. Группы HEAVEN были сформированы еще во времена ядерной зимы по инициативе тогдашнего всемирного правительства, и подразделение имело международный статус. Отсюда и английское название. Потом, правда, единая глобальная структура HEAVEN была упразднена, но по традиции поисковые группы продолжают иногда так называть. Поскольку в руководстве Гласкома очень не любят названия на английском, такие группы чаще называют спецназ ПСВ или сборщиками пепла. Они лазают по заброшенным бункерам и складам и собирают то, что еще может пригодиться. Обычные чернорабочие.

— А как складно эта ваша Елена мне все свистела! — вздохнул Зих. — Мол, воюют они с вами. А вы одна шайка.

— Ошибаетесь, Зих. Не надо путать нас с Гласкомом. Когда начался исход, новых поселенцев надо было контролировать, защищать и снабжать самым необходимым. Нужно было с нуля сформировать хоть какие-то властные структуры. Естественно, на роль нового правительства тут же стали претендовать наши доблестные сотоварищи по несчастью, а точнее, Главное Соединенное Командование, Гласком, некогда созданное российским правительством на случай чрезвычайных ситуаций национального масштаба. Это якобы было прописано в их Уставе. Еще в самом начале ядерной зимы Гласком взял на себя управление всем уцелевшим населением страны со всеми заморочками, которые так любят военные — введением чрезвычайного положения, передачи всей власти в убежищах представителям военной администрации и тому подобным. Потом связь между убежищами была надолго потеряна, и каждый варился в своем соку — вы видели сейчас на экране, чем это порой заканчивалось. Короче, пятьдесят лет никакой единой власти и в помине не было, и Гласком был организацией-призраком, о которой все просто забыли. Настоящая власть была у администраций убежищ. Когда же начался исход, Гласком нежданно-негаданно воскрес и тут же провозгласил, что теперь они отвечают за восстановление нормальной жизни на той территории, которая когда-то была Российской Федерацией. Надо отдать им должное — они довольно быстро наладили связь между выжившими убежищами. Мы тогда входили в Гласком, и военные все время учили нас работать, совершенно не понимая того, что происходит в новой реальности и не имея для этого никаких реальных возможностей и средств. Они даже накормить колонистов не могли, потому что сами сидели на своих базах на голодном пайке. Так что наше руководство, посмотрев на этот бардак, просто-напросто послало их к черту и ушло в свободное плавание. Тем более что со временем выяснилось крайне важная вещь — в других частях Земли происходит то же, что и у нас, многие убежища уцелели, и люди пытаются выживать. Мы были не одиноки, но Гласкому на это было глубоко плевать. Их интересовала только власть, а не судьба выживших.

— И вы начали войну с ними?

— Никакой войны не было — во-первых, конфликт был нам совсем ни к чему, а во-вторых, без военных Внешний мир погрузился бы в хаос окончательно. Кто-то должен был ставить на место Диких и отстреливать мутантов.

— И вы не помогали им?

— Почему же, первое время мы даже продолжали сотрудничать, хотя в Гласкоме нас считали ренегатами и предателями национальных интересов. Однако без нашего интеллекта и технологий они далеко бы не уехали. Мы же временно нуждались в силовой поддержке. Так что некий симбиоз был, лет эдак пять-семь. Наше руководство делало свое дело и наблюдало за тем, что делает Гласком. Кое-что у них получалось неплохо, но, в общем, вели они себя по-дилетантски.

— Что же мешает вам забыть прошлое и работать вместе, профессор?

— У нас совершенно другая задача. Мы должны обеспечить выживание третьей волны исхода на нашей земле. — Уфимцев сделал ударение на слове «нашей». — Мы осуществляем планетарные миссии, мой друг. У нас теперь достаточно ресурсов, чтобы ставить себе самые головокружительные задачи. Гласкомовцы бедны, как церковные мыши, но главное — им не хватает широты мышления. Военные — они и есть военные. Их администрация обвиняет нас в отсутствии патриотизма, в попытках узурпации власти. Эти идиоты считают, что горстки выживших могут представлять страны, от которых остались одни названия! Конечно, мы предлагали Гласкому свою помощь, но они слишком горды для того, чтобы делиться властью. Мы их устраиваем только как подчиненные, хотя кое-чему они могли бы у нас поучиться. Естественно, что мы никогда не пойдем на то, чтобы снова стать частью структуры Гласкома.

— Даже после такой катастрофы люди продолжают делить друг друга на наших и не наших. Смешно.

— Вы наивны. О какой войне может идти речь, когда все человечество сегодня озабочено одним-единственным вопросом — выживанием? Просто вояки из Гласкома не любят нас, а мы не любим их. Иногда между нашими подразделениями происходят стычки, однако не следует говорить о войне — скорее, о небольшой напряженности, которую удастся быстро разрядить. Обычное дело, если учесть, что на карту поставлено выживание, не больше не меньше. Гласком при всех своих амбициях прекрасно понимает, что реальная власть у нас, а не у них, и судьбу этого мира будем решать мы, без доморощенных умников и помощничков. Так что слово «война» не совсем верное. Скорее, естественная аллергическая реакция на вмешательство в наши дела. — Профессор слабо улыбнулся. — Вас это все не касается. Теперь я считаю вас нашим союзником, а это принесет вам очень большие плюсы, мой друг. Вы получите многое из того, о чем раньше только мечтать могли.

— Не верю, — сказал Зих. — Там, у силосной башни, ваш солдат стрелял в меня.

— И промахнулся. В вас не попал киберклон с самым современным интерфейсом нейроимпульсов, вооруженный высокоточной рефлекс-винтовкой «Шквал», из которой он с трехсот метров поражает мишень размером с крысу десять раз с десяти выстрелов. Забавно звучит. Может, у него был приказ не попадать в вас?

— Слова, слова, много слов, — Зих докурил сигарету, взял новую. — Хватит с меня слов. Где я могу отдохнуть?

На экране под звуки торжественной мажорной музыки, на фоне сияющего солнечного неба трепетало сине-белое знамя со звездами, а потом в кадр вошли слова «Объединенный Комитет Возрождения». Заставка кончилась, на экране появилась молодая, отлично одетая, ухоженная улыбающаяся женщина. Зих вздрогнул — неизвестная чем-то напомнила ему Лизу. Ту, до болезни.

— Здравствуйте, Егор Антонович! — Женщина ослепительно улыбнулась с экрана. — Рада приветствовать вас от имени Комитета. Я Наталья Гордеева, директор информационной службы Объединенного Комитета Возрождения. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — Зих потянулся к стакану с водой на столике. — Лучше, чем многие.

— Приятно это слышать. Доктор Уфимцев в последние несколько дней очень много говорит о вас. Вы просто легенда!

— Мне сказали, мы будем говорить о деле.

— Прагматизм — это прекрасно, — женщина улыбнулась еще ослепительнее. — Хорошо, давайте перейдем к сути. Вы знаете, где вы находитесь?

— В месте под названием «Лабиринт».

— Можно и так сказать. На самом деле «Лабиринт» — это большая исследовательская организация, и у нее несколько баз вроде той, что сейчас работает в Ленинске. Валентин Богданович уже ввел вас в курс дела?

— Пока мы говорили о прошлом. Мне было сказано, что о будущем со мной будут говорить другие люди.

— Я представляю Объединенный Комитет Возрождения, законное правительство, которое ставит своей целью восстановить цивилизацию на этой территории. Задачи у нас глобальные, работа предстоит очень сложная. Я не буду расписывать вам наши ближайшие планы, скажу только, что для их осуществления у нас есть все необходимое, и мы обязательно добьемся успеха. Но нам нужна помощь. Поэтому мы стараемся привлечь к сотрудничеству всех, кто может способствовать возрождению мира. Мы считаем, что вы один из таких людей. Тем более что вы человек во многих смыслах необычный, настоящий образчик новой генерации человечества.

— И в чем же состоит моя необычность?

— В вашем прошлом. Валентин Богданович, вы рассказали нашему другу о работе группы Дроздова?

— Пока нет, — Уфимцев сверкнул в полутьме зала линзами очков. — Думаете, следует это сделать?

— О чем это вы? — насторожился Зих.

— О том, кто вы на самом деле, — улыбнулся Уфимцев. — Я уже говорил вам, что часть убежищ являлась специализированными лабораториями, которые, скажем так, работали на будущее. Всем было ясно, какую Землю мы получим в наследство, когда закончится ядерная зима. Поэтому мы и наши коллеги по всему миру пытались, условно говоря, направить эволюцию в нужном направлении. Больше всех, как теперь стало ясно, преуспел наш российский гений, Илья Александрович Дроздов.

— Говори яснее, до меня что-то туго доходит.

— Исследовательский центр Б90 в Ленинске входил в наше ведомство с самого начала и

работал с одним очень специфичным вирусом, который был совершенно случайно получен незадолго до Катастрофы в одной из лабораторий военно-медицинской службы. Одна из форм этого вируса обладала крайне любопытным свойством — она могла работать как модификатор альтернативного сплайсинга белковых изоформ, сокращенно МАСБИ. Это по-научному, если же говорить простым языком, этот вирус мог на генном уровне менять очень важные параметры организма, например особенности строения нервной системы. Группа Дроздова занималась этим вирусом много лет. После Катастрофы Б90 оказалось идеальным полигоном для работы с МАСБИ: в замкнутой контролируемой среде не существовало опасности утечки вируса во внешний мир. Работа группы Дроздова принесла потрясающие результаты, но сам Илья Александрович результатов не увидел — он умер в 2037 году. Его младший сын, Виктор Ильич, тот самый, что оставил известную вам запись, не обладал, увы, талантами своего отца. Он был неплохим врачом, но не более того. Кроме того, Дроздов-младший был крайне неуравновешен психически. Тем не менее он взялся продолжать работу отца, в этом ему помогли некоторые из сотрудников Ильи Александровича. Результат был плачевный — эксперименты Дроздова с вирусом МАСБИ закончились вспышкой болезни, которую вы называете снежной, а мы синдромом Гриннинга. Вот так и появилась эта инфекция.

— Погоди, значит, это Дроздов выпустил из своей лаборатории эту болезнь, а потом сам же ее и лечил?

— Пытался лечить. Ему казалось, что он нашел средство. Но дело совсем в другом — от снежной болезни не умирали только те из обитателей убежища, кто участвовал в экспериментах Дроздова-старшего с мутагеном МАСБИ. На диске Дроздова есть список больных, которых убили по приказу коменданта. Мы сопоставили его с нашими базами данных и убедились, что комендант Б90 Русинов действовал правильно — он отдал приказ расстреливать тех резидентов убежища, родители которых не участвовали в экспериментах Дроздова-старшего с МАСБИ. Комендант действовал в рамках секретной инструкции, с которой наш доктор знать не мог.

— Это что же получается, людей, которым прививали вирус, было много?

— Половина от общего числа взрослых жителей Б90, что-то около двухсот человек. Вторая половина резидентов была контрольной группой подопытных — в этом и был смысл эксперимента с МАСБИ в замкнутой контролируемой среде. У потомков жителей, участвовавших в эксперименте Дроздова, болезнь протекала в несмертельной форме, и они выздоравливали, поскольку у них был стойкий иммунитет, а добрый чокнутый Дроздов-младший счел, что это его лечение спасло их. Самое смешное, что и сам Виктор Ильич имел подобный иммунитет, поскольку его отец испытал МАСБИ на самом себе. Он просто не знал всех моментов работы собственного батюшки. Среди выживших были ваш отец Антон Чигарев и его родной брат Радий, те из сотрудников Дроздова, кто участвовал в эксперименте с МАСБИ — и вы, дорогой друг. Вам тогда еще двух лет не было. Короче говоря, из-за ошибки Дроздова вирус вышел на свободу, и у нас появилась куча проблем.

— Значит, я мутант? — Зих почувствовал неопределенную животную злость на этого лощеного словоохотливого умника, вещающего об экспериментах над людьми с таким спокойствием. — И моя Лиза... она заболела потому, что это я ее заразил?

— Мутантами, строго говоря, были ваши дед и отец, которые участвовали в программе МАСБИ. А вот особенности их измененного генома передались вам. Так что вы косвенно мутант, милейший. Дроздов и его сотрудники сделали вам отличный подарок — у вас

сильнейший иммунитет от рождения и совершенная нервная система. Вот вам разгадка вашего невероятного везения в охоте на мутантов и невероятной живучести. Насчет вашей жены: вам не стоит себя винить, вы тут совершенно ни при чем. Синдромом Гриннинга инфицированы очень многие люди, возможно, он был у вашей жены еще до встречи с вами.

— Бред, — Зих попытался смыть глотком воды вставший в горле противный ком, но ощущение кома не исчезло, он будто еще больше разбух, затрудняя дыхание. — Я вам не верю.

— Зачем мне вам лгать? И потом, какое это все имеет значение? Вы таков, какой есть, и именно такой человек нам сейчас необходим.

— Понимаете, Егор Антонович, — заговорила Наталья с экрана, — сегодня мы заинтересованы не только в знаниях и технологиях, но и в людях, особенно если они уникальны, как вы. Очень нам сейчас нужен герой. Образец для подражания. Человек, который мог бы стать символом стойкости и бесконечных возможностей человека. Вы обладаете всеми качествами такого человека. Вы опытный охотник, великолепный стрелок, мастер выживания в самых тяжелых условиях. А главное — люди доверяют вам, вы умеете расположить их к себе. Сегодня людям очень трудно. Потомки тех, кто в свое время покинул убежища, в большинстве своем одичали, превратились в жестоких двуногих хищников, которых вы называете Дикими. Колонии напоминают осажденные крепости. Мы стараемся помочь этим поселениям, но они разбросаны на огромной территории, и наши группы не всегда успевают оказать помощь. Про наших конкурентов из Гласкома и говорить не приходится — они озабочены только собственным выживанием. Сейчас это особенно важно — идет вторая волна исхода, которая, в отличие от первой, является организованной и подконтрольной нам. Мы хотим, чтобы эти люди смогли войти в этот мир без тех бедствий и лишений, которые испытало ваше поколение. И вы очень могли бы нам помочь.

— Вторая волна? Это про Наследников Мира разговор?

— Совершенно верно. Секта была создана давно и не без нашей помощи. Людям нужна вера, без нее они обречены. Что может объединить людей в борьбе за лучшую жизнь, если не хорошая светлая идея?

— Я не понимаю, в чем тут соль, но я видел, что происходит. Эти люди напоминают мне малых детей. Они плохо представляют себе, что ждет их за воротами их обителей и за выходом из убежища. Их вера, о которой вы так красиво говорите, не защищает их от холода, заразы и ножей Диких. И они гибнут. Я уже видел это.

— Вере нужны мученики. Придет время, и те, кто погиб сегодня на пути к храму будет канонизирован.

— Интересная у вас логика, девушка, — Зих чиркнул спичкой, выпустил клуб дыма. — Чем больше погибнет народу, тем крепче будет вера, так что ли?

— Нет. Мы как раз стараемся, чтобы жертвы были сведены к минимуму. И предлагаем вам помочь в этом. Вы станете героем нового мира, защитником Наследников. Вот, послушайте, какое сообщение мы готовим для трансляции в колониях...

Наталья замолчала, и в динамиках зазвучал другой голос — мужской, звучный и бодрый. Тот самый, который услышал из репродуктора на рынке Зих в свой первый день в этом городе.

— Информационной службе Комитета стало известно, что одна из групп Наследников несколько дней назад подверглась нападению шайки Диких, — говорил голос. — Измученные долгой тяжелой дорогой и безоружные люди были захвачены людоедами, и их

участь была бы ужасной, если бы совершенно неожиданно вблизи поселка Родник не оказался опытный охотник на мутантов, известный в наших краях под прозвищем Зих. Этот отважный человек, рискуя своей жизнью ради совершенно чужих ему людей, перебил бандитов и освободил паломников, не взяв с них за это никакой платы. Удивительное по нынешним жестоким временам бескорыстие, поразительная отзывчивость! Напомним, что это уже не первый случай, когда Зих оказывает колонистам неоценимые услуги — он и прежде проявил себя, как умелый истребитель хищников, а совсем недавно уничтожил близ городка № 13 особо опасного мутанта, известного как живоглот. Уничтожил в одиночку, по частному контракту, выполняя работу тех, кто называет себя законной властью, но ничего не делает для защиты поселенцев от мутантов. Мы рукоплещем храброму охотнику и следим за его подвигами! Очень похоже на то, что в этом несчастном мире наконец-то появился герой, который заставляет говорить о себе все чаще и чаще...

— Ну, как вам? — спросил Уфимцев, когда смолкла бравурная музыка, которой закончилось сообщение. — И попробуйте сказать, что в этом релизе есть хоть одно слово лжи.

— Все правда, — Зих сделал еще поток воды из стакана: ком в горле понемногу проходил. — Только вот не пойму на кой ляд вам это нужно.

— И не надо. Вы уже оказали нам огромную услугу, побывав у доктора Дыбкова. Мы бы могли запереть вас в нашем исследовательском центре и работать с вами, как с подопытным, но нас гораздо больше интересует ваш... коэффициент выживания, скажем так. Ну, и конечно, вы очень поможете нам, всему человечеству, если согласитесь на предложение Натальи Николаевны.

— И для этого вам ничего особенного не придется делать, — продолжила женщина с экрана. — Просто нужно оставаться самим собой, вот и все.

— Ладно, я все понял. А что я буду с этого иметь?

— Все, что захотите, — серьезно сказала Гордеева. — Самое современное снаряжение, оружие, продукты, лекарства, причем совершенно бесплатно. Вы будете у нас на полном довольствии. Все подразделения Комитета будут оказывать вам всевозможное содействие. Правительственные контракты будут хорошо оплачиваться. Ну, и конечно, ваша жена получит необходимую помощь. Доктор Уфимцев считает, что ее полное выздоровление — вопрос времени.

— Да, умеете вы уговаривать людей! — Зих опустил взгляд. — Я согласен.

— Чудесно! — Гордеева лучезарно улыбнулась с экрана. — Я знала, что вы примете верное решение.

— Одно слово, — Зих протянул руку с незажженной сигаретой в пальцах к экрану, будто хотел коснуться плеча хорошо одетой и цветущей женщины, говорившей с ним. — Я соглашаюсь только ради Лизы. Если вы не спасете мою жену, я не буду на вас работать. Вот мое решение.

11. ЛИЗА

До Родника оставались не более десяти минут ходьбы. Туман рассеялся под утренним ветром, и Зих уже мог отчетливо видеть развалины домов и поднимающуюся над ними церковь. А значит, очень скоро он покончит со всей этой бессмысленной историей.

Охотник зашагал по дороге к руинам, хотя еще минуту назад собирался сделать привал и покурить. Но теперь нет смысла оставаться на поднявшемся холодном ветру, если он уже так близок к цели. И еще — Зиху было любопытно, что же скажет ему капитан Гернер, когда он вручит ей покоящийся в кармане его рюкзака сверток.

— Вам всего лишь надо передать это вашим друзьям из Гласкома, — сказал ему Уфимцев несколько дней назад, передавая этот пакет. — Конечно, более естественно выглядело бы, если вы пришли к месту встречи с пустыми руками, но мы хотим закрепить вашу репутацию и у противоположной стороны. Пусть доверяют вам, это хорошо. В любом случае, вы выполните свой контракт, а это главное.

— Я хочу увидеть жену, — сказал Зих, взяв пакет. — Я могу ее увидеть?

— Конечно. Вернетесь домой, и встретитесь. За ту неделю, что вы провели у нас в гостях, ее пролечили и благополучно доставили обратно в ваш милый городок. Не сомневаюсь, что вы будете приятно удивлены ее состоянием.

— Даже не верится...

— Мы ценим наших друзей, — Уфимцев сверкнул стеклами очков. — А вы наш друг, не так ли? Кроме этого пакета вы получите немного патронов, еды и лекарств в нашей хозчасти — на дорожку, так сказать. И еще раз прошу вас, ни в коем случае не откровенничайте с гласкомовцами. Отдайте им пакет, а на все вопросы отвечайте только то, что мы с вами придумали.

Развалины были пусты. На глаза Зиху попались застывшие трупы двух мутапсов, распластавшиеся прямо на дороге — обе твари были убиты выстрелами в голову. Хороший знак: группа Гернер еще здесь, наверняка они пристрелили этих мутантов. Дикие ни за что бы не бросили столько собачатины...

Он подошел к церкви метров на пятьдесят, когда на крыльце портала появился Бескудников и радостно помахал ему рукой. Хоть и клон, а человеческие чувства ему не чужды. Зих помахал рукой в ответ, а потом из церкви выскочила капитан Гернер и буквально помчалась прямо по грязным лужам навстречу охотнику.

— Живой! — крикнула она, и на лице ее было столько радости и удивления, что внутри у Зиха что-то дрогнуло. — Боже мой, ты вернулся!

Она прыгнула на шею Зиху, вlepила охотнику поцелуй в небритую щеку, запищала от радости, как маленькая девочка, увидевшая отца после долгой-долгой разлуки.

— Вернулся вот, — ответил растроганный Зих, пряча глаза, — хоть думал, что не вернусь...

— Сразу скажи — сделал?

— Хочешь верь, хочешь нет, сделал, — Зих полез в рюкзак и вручил Елене сверток. — Твоя правда была, девонька. Он под холодильником в кухне Дроздова лежал. Еле нашел,

целый день искал.

— Зих, да ты... да тебе, — Елена задохнулась, прижимая к груди сверток. — Да тебе памятник надо ставить! Ты знаешь, что ты сделал? Знаешь, сколько ты жизнью спас?

— «Эх, милая, знала бы ты, что я сделал! — в смятении подумал Зих, не в силах смотреть в эти сияющие счастьем глаза, а вслух сказал: — А где блаженные эти? Ушли, что ли?

— Сектанты? Ушли, через день после тебя, — Елена разорвала сверток, снова охнула от радости, увидев пластмассовую коробку с диском. — Невероятно, просто невероятно!

— Молодец, батя, — пробасил Бескудников, протягивая охотнику руку. А тут и Небогатов подошел, и смотрел на Зиха, как на героя. Охотнику на мгновение стало смутно и мерзко на душе. Он вроде как предал этих людей, а они его благодарят.

Ничего, Бог простит, а люди не узнают.

— Это, — Елена показала Зиху диск, — великое счастье, что он нашелся. Твое имя люди запомнят, Зих. Ты просто... нет, я сейчас заплачу!

— Ладно уж, — буркнул охотник, закуривая. — Правильно мы поступили с вами, что я один туда пошел. Лабиринтовцев в Каменном Лесу что мутапсов в чистом поле. Кругом они. Вас бы там еще на подходах к городу накрыли.

— Вот потому-то тебя и просили помочь. Знали, что ты не подведешь. Расскажешь, как все было?

В церкви Елена с самым торжественным видом раскрыла свой рюкзак и вручила Зиху бутылку с коньяком. И не беда, что коньяку осталось чуть больше полбутылки: Зих принял подарок, свинтил пробку и сделал большущий глоток, млея от удовольствия. Коньяк будто смысл противный привкус той лжи, которую он говорил минутой назад.

— За успех, — сказал он, сделал еще глоток и протянул бутылку Елене. — Давай, по глоточку.

— Это тебе, — возразила Елена. — И еще будет, обещаю. Дай только до базы добраться.

— В Каменном Лесу я коньяк в магазине видел, — сказал Зих, наслаждаясь заструившимся по внутренностям коньячным огнем. — Дорого, мать его, не укупишь. Вообще, всего там у них много.

— Мы поняли, почему связи не было, — сказала Елена и сразу перестала улыбаться. — В городе радио есть?

— Только через репродукторы что-то вещают.

— Я так и думала. Мы с сектантами пообщались, пока они с нами были — похоже, им кто-то активно программирует сознание. Какие-то голоса они слышат, сны вещие, все время их кто-то в Ленинск зовет, Храм Небесный строить. Очень похоже на внешнее пси-воздействие.

— А почему на нас оно не действует?

— Это избирательное лингвомнемоническое программирование. Поверь, я в этом неплохо разбираюсь. И никогда бы не догадалась, если не вот это, — Елена показала на красную «Книгу Завета», лежавшую среди вещей спецназовцев. — Мне ее Феодор, старейшина их подарил, я решила ее хорошенько почитать. Ознакомиться с новой верой. И вот что выяснила попутно: книга была напечатана уже после того, как «Лабиринт» начал противостояние с нами, да еще в убежище, где как раз занимались методиками психологической реабилитации людей, переживших Катастрофу. Интересное совпадение. Я думаю, в книге есть определенные слова, которые работают как триггеры, запускают

нужные поведенческие установки. Надо будет заняться этим серьезнее.

— А радио причем?

— Видимо, в Каменном Лесу работает какое-то мощное излучающее устройство, оно и создает радиопомехи. Средства связи лабиринтовцев при этом работают нормально, потому что они другие частоты используют, а наши... Ладно, не это главное. Ой, я так рада, что ты вернулся!

— В городе много этих самых Наследников, — сказал Зих задумчиво, — и что-то с ними не так. Не пойму, что, но счастья и рая они там точно не найдут.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, — помолчав немного, Зих начал рассказывать обо всем, что видел в Каменном Лесу. О вооруженных патрулях, о расстрелянной женщине, о карантине, о своем разговоре с проповедником Александром. Обо всем, что можно было рассказать. Он даже жалел в душе, что не может сейчас поделиться с Еленой тем, что узнал от Уфимцева. Рассказывал, а сам думал — а кого он предал? Никого. Он свободный человек, охотник, он работает на тех, кто ему платит и никогда не был связан никакими обязательствами. Но рассказать об Уфимцеве, о том, что узнал на базе «Лабиринта» все же не решился.

— Этим мы потом займемся, — сказала Елена, когда охотник закончил. — У меня тоже сердце сжималось, когда я на этих людей смотрела. Когда они уходили... вобщем, жалко мне их было, они ведь совсем беззащитные.

— Они верят, — сказал Зих. — В этом их счастье. Что делать будем?

— Домой пойдем, прямо сейчас.

— А пропуск в силе? — Зих показал Елене пропуск Лизы.

— Конечно, как доберемся до базы, сразу вышлем за твоей женой транспорт, даже не беспокойся. Теперь у нас архивы Дроздова есть, а с ними... Что-то не так? — Елена будто уловила то смятение, которое все больше овладевало Зихом.

— Я все еще не могу поверить, — охотник покачал головой. — Неужто выздоровеет?

— Конечно, — уверенно сказала капитан Гернер. — Даже не сомневайся. Теперь все и для всех будет хорошо.

Странное чувство — он будто не был тут целую вечность. Всего четыре недели прошло, а городок № 13 стал для Зиха чужим.

Это ощущение чужого холодного и пустого мира возникло, едва Зих вошел в ворота. Смутное предчувствие беды, которое было во всем — в странных взглядах охранников в воротах, приветствовавших его совсем не так, как обычно, в глазах идущей навстречу по улице женщины, в самой пустоте утреннего городка — будто в его отсутствие случилось что-то такое, что навсегда разорвало его связь с этим местом. Даже унылые ободранные дома и грязные улицы стали будто еще унылее и грязнее. И Зих все понял. Он даже не стал заходить домой, отправился прямо к Филиппычу, который сразу сказал ему, что случилось, пока он отсутствовал.

В госпитале городка были три палаты — общая взрослая, детская и изоляционный бокс. Лиза была в боксе. Зих шагнул к постели, коснулся руки жены — пальцы были холодные,

сухие, неживые.

— Сколько еще, Филиппыч? — спросил он, не в силах оторвать глаза от воскового застывшего лица на подушке.

— Может быть, несколько дней, может, несколько часов. Она и так пережила все мыслимые сроки — уж извини, что так говорю. Сильная у тебя жена, Зих.

— Я не верю. Ведь я все сделал...

— Зих, из снежной комы не выходят. Я надеялся на лечение криптоланом, но было слишком поздно.

— Криптолан? — Зих быстро поднял глаза на Филиппыча. — У тебя есть криптолан?

— Твои друзья-военные тут были. Не с Дальних озер, чужие какие-то. Оставили для Лизы две упаковки лекарств — циклоферона и раствора криптолана гидрохлорида для инъекций, потом быстренько уехали. После четвертой инъекции она впала в кому. Организм слишком истощен, Зих.

— Так что, ее не увозили никуда?

— Нет, все это время она была здесь. Военные сказали мне, что сейчас не могут доставить ее к себе на базу, нет транспорта. Потому и привезли лекарства.

Уфимцев солгал, подумал Зих, глядя на Лизу. Опять ложь, уже в который раз. Или его подчиненные просто не хотели возиться с безнадежной умирающей поселенкой, тратить ради нее время и дорогое горючее? Кому какое дело...

— Я могу побыть с ней? — спросил Зих.

— Конечно. Не буду вам мешать.

Лампа под потолком бокса замигала, и на мгновение Зиху показалось, что свет стал ярче, теплее, и в лице Лизы появились живые краски. Он стоял, держал руку жены и не мог заставить себя думать о чем-нибудь, кроме смерти. Ему хотелось вспомнить, какой Лиза была тогда, почти двадцать лет назад, но образ юной прекрасной счастливой всегда улыбающейся девушки с великолепными рыжеватыми волосами и милыми веснушками на носике стерся, выцвел, точно так же, как рисунок их сына, лежавший у Зиха в портсигаре. Счастливая пора, юность, любовь — все осталось там, так далеко в прошлом, а в настоящем были только мигающий свет лампочки под черным от плесени и сырости потолком бокса, и в круге этого слабого света — восковое иссохшее личико на подушке, окруженное тенями. Лицо самой смерти, которая все же пришла, чтобы взять свое.

— И где Бог? — прошептал Зих. — И стоит ли верить? Жаль Снигирь умер — набил бы я ему сейчас морду от души...

Платок, купленный в Каменном Лесу, лежал в рюкзаке, поверх остальных вещей. Зих достал его, развернул, машинально пощупал пальцами, будто еще раз хотел убедиться, что платок достаточно хорош для его жены, а потом набросил его Лизе на ноги. Проглотил вставший в горле ком и вышел из бокса.

Филиппыч разлил спирт по кружкам, они чокнулись и долго молчали. Говорить было не о чем. Потом Зих подхватил рюкзак и шагнул к двери.

— Куда ты сейчас? — не выдержал Филиппыч.

— Домой. Подготовиться надо.

— Зих, она отмучилась, — сказал доктор. — Ей недолго осталось, она уйдет без боли и страдания. Найди утешение хотя бы в этом. Ей теперь легче, чем нам.

— Я знаю. Это я опоздал. Но тут уж не моя вина. Ладно, бывай.

Уличный холод пробрал Зиха до костей, свежий ветер будто сдул с него тяжелый запах

нездоровья, пропитавший госпиталь. Домой Зих возвращаться не хотел — у него теперь нет дома. Был дом, и не стало его.

Ложь, кругом одна ложь. Военные из «Лабиринта» не забирали его жену, просто дали Филиппычу криптолан для Лизы — значит, он у них есть, они давно знают, как лечить эту болезнь. Но Уфимцев говорил ему, что криптолан не поможет. Значит, врал, подло бессовестно лгал, желая только одного — добиться своего ценой такой чудовищной лжи? Еще плел про какую-то чудо-вакцину, но никакой вакцины не было, так что ли? Его, как дешевую шлюху, использовали все, кому не лень, а он верил. Сделали его мальчиком на побегушках, наговорили много-много красивых и умных слов, надавали обещаний — а Лиза все равно умирает. Темная душная злоба охватила Зиха, такой ненависти он давно не испытывал. И такой горечи в душе тоже.

Усач встретил охотника с расprostертыми объятиями, тут же заговорил про Лизу, про свое сочувствие, про помощь — мол, чем могу. Засуетился, вытащил бутылку спирту, достал две банки тушенки из своих стратегических запасов, шмат сала, крахмальный хлеб.

— Слушай, Усач, — сказал Зих, принимая кружку со спиртом, — мне надо встретиться с майором, который тут был. С Бескудниковым.

— Насчет Лизы хочешь поговорить? Так они же...

— Нет, другой у меня разговор с ним будет. Крупный.

— Послушай, Зих, я тебя прекрасно понимаю, но мне не нравится...

— Сделаешь? — перебил Зих. — Я про встречу с майором.

— Нет, — Усач решительно мотнул головой. — Даже не проси. В таком настроении тебе не надо с ним встречаться.

— Я всегда знал, что ты сволочь, — Зих залпом выпил остатки спирта из кружки. — И дружки твои с «Дальних озер» тоже сволочи. И везде одно и тоже, кругом одна мразь, хуже Диких, хуже мутантов. Все только обещают, а как получают...

— Зих, успокойся! — Усач положил свою ладонь на руку Зиха. — Не надо так говорить. Это не мы такие, это жизнь такая. Этот майор... вообще, хороший он мужик. Не обвиняй его в своих бедах. И меня не вини. Так Бог захотел, ничего не попишешь.

— Бог? — Зих посмотрел на Усача осоловевшим от спирта взглядом. — Вот только не надо мне про Бога говорить. Хватит с меня гребаных сказок, понял? Ненавижу вас всех.

— Зих, если тебе какая помощь нужна, так ты только...

— Да пошел ты! — Охотник взял рюкзак за лямки и вышел быстро, не оглядываясь. Усач долго смотрел на дверь, в которую ушел Зих, потом выругался втихомолку, хлебнул спирта из кружки и отправился наверх, в свой кабинет, где у него стояла старенькая радиостанция.

Могильный холмик получился аккуратный, ровный, именно такой, как хотелось Зиху. Два холмика рядышком — маленький и большой, Ленкин и Лизы. Теперь они вместе, а он...

Зих всадил в землю лопату, присел на корточки и достал сигареты. Некоторое время молча курил, глядя на могилы. Странно, но чувство потери, такое острое еще вчера, сегодня

как бы сгладилось, поутихло. Появилось другое, неожиданное ощущение — Зих чувствовал странное удовлетворение. Он все сделал так, как нужно. Взял у Усача в долг платье, туфли и косынку для Лизы — все довоенное, новое, — сам выкопал могилу, воюя с промерзшей землей, сам привез сюда Лизу на тележке, сам опустил ее в могилу, поцеловал ее, накрыл платком лицо и засыпал землей. Несколько женщин-соседок пришли вслед за ними, стояли в сторонке, наблюдая, как он прощается. Зиху не было до них никакого дела — он работал, делая для жены то небольшое, что еще мог сделать. И только потом, когда начал трамбовать лопатой готовый холмик, заметил, что на кладбище он совсем один — все ушли. Но именно этого Зих сейчас хотел больше всего, просто побыть наедине со своими ушедшими.

Докурив сигарету, Зих втоптал в землю окурок, взял винтовку, поднял стволом к небу и выстрелил — раз, потом второй. Стрелянные гильзы кинул на могилы, повесил винтовку за спину, взял лопату и побрел меж могил к выходу.

Его даже не удивило, что у ворот кладбища стоит армейская колесная бронемашина — видавшая виды, заляпанная грязью сверху донизу. Зих остановился, приставил лопату к заборчику и направился к человеку в камуфле, стоявшему у бронемашины.

— Значит, сказал-таки Усач, — произнес он. — Ну-ну...

— Мои соболезнования, Зих, — сказал Бескудников. — И капитан Гернер просила свои соболезнования передать.

— Соболезнования? — Зих усмехнулся. — Спасибо. Вы ведь с самого начала знали, что все безнадежно. Но как все обставили, красный пропуск мне для нее сделали!

— Знали. Но ведь и ты это знал, верно? Просто верил, что все можно изменить, спасти ее.

— Верил. И сейчас верю, что ее можно было спасти. Но только вы меня обманули. Если бы вы раньше...

— Зих, так и ты нас обманул. Или не так?

— Я хотел жену спасти, майор. Меня не интересуют ваши разборки, мне плевать на них. Для меня вы все едины. Вы все думаете только о себе. Сидите на своих базах, жрете, пьете, время от времени вылезаете оттуда на свет божий, как тараканы, ради какого-нибудь важного дела и опять прячетесь, как только очередной простак вроде меня сделает за вас вашу работу. А мы просто живем, мерзнем, каждый день боремся за жизнь и все равно умираем. Я ведь для чего хотел с тобой встретиться, майор — просто в глаза тебе посмотреть. Понять, что ты за человек и что вы все вообще за люди. А сказать мне тебе нечего. Так что прости, пойду я.

— Зато я хотел с тобой поговорить. Хочу объявить тебе благодарность за большую помощь. Ты нам очень помог. Не допустил, чтобы мои люди погибли. Я твой должник.

— Забудь. Ничего мне от вас не надо. И больше меня ты не увидишь. Никогда.

— погоди, — Бескудников подошел ближе. — Мы ведь прекрасно понимаем, что диск, который ты принес из Каменного Леса, тебе лабиринтовцы дали. Я не спрашиваю, как и почему это случилось, твои дела. Догадаться было нетрудно — на твоём диске нет самого главного, архивов Дроздова-старшего по экспериментам с МАСБИ. Гернер сразу поняла, что это ненастоящий диск. Но зато теперь мы знаем, что именно нам искать. Только архив проекта МАСБИ имеет ценность.

— Предателем меня считаешь, так?

— Ты сделал то, что сделал. Ты не военный, присягу не приносил, судить тебя я не имею права. Тем более что не только архивы Дроздова нас интересовали. Очень нас

озадачил исход сектантов в Каменный Лес. Зачем, ради чего их там собирают. Благодаря тебе мы кое-что поняли и выяснили.

— Бескудников, мне плевать на это все. Вы меня обманули. Лиза умерла, а ваши сектанты меня не волнуют. Разбирайтесь со всем этим дерьмом сами, без меня.

— А разве ты не хочешь знать, что происходит?

— Нет. Ты мне все равно правды не скажешь, а ложью я уже по горло сыт.

— Ошибаешься. Как раз правду я тебе и хочу сказать. У нас есть информация, что Объединенный Комитет, правительство, как они себя называют, собирается покинуть VIP-убежище, в котором до сих пор отсиживалось. Новой столицей России выбран Ленинск, поскольку из всех крупных городов он пострадал после Катастрофы и ядерной зимы меньше всего, и потом, там уже многие годы работает главная лаборатория «Лабиринта» — центр Б90. Этому событию ждут очень многие покровители Комитета — американцы, китайцы, европейцы, — все те, кто снабжал их в последнее время, помогал технологиями. Когда правительство Комитета обоснуется в новой столице, это будет знак всему миру, что оно полностью контролирует территорию страны. А значит, можно будет начать освоение нашей территории.

— Какой территории? Какой страны? Майор, ты мне сказки не рассказывай. Просто вокруг посмотри. Где ты страну видишь, одни руины.

— Зих, ты плохо разбираешься в политике, уж извини. Человечество пережило ядерную катастрофу, но единым оно не стало. Правительства как были, так и остались. И борьба за ресурсы значит сегодня не меньше, чем борьба за технологии. Если бы ты знал то, что знаем мы, ты бы все понял. Какую ценность имеет вся эта земля, наша вода, наша нефть и прочее. Давай покурим.

— Почему же вы свое правительство не посадите?

— Потому что его нет. Гласком всегда был военной организацией и действовал в рамках принятого когда-то Устава. В первые годы после Катастрофы Гласком выполнял функции правительства, поскольку действовало чрезвычайное положение. Но потом связь между убежищами прервалась, и единой власти больше не существовало. За восемьдесят лет сменились поколения, и к власти пришли совсем другие люди. Мы не сразу поняли, что происходит, потому что были заняты своим делом — пытались восстановить нормальную жизнь. Собирали технологии, воевали с Дикими и мутантами, создавали полевые базы, чтобы помогать поселенцам. Тем, чем сейчас занимаемся. Но это тебе не может быть интересно.

— Ты о сектантах говорил.

— Их собирают в Ленинске для какого-то секретного эксперимента. Не исключено, что для эксперимента с МАСБИ. У нас есть несколько косвенных доказательств этого: исход сектантов начался сразу после того, как командос отряда 505 проникли в заброшенное убежище Б90. И еще одно странное совпадение: как раз в это время ученые из «Лабиринта» создают режимный центр именно в заброшенной лаборатории Б90, якобы как изолятор для больных вирусной гнилью.

— Ну и что?

— Синдром Гриннинга сегодня главная угроза для людей, покидающих убежища. У них нет иммунитета к этому вирусу. Видимо, зарубежные друзья Комитета требуют покончить с эпидемией, прежде чем начать освоение нашей территории. Ради этого все и затевалось. Наследники Мира — самый лучший объект для исследований. Их легко собрать в одном

месте, для этого, как считает капитан Гернер, используются зомбирующие технологии, которые у «Лабиринта» и его хозяев имеются. Многие из них уже инфицированы вирусом, так что получается идеальная контролируемая среда! Вот почему нам нужен диск Дроздова.

— Так он все-таки существует?

— Существуют архивы Дроздова-старшего, где собраны все результаты экспериментов по МАСБИ.

— А доказательства?

— Ты, — спокойно сказал Бескудников. — Ты сам живое тому доказательство, Зих. Твои дед и отец участвовали в экспериментах профессора Ильи Дроздова, от них тебе достался в числе прочего стопроцентный иммунитет от болезни, которая убила твою жену. Теперь понимаешь, как важно найти эти архивы? Даже с нашими техническими возможностями мы на основании данных группы Дроздова создадим вакцину от снежной болезни за несколько месяцев, и у людей появится будущее. Мы спасем тысячи и тысячи жизней. Никто больше не будет умирать от болезни, которая унесла твоих близких.

— Интересно, — Зих зажег новую сигарету, недоверчиво посмотрел на майора. — А с чего вы взяли, что эти архивы сохранились?

— Психологическое допущение. Архивы могли оставаться только в убежище Б90, значит, без всякого сомнения, попали к специалистам «Лабиринта». Но Дроздов-младший мог сделать копии архивов отца, хотя бы для того, чтобы выдать их за свои. Они могут быть на подлинном диске Дроздова. Правильнее сказать, они там точно есть. Если верить той записи, что капитан Гернер дала тебе прослушать, Дроздов сделал две копии архивов — одну оставил в убежище, вторую взял с собой на поверхность. Если мы ее найдем, мы внесем серьезные коррективы в планы «Лабиринта». У нас тоже появится лекарство от снежной болезни, и Комитет уже не сможет решать, кому жить, а кому нет. Но это уже политика, о ней не стоит говорить. Не то место.

— Это ваши дела. Меня все это не касается.

— Хотел бы и я так сказать. Чем теперь будешь заниматься?

— Не знаю. Придется привыкать жить без Лизы.

— Хорошо, что мы с тобой поговорили, — Бескудников протянул охотнику руку. — Если будет нужна помощь, скажи Усачу.

— Мне не нужна помощь, сам как-нибудь справлюсь.

— А вот нам твоя помощь очень пригодилась бы, — Бескудников не опускал протянутую руку. — Я знаю, ты считаешь, в твоём горе есть и наша вина. Я ничем не могу тебя утешить. Но мы все часть одной страны, Зих, и сегодня решается её судьба. Если мы будем думать каждый о себе, новая война неизбежна — теперь уже за ресурсы, за воду, нефть, уголь, власть. И второй Катастрофы этот мир точно не переживет.

— Страна? — Зих усмехнулся. — А она есть?

— Есть. И будет. Ради этого мы и живем.

— Мне бы твою веру, майор.

— Да, я тоже вижу, что веры тебе явно не хватает. Но никогда не поздно научиться верить.

— А что мне еще остается? — Зих все-таки пожал руку майора. — Спасибо за душевный разговор.

— До встречи.

Зих стоял, смотрел, как разворачивается на раскисшей дороге бронемашина, как

удаляется от него в облаках дизельной гари, и думал. О том, что не рассказал Бескудникову о своей беседе с Уфимцевым, о том, что запись голоса Дроздова подделана специалистами «Лабиринта», что сектантов убивают не только снежная болезнь, но и пули и клыки мутантов, и что какая, в сущности, разница, кто будет управлять этой страной — Комитет или Гласком, — потому что страны нет вовсе. А если бы и была, какое ему, Зиху, до нее дело? Он никого не оставил после себя, все его близкие мертвы, и все, что у него осталось — это свобода и его винтовка. Теперь, когда Лиза умерла, он ничем не обязан ни «Лабиринту», ни сборщикам пепла, никому.

Сейчас он придет домой, помянет Лизу и ляжет спать, и будет спать долго, может быть, целые сутки. А потом будет думать, как жить дальше. И кто его знает, может, додумается до чего-нибудь стоящего. Пока же ему хочется согреться, выпить, поесть и выспаться. И побыть одному, чтобы никто не увидел, как он плачет.

12. НАДЕЖДА

В дверь колотили громко, уверенно и настойчиво — стучавший, видно, наверняка знал, что хозяин у себя дома. Зих выругался матерно, накрыл голову подушкой, потому как каждый удар в дверь болью отзывался в мозгу, и без того истерзанном похмельем. Нет его дома, нет, и пускай все идут... Нет его, и все тут.

Несколько секунд было тихо, и Зих было подумал, что неведомый утренний гость убрался к черту, но потом вновь раздался стук. Они знают, что он дома, и что он рано или поздно откроет. Ну хорошо, сейчас он им скажет...

В несколько шагов Зих заковылял до двери, лязгнул засовом. За порогом стояла капитан Гернер. На этот раз не в форме сборщиков пепла, в обычном и не очень чистом общевоинском защитном обмундировании, но со своим любимым пистолетом «Гриссом-Уайлдкэт» в набедренной кобуре.

— О-о-о! — протянула она. — Теперь понятно, почему...

— Чего тебе надо? — прохрипел Зих, жмурясь от невыносимо яркого света.

— Поговорить. М-да, запашок от тебя...

— Проваливай. Не о чем нам говорить. Тошнит смотреть на вас, вояки затраханые. Чего ухмыляешься?

— Ты не очень вежлив, Зих. Пускай я стерва и клон, рожденный из пробирки, но я не заслужила такого обращения. Но это неважно. Может, все-таки выслушаешь меня? А потом решай, что делать — продолжать запой, или вспомнить, что ты мужчина.

— Тебе чего надо? — Зих встал в дверях, закрывая вход. — Не хочу я никого видеть, а тебя в первую очередь.

— Понимаю. Я никогда бы не пришла сюда, если бы не обстоятельства. Так можно войти, или будем стоять на холоде?

Зих промолчал, просто отошел в сторону, освобождая вход. Капитан Гернер вошла, бросила на стол меховые перчатки. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Ну, чего молчишь? — Зих сунул закоченевшие ноги в войлочные чуни, сел на кровати. — Чего вы там опять удумали? Если опять насчет меня что-то, лучше сразу иди отсюда. Никаких дел я с вами больше не веду.

— Вот, все думаю, как начать.

— Начни как-нибудь, и давай побыстрее. Башка болит, опохмелиться надо.

— Хорошо. Позавчера наши разведчики инспектировали район между Дальними озерами и вашим городком и встретили на дороге группу Наследников из пятнадцати человек — понимаешь, куда они шли. Наши предложили их проводить сюда, в город, но сектанты отказались, а вот помочь попросили — у них вода и провизия подошли к концу. Ребята довели паломников до Выселок — знаешь, там старая котельная есть. Оставили им свои пайки и поехали на базу за водой. Вернулись в Выселки к утру.

— Ну и что?

— А то, что ночью там побывали две мартихоры. Понимаешь, что случилось с паломниками?

— Догадываюсь. Но я сейчас не в настроении охотиться. Так что обойдетесь без меня.

— Не беспокойся, мартихор наши ребята пристрелили. Так что от тебя не твое охотничье искусство требуется.

— Тогда какого хрена нужно? Не пойму я что-то.

— Оденься, и давай выйдем на пару минут.

Недалеко от дома Зиха стоял древний тентованный УАЗ469, раскрашенный в цвета зимнего камуфляжа. А возле машины стояли военный и ребенок. Девочка лет пятнадцати.

— Она догадалась забраться внутрь котла, когда появились эти твари, — сказала Елена Зиху. — Мартихоры всю обшивку исполосовали когтями, но добраться до нее не смогли. Потому и выжила. Одна из всей группы.

Девушка подняла голову, посмотрела на Зиха. Лицо у нее было бледное, осунувшееся, глаза серые, как небо зимой — и полные тяжелой взрослой усталости, будто прожила эта девчушка на свете полсотни лет как минимум. Одета была девочка хорошо, как и все сектанты, даже слишком хорошо, хоть и была ее одежда в пятнах ржавчины и сажи: утепленный ярко-красный лыжный костюм, поверх него камуфлированный армейский бушлат, меховые сапожки-унты, теплый платок. Но Зиху почему-то в первую секунду бросились в глаза варежки на руках девушки — хорошие шерстяные варежки домашней вязки, синие с белым. Конечно, какой-то очень близкий, родной этой девочке человек их вязал — мать ли, бабушка, сестра, да какая разница кто? И внезапно Зих подумал, что тот, кто связал эти варежки, возможно, погиб этой ночью, разодранный мартихорами в Выселках, а варежки — вот, остались...

— Ты что? — Елена заглянула в лицо охотнику.

— А? — Зих очнулся, мотнул головой. — Чего?

— Хочу попросить тебя — пусть девочка пока у тебя поживет. На базу мы ее не можем взять, не положено.

— Чего? — Зих не поверил своим ушам. — Взять ее к себе? А не пойти ли вам к ебням с вашими мартихорами, детьми и всем прочим?

— Тихо, она может слышать... Я тебя очень прошу, Зих.

— Вы даже горя моего не хотите уважить! Всего четыре недели прошло, как Лиза... как один я остался, а ты мне такое...

— Горе? Да, горе. Тяжелое горе, Зих. Но от того, что ты будешь пьянствовать в одиночестве, оно не станет легче. Я сказала этой девочке, что ты лучший в мире охотник на мутантов. Кажется, она мне поверила.

— И что мне с ней делать? Подкладывать себе под бочок? Или сбагрить какому-нибудь торговцу заезжему — цинк патронов за нее дадут, это точно!

— Зих, не старайся казаться хуже, чем ты есть, — спокойно сказала Елена. — Я ее тебе не удочерить предлагаю, и не насовсем оставляю, не бойся. Я договорюсь, чтобы девочку взяли в госпиталь, но надо соблюсти все формальности, у нас с этим строго. Неделю потерпишь?

— А ты ее спросила, захочет она у чужого мужика в доме жить?

— Вот сейчас и спросим. — Елена направилась к машине, Зих, выматерившись, пошел за ней. Ситуация была такая, что охотник забыл о муках похмелья, да и вообще обо всем забыл.

— Это Егор Антонович, — сказала Елена девочке, показав на охотника. — Он очень хороший человек и мой друг. Пока поживешь у него, а потом я придумаю, как тебе помочь.

— Мне в город надо, — сказала девушка, даже не глянув на Зиха.

— Сейчас тебе идти никуда нельзя. Надо отдохнуть немного, а потом видно будет. У Егора Антоновича тебе будет хорошо, правда? — тут Елена выразительно посмотрела на охотника.

— Чем богаты, — сказал Зих, толком не зная, что ему говорить. — Тебя как зовут?

— Надя, — ответила та, пряча взгляд. — Я... я не могу. Меня мама, наверное, ищет.

— Ее мать, бабушка и младший брат погибли в Выселках, — шепнула Елена. — Мы вывели ее из шока, но она еще немного не в себе. Скажи что-нибудь, не молчи!

— Надежда, значит? — Зих лихорадочно соображал, что ему говорить. — А меня Зих. Так и зови — Зих.

— Ты охотник на мутантов? — В серых глазах Надежды, казалось, промелькнула живая искра. — И сколько мутантов ты убил?

— Много. Очень много. Наверное, штук семьдесят, может больше.

— А не врешь?

Зих даже опешил от такого вопроса. Елена между тем достала из машины небольшой брезентовый мешок, протянула Зиху.

— Вот, вам на первое время хватит, — сказала она. — Здесь немного еды и кое-какая одежда. Если что понадобится, дай знать через Усача, он в курсе.

— Меня родные ищут, — всхлипнула девчонка, глядя в землю.

— Конечно, ищут. — Елена ласково потрепала девочку за плечо, прижала к себе. — А мы их будем искать и найдем, тогда сразу тебя к ним доставим, не сомневайся. А пока ты у Егора Антоновича будешь в полной безопасности. Так ведь, Егор Антонович?

— Я... — промямлил Зих и осекся, поймав на себе пристальный изучающий взгляд серых глаз девчонки. Взял мешок, растерянно посмотрел на Елену. — Хоромы у меня неважные, сразу говорю. Хозяйка моя... ушла. Да ладно, идем!

Он взял девочку за рукав бушлата — осторожно, кончиками пальцев, — потянул к себе. Потом, отвернувшись, пошел к дому. Ноги у него почему-то ослабли, в животе появилась противная дрожь. Страшно захотелось закурить, но сигареты остались в доме. Он услышал, как завелся двигатель автомобиля, но не оглянулся — до самой входной двери. И только тут, повернувшись, он увидел, что Надя стоит в метре от него.

— Входи, — выдохнул охотник, распахивая дверь. Пропустил девочку в дом, вошел сам. Краем глаза заметил, как сморщилась гостья, вдохнув смрадный прокуренный воздух в его жилище. Ничего, пусть привыкает к запаху одиночества...

— Чего топчешься? — буркнул он, увидев, что девочка стоит у порога. — Входи, располагайся. Сейчас печку затоплю.

Про печку он вспомнил не только из-за Надежды — в доме было холодно, даже после улицы это чувствовалось. Положив мешок на лавку, Зих подошел к печи, открыл вентиль газового баллона и зажег запальник. Хлопок — зажглась горелка. Прикурив от догорающей спички, охотник закрыл дверцу топки и повернулся к гостье. Девушка стояла посреди хижины, не сняв платка и варежек, и смотрела на Зиха.

— Скоро будет тепло, — сказал Зих. — Чего не раздеваешься?

Девочка молча стянула с головы платок. Волосы у нее были светлые, тяжелые, с красивым золотистым отливом. Зих заметил, что она ищет глазами, куда положить платок.

— Вон кровать, — сказал он, показывая на койку Лизы. — Там можешь шобонки свои сложить. Вообще-то, погоди.

Он вспомнил, что в самодельной тумбочке у кровати еще остались вещи Лизы — у Зиха

не хватило духу от них избавиться. Нет, лучше по-другому сделать...

Зих быстро поменял тюфяки — свой перетащил на кровать Лизы, а Лизин (он и чище, и новее!) на свою. И тут заметил, что Надежда еле заметно улыбается.

— Чего лыбишься? — буркнул он.

— Вспомнила притчу, которую наш пастырь Максим рассказывал, — ответила Надя. — Про человека, который мечтал увидеть ангела.

— И что там ваш пастырь рассказал? — осведомился Зих, раскладывая на койке тюфяк.

— Жил-был один человек, который с детства мечтал увидеть настоящего ангела. Много-много лет он ждал, когда ангел к нему придет, но так и не дождался. Он состарился, поседел, и вера его покинула. И вот однажды он сидел дома, в тепле и безопасности, а на дворе была ужасная метель. Человек поужинал и собрался лечь спать, и вдруг в дверь постучали. Когда человек открыл дверь, он увидел странника, застигнутого бурей в дороге — замерзшего, голодного и едва живого. Человеку стало жаль странника, он впустил его, затопил для него печь, сварил вкусный суп и приготовил ему постель. И странник, видя все это, заплакал и сказал: «Слава Богу, сегодня, наконец, сбылась моя давняя мечта!» Хозяин дома удивился и спросил: «О чем это ты?» И странник сказал ему: «Я всю жизнь мечтал увидеть святого человека. Я много ходил по свету, но нигде не встречал его, и оттого моя вера в людей покинула меня. Спасибо тебе, ты вернул мне мою веру». Тогда хозяин дома горько рассмеялся и ответил: «Ты безумец, если говоришь такие вещи! Я тоже мечтал увидеть ангела, но моя жизнь прошла напрасно — ангелов просто не бывает. Не говори глупостей. То, что я делаю для тебя, я сделал бы для любого бродяги, потому что не люблю, когда люди умирают на пороге моего дома». Утром, когда хозяин дома проснулся, он увидел, что его гостя больше нет, по полу хижины рассыпаны белоснежные перья из ангельских крыльев, а на стене блистает надпись, сделанная огненными письменами: «Наши мечты сбываются».

— И что было дальше? — спросил Зих.

— Все, — девушка улыбнулась. — Это же притча.

— Глупая притча. Я не святой, и ты не ангел. А вашего отца Максима, небось, мартихоры загрызли.

— Я там, в котельной, голос услышала, — задумчиво сказала Надежда. — Он мне шепнул: «В топку лезь!» Так бы не догадалась, наверное. Я знаю, это мой ангел мне помог. Я верю в ангелов.

Зих пожал плечами. Нечего спорить с девчонкой, по всему видно, что у нее мозги набекрень. Лучше посмотреть, что в мешке, который дала ему капитан Гернер.

— А неплохо совсем, — сказал он, выкладывая из мешка на стол коробки и пакеты. — Заботливые у нас друзья. Мясной порошок, белковое пюре, вермишель, витаминайзер... Ишь ты, даже курева подкинули! Все, сволоты, предусмотрели... Чего мнешься?

— Дяденька, а где у тебя туалет?

— За перегородкой ведро с крышкой стоит, туда и ходи. Как сделаешь, на улицу вынеси, чтобы не воняло потом. — Зих замолчал, увидев, что у девочки в глазах заблестели слезы. — Привыкай, милая, тут теплых сортиров и чистых постелей нет. Это не ваши подземные бункеры со всеми удобствами, это Внешний мир. Не знаю, каким местом ваши пастыри думают, когда таких вот детей сюда ведут.

— Они все правильно думают, потому что...

— Что потому что? — Зих махнул рукой. — Хотя, мой собственный батя когда-то тоже

думал...Короче, располагайся, обживайся, ешь, пей, спи, а я выйду ненадолго. Надо мне.

Он быстро надел комбинезон, взял винтовку из шкафа, подхватил с пола пустой рюкзак и вышел из дома.

На улице уже начало темнеть. Люди, которых он встречал по дороге в заведение Усача, приветствовали его и смотрели с любопытством — весть о том, что у охотника Зиха появилась малолетняя жиличка, уже облетела весь городок. Некоторые пытались заговаривать, но Зих не останавливался, шел дальше, думая о своем.

Усач просто просиял, когда увидел его.

— Слава Богу! — вздохнул он. — Подняли-таки старого медведя из берлоги!

— Похмели, — сказал Зих, усаживаясь за стол. — Болит у меня все.

— Лишку ты запил, родимый. Пора за ум браться.

— За ум? — Зих, преодолевая отвращение, влил в себя полстакана разведенного спирта, ахнул, задержал дыхание, пытаясь подавить накотивший рвотный спазм. Когда пришел в себя, увидел, что Усач смотрит на него с сочувствием. — Чего, дошел я до ручки?

— Другой ты стал после того, как Лизу схоронил, — сказал Усач. — Не узнаю я тебя.

— А меняются люди, — прохрипел Зих, вытирая слюну. — Да и жить мне теперь не для кого. И незачем.

— Ты это брось! Ты людям нужен, всем нам. Слышал бы ты, что про тебя по радио говорят. Герой просто.

— Сколько я тебе должен, Усач?

— А, оставь! Мелочь, потом сочтемся.

— Тогда дай выпивки. Хоть пару литров.

— Слушай, ты только не ори, а послушай меня, я от души говорю, как самому родному и близкому человеку — бросай бухать. Лизу ты не вернешь, горя не зальешь, только себе навредишь. Возьмись за ум. И девочка, которая у тебя поселилась — ей какво на твои пьянки смотреть?

— Уже слышал про девчонку?

— Все слышали, весь город знает. Переживают все за тебя, Зих. И радуются, что ты теперь не один в своей берлоге сидишь. Может, хоть ребенок этот заставит тебя к жизни вернуться.

— Дашь или нет?

— Не дам. Лучше вот, посмотри, я тут собрал тебе... вам кое-что, — Усач вытащил из за прилавка объемистый пластиковый пакет. — Тут сахар настоящий, довоенный еще, яичный порошок, синтетическое молоко, картофельная мука, сало, витаминизированные концентраты, хорошей воды бутылка. Возьми, от меня, все бесплатно. Вам теперь...

— Спирта дай. А это все в жопу себе засунь. Обойдусь без твоих благодеяний.

— Нет, ну какое же ты говно! — взорвался Усач. — Я к нему как к человеку, а он... Себя не жалко, ребенка пожалей! У нее на глазах мартихоры родителей разорвали, а тут еще

ты со своим гонором поганым! Не хочешь, не бери, хер с тобой, я девочку буду у себя бесплатно кормить, а тебе пусть стыдно будет.

— Не ори, — сказал Зих, подперев голову руками. — Башка болит от твоего крика.

— А у меня тут болит, — Усач постучал себя по левой стороне груди. — Не по-мужски ты себя ведешь, Зих. Не думал я, что ты...

— Еще налей, пожалуйста.

— Последнюю, — заявил Усач, беря бутылку. — И больше даже под дулом твоей винтовки не налью.

— Прости, плохо мне, — Зих вцепился пальцами в кружку, поднял глаза на Усача. — Мне Лиза каждую ночь снится. Улыбается, веселая такая, красивая. Просыпаюсь, и плачу. В груди все болит. Выпью, вроде легче.

— Она теперь в лучшем мире, и ей хорошо, потому и улыбается тебе. А ты, дурак, не поймешь, что ей неприятно твой запой оттуда видеть. Не такого она тебя любила, понятно?

— Ты как наш покойный Снигирь заговорил, — Зих жажнул спирт: опять поднялась тошнота, но голова стала яснее, боль утихла, и даже дикая злоба на весь мир и самого себя стала понемногу проходить. — Или как эти сектанты засратые. Говоришь, у девчонки родителей коты порвали? И правильно сделали. На то они и коты, чтобы рвать и жрать. А у человека мозги должны быть в голове — знали, куда шли, что их ждет. Но без оружия поперлись, да еще и детей с собой взяли. Я бы этих родителей сам бы порвал голыми руками. Самим подохнуть захотелось — подышайте, но чего детей на смерть ведете?

— Мы их не пойдем, Зих. Вера — это вера.

— Вера должна с головой дружить, а это не вера, дурь, — заплетающимся языком ответил Зих. Спирт ударил в голову, стало совсем тепло и хорошо, только головокружение мешало сосредоточиться. — Надо этой капитанше сказать, пусть поскорее девочку заберет. Не нужен мне никто. Не хочу больше никого хоронить.

— Эх, Зих, Зих! — Усач покачал головой, налил себе полстакана и залпом выпил. — Зря ты так с собой обращаешься. Тут опять зверье одолевает. У старых стоков какая-то тварь объявилась, мартихора не мартихора, крылатка не крылатка, черте что и сбоку бантик, так люди теперь туда боятся ходить. Все ждут, когда Зих из запоя выйдет, чтобы со зверем разобраться, а ты...

— А коли помру я? — Зих поднял на собеседника расфокусированный спиртом взгляд. — Вот возьму и уйду к Лизе? Что будете делать? Раскопаете меня на второй день, скажете: «Вставай, мать твою, покойничек хренов, иди, стреляй, спасай!» Так не встану, Арсеньтич. Мертвые не встают. Они как этот засратый мир, их к жизни уже не вернешь.

— Решил поплакаться на пьяную голову? Поплачь, выговорись, полегчает. Всем плохо, не только тебе. У всех близкие умирают.

— Да мне насрать на других. Все, надоело, — Зих засопел, уперся кулаком в стол, вставая. — Слушай, ты винтовку мою хотел. Покупай, продаю. Другого раза не будет, так что спеши. За двести банкнот и флягу спирта отдам.

— Не куплю. Вот когда протрезвешь, на человека станешь похож, тогда и поговорим. А сейчас иди, проспись. Хватит глупости говорить.

— Глупости, — сказал Зих. — Вся наша жизнь одна большая глупость. Тут отца своего вспоминал как-то. Тоже вытащил меня ребенком в этот мир. Жаль, что я малым не помер.

— Ты еще на отца своего наговори, ага! Правильно он все сделал. Ты им гордиться должен. Мой ведь тоже первые двадцать семь лет жизни под землей прожил. А потом вышли

они на солнышко — и слепли от такого света. И плакали от счастья, потому что небо и солнце до той поры только в старых фильмах видели. А как зрение к ним возвращалось, только тогда они замечали, куда попали, что это за Внешний мир и сколько в нем опасностей. Но первое ощущение оставалось на всю жизнь. Мне отец говорил — он себя в тот момент чувствовал как мертвец, который воскрес и из могилы восстал. Мы-то с тобой этого не поймем, а он всю жизнь об этом помнил. И ни секунды не жалел, что из убежища ушел. Так-то. Тебя довести до дому?

— Сам дойду.

— А то смотри, могу Ланку позвать, она тобой займется.

— Не до Ланки мне сейчас и не до ее дырок. Меня такого самого можно... Пойду я.

Усач ничего не сказал, только развел руками. Преодолев новый приступ тошноты, Зих дошел до двери, толкнул ее и выбрался на улицу. Холодный воздух слегка протрезвил его, но вот ноги определенно не слушались. И винтовку он зачем с собой взял?

Стоп, что там Усач про мутанта у стоков говорил?

Домой идти совершенно не хочется. Там навсегда поселилась пустота, и даже неожиданно появившаяся жиличка не делает его лачугу местом, куда так хочется возвращаться после тяжелого дня, проведенного во Внешнем мире.

Постояв немного, Зих шумно высморкался в лужу у дверей забегаловки Усача и направился в ту сторону, где в сгустившихся сумерках горели два тепло-золотистых фонаря — к городским воротам. К хлипкой и непрочной границе, разделяющую относительную безопасность и грозную тьму, поджидающую там, за пределами городка.

13. СЛЕД

Ночь была необычно теплой — не больше трех-пяти градусов мороза, и Зих был этому очень рад, потому что не придется включать систему обогрева и разряжать и без того изрядно подсевшие элементы. Кстати, в минувшие недели он даже ни разу не удосужился проверить их зарядку. Может, они вообще разряжены. Ради интереса Зих включил обогрев и сразу почувствовал приятное тепло — но тут же отключил питание. Выпитый у Усача спирт еще не выветрился окончательно, так что немного мягкого протрезвляющего холода совсем не повредит.

От городка до старых стоков было не больше километра на запад. Отойдя от ворот метров на четыреста, Зих сошел с дороги и зашагал чистым полем вдоль древней магистрали водопровода — это была кратчайшая дорога до стоков. Почему огромный, непонятно когда и непонятно как возникший от городка котлован называли старыми стоками, Зих не знал — разве лишь потому, что летом, когда становилось тепло, талые воды стекались в этот котлован со всей равнины, образуя на его дне глубокое, сотня на сотню метров, озерцо. В это время сюда сбегалась разная живность на водопой. А еще недалеко от котлована находились руины огромной фермы, которую в городке № 13 тоже именовали Стоками. За те десятилетия, что существовал городок, с фермы утащили все, что уцелело в годы ядерной зимы и могло пригодиться в хозяйстве — кирпичи, бетонные плиты и балки, куски гнилого дерева, шифер, листы ржавого железа и многое-многое другое, — так что от строений остался только огромный замысловатый лабиринт из полуразрушенных стен и ржавых каркасов сельскохозяйственных машин, до которых пока еще не добрались хозяйственные жители городка. Зих очень хорошо знал эти места, еще в детстве он с мальчишками бывал здесь часто, несмотря на запреты отца и реальную опасность столкнуться в развалинах со стаей мутапсов или с кем-нибудь пострашнее.

Ночь была ясная, лунная, согретая за день земля с наступлением темноты подмерзла, тонкая наледь хрустела под подошвами, и это было плохо — приближение Зиха обитатели стоков услышат раньше, чем хотелось бы. Еще на подходе к стокам Зих определил, что здесь поблизости ошивается большая стая мутапсов — следы на земле и едва уловимый мускусный запах это подтверждали. Следы были совсем свежие, стая где-то рядом, и встречаться с ней не то, чтобы смертельно опасно, но совсем нежелательно. Тратить патроны на мутапсов — это слишком роскошно, тем более что у Зиха с собой был только один магазин и еще пять патронов в подсумке. Увидев впереди развалины, Зих остановился, скинул с плеча «Стормер», проверил прицел и снял винтовку с предохранителя. И буквально через мгновение увидел собаку, которая появилась из-за полуобвалившейся стены и наблюдала за ним.

Мутапес был не очень крупный, полметра в холке, но приземистый, с мощной грудью, крупной головой и короткими стоячими ушами. В длинной рыжей шерсти зверя были заметны седые пряди — мутант был матерым, опытным, а это значит, что будет вести себя разумно, не станет беспричинно кидаться на человека, поддавшись щенячьей истерике. С другой стороны, пес показался ему на глаза не случайно — тут его территория, и зверь дает понять, что не потерпит непрошенных гостей. Зих остановился, положил ружье на сгиб

локтя, начал спокойно наблюдать за хищником, ожидая, что будет делать мутапес. При этом охотник старался встретиться со зверем взглядом: пусть мутапес почувствует его силу и уверенность.

Хищник прижал уши, тихо зарычал — пока только предупреждал чужака, что дальше идти не стоит. Зих и не шел, просто стоял и смотрел на зверя. Эта игра в гляделки закончилась быстро и внезапно: в развалинах вдруг поднялся многоголосый собачий гвалт, и хищник, хрипло залааяв, позабыл о Зихе и метнулся в темноту за развалинами. Охотник снял палец с курка и пошел вперед.

Поднявшаяся в развалинах собачья брехня не утихала, и Зиху это показалось странным — это явно не его появление всполошило собак. Тогда что? Зих отчетливо слышал в лае мутапсов не только агрессию, но еще и испуг. Что-то их испугало, переполошило, да так, что они никак не могут успокоиться. Надо быть осторожнее: что бы там ни случилось, но стая настроена явно агрессивно, и соваться в развалины не следует.

Охотник остановился, перехватил поудобнее винтовку, стер перчаткой изморозь со ствола и огляделся. Справа и слева от него были глухие кирпичные стены высотой метра в два-два с половиной. Отличная позиция, мутапсы не смогут атаковать всей стаей или окружить его. Самое время отходить, а там и из развалин...

Человеческий вопль влился в собачий хор так внезапно, что Зих вздрогнул. Там, впереди, кто-то кричал — громко, истошно, протяжно, на одной ноте, и ничего, кроме смертной муки и темного слепого ужаса в этом крике не было. Секунда, две — и крик оборвался, на мгновение наступила тишина, а потом вновь остервенело залаяли мутапсы, будто обезумели.

Зих быстро обежал разрушенную стену, по куче строительного мусора забрался на ее верхушку и начал идти по ней, как канатоходец по канату, пока не перебрался на соседнюю, а там дальше, продвигаясь все ближе к месту, откуда слышался весь этот жуткий гвалт. Он уже не надеялся, что ему удастся помочь человеку, столкнувшемуся с мутапсами — Зих лишь хотел посмотреть, что же там творится. В собачьем хоре ему послышались и другие звуки — что-то вроде глухого протяжного рева, похожего на вой зимнего ветра в пустой трубе. Подошвы ботинок иногда скользили, и пару раз Зих чуть не сорвался со стены вниз — но продолжал идти вперед, пока не дошел до конца стены и не увидел бывший машинный двор фермы.

В лунном свете он увидел беснующихся мутапсов — и приземистое темное непонятное порождение ночи у противоположной от него стены. Неведомая тварь ревела и отмахивалась длинными лапами от наседавших на нее разъяренных собак, но сама на них не бросалась — только оборонялась, видимо, не желая позволить псам зайти себе в тыл. Зих колебался только одно мгновение — вскинув винтовку, он всадил пулю в самого агрессивного из мутапсов, а потом начал методично отстреливать остальных. После того, как пятая собака забилась в агонии, стая бросилась врассыпную, оставляя человека и странное существо наедине друг с другом.

Тварь увидела Зиха, поднялась на задние лапы, совсем по-медвежьи и снова глухо и протяжно заревела. Охотник не стал тратить времени — просто выстрелил четыре раза подряд почти не целясь, но все четыре пули легли в цель. Первая пуля раздробила чудищу челюсть, оборвав рев, остальные три попали выше, поразив мозг твари, и существо, застыв на мгновение с поднятыми лапами, кучей осело на окровавленную землю и забилось в агонии. Зих терпеливо ждал, когда тело убитого им животного перестанет вздрагивать, и кровь из

перебитых артерий перестанет хлестать во все стороны, и только после этого, перезарядив винтовку, прыгнул со стены и подошел к добыче.

Он был зол на себя. Потратил пять патронов на собак (ну, тут никак нельзя было по-другому!), а главное, израсходовал целых четыре заряда на эту тварь, вполне можно было обойтись двумя. И еще, Зих заметил, что у него дрожали руки. Надо завязывать с пьянкой, иначе патронов не напасешься, а его самозарядную красавицу просто-напросто можно заменить любой железкой с оптическим прицелом.

Теперь, осветив убитое существо фонарем, он сразу понял, что уже видел нечто подобное. Там, в убежище Б90, как раз перед тем, как провалиться в шахту лифта — такая же вот тварь тогда набросилась на него в коридоре. Это было точно, сомнений никаких быть не могло. Та же самая огромная, смахивающая на каменную глыбу голова, курносая жуткая морда, не человеческая и не звериная, остроконечные уши, безгубая пасть, похожая на щель, горбом торчащий загривок, длинные мохнатые лапы, мускулистый торс. Одно лишь непонятно, как, каким образом эта тварь взялась тут, так далеко от Каменного Леса? Или же Уфимцев опять экспериментирует со своими хищниками?

Но не мутант больше интересовал Зиха. Осмотрев издохшее чудище, охотник подошел к человеческому телу, лежавшему под стеной рядом с застреленным мутантом, опустил на корточки, начал осмотр.

Это был мужчина, совсем молодой, лет двадцати пяти-двадцати семи, с худым лицом и окладистой бородой. Тварь почти оторвала ему голову и вырвала правую руку из плеча так, что она болталась на лохмотьях кожи. Было видно, что он спасался от твари бегством — спина бедняги была располосована когтями до позвоночника, сломанные шейные позвонки торчали из зияющей раны на затылке. Грубо сработанная собачья парка была разодрана в лохмотья и залита кровью, но Зих сразу понял — это не Дикий. У Диких не бывает таких чистых лиц и таких здоровых зубов. Перевернув труп, он увидел брезентовую сумку от противогаза, лямка которой была зажата в левой руке покойника. Зих не без труда разжал пальцы, заглянул в сумку. В ней лежали жестяная кружка, ложка, несколько горстей съедобного мха и круглая жестяная банка. Зих открыл банку. Там были несколько кусочков сахара, шприц-тюбик с промедолом, таблетки для очистки воды, крошки от сухой вермишели и сложенный вчетверо листок бумаги, исписанный мелким аккуратным почерком с обеих сторон, вроде как письмо. Зих забрал банку, потом развернул листок, начал читать — письмо было написано неким Кириллом своему родственнику в общине «Дальний берег»

Мир и свет тебе, брат мой Алексей!

Сегодня один из наших братьев решил покинуть нас, поскольку вера его претерпевает серьезные испытания. Он усомнился во всемогуществе Божьем и просил отпустить его из нашего Града Небесного, чтобы побороть одолевающие его искушения. Я узнал, что он собирается навестить твою общину, потому пользуюсь оказией и посылаю тебе с другом моим Владимиром это письмо о наших праведных делах. Я часто вспоминаю тебя, брат мой, особенно наше детство и то, как мы с тобой на досуге играли в слова — сколько это нам доставляло удовольствия! Но сейчас мы воистину не имеем времени на праздные развлечения. В этом городе нас уже несколько сотен, и число наше растет. Мы намерены превратить его в истинный Оплот Веры. Власти благоприятствуют нам, местное

население видит в нас друзей, и потому трудом нашим ничто не угрожает. Мы много и тяжело работаем, но плоды наших трудов налицо. Меня назначили пастырем в небольшой общине, которая расположилась в бывшем городском вокзале, и я горд этим. Еды у нас хватает, лекарств тоже, а что мы не можем достать сами, обеспечивают нам слуги Божьи. Черные ангелы защищают нас, и сам Господь обращается к нам со словами утешения! Это воистину чудо, что наконец-то сбываются наши самые сокровенные мечты. Потому говорю тебе, Алексей — не задерживай исход, успеши присоединиться к нам, чтобы мы бок о бок строили на развалинах прежнего мира наш Небесный Град. Дороги ныне не так опасны, как весной, снег почти везде сошел, и военные контролируют их. Если вам удастся найти хорошего проводника, будет совсем хорошо. Вещей берите побольше, за них тут дают хорошую плату, а вам такое количество рухляди совсем не потребуется — в городе есть все, что нужно. Я познакомлю тебя со святыми людьми, которые учат нас понимать Божью волю, и ты сам ощутишь, как велико Его могущество.

Божье благословение на тебе, передавай привет своим родным и всем Наследникам твоей общины.

Твой брат Кирилл.

Зих дважды перечитал эту записку. Теперь ему все стало ясно: еще один блаженный простился с жизнью. Ушел из Каменного Леса бродяжить, наткнулся в этих развалинах на мутанта и...

Вроде все понятно и естественно, насколько может быть естественной человеческая смерть в мире, где каждый день приходится бороться за жизнь. Но у Зиха появилось странное ощущение, что он только что узнал нечто очень важное, нечто пока непонятное, неуловимое, но могущее объяснить очень многие вещи, которые происходили в последнее время. Зих перевел взгляд на лицо покойника, освещенное луной, потом на мохнатую тушу странного мутанта в луже застывающей на холоде крови и снова достал записку Кирилла. Начал читать и тут обратил внимание, что многие буквы аккуратно подчеркнуты снизу. Не слова — именно отдельные буквы или слоги.

— Играли в слова в детстве? — пробормотал он. — И как же вы играли? Ну-ка, попробую и я поиграть.

Он начал складывать подчеркнутые буквы в слова и все понял. Первое же слово, получившееся из таких букв, было: «ПОМОГИТЕ»

— Вот оно что! — прошептал Зих, глядя в остановившиеся глаза покойника. — Такая, значит, пошла игра?

Он аккуратно сложил письмо, сунул его в подсумок, глянул еще раз в остановившиеся глаза покойника и, опустившись на корточки, закрыл их, после чего перешел к мутанту. Глядя на развороченный череп твари, Зих вдруг понял, что надо сделать. Стянул с правой руки перчатку, обнажил охотничий нож, сел рядом с тушей и, светя себе фонарем, начал лезвием ковырять выползающий кашей из огромной раны в черепе размозженный пулями мозг. Брезгливо морщась, подавляя накапывающую тошноту, выбрасывал из головы чудовища на землю комья вещества и сгустки крови, ковырял дальше, пока не увидел среди растерзанной органики то, что искал.

Крошечный блестящий металлический предмет, совершенную копию того, который капитан Гернер извлекла из головы убитого им солдата отряда 505. Это было ожидаемое открытие, но Зих все равно был потрясен. Он аккуратно обтер нейрошунт, сунул его

встрелянную гильзу, а гильзу заткнул смятой в комок сигаретной бумагой и положил в портсигар. Потом закурил, с трудом приходя в себя и пытаясь понять, что же он против своей воли узнал этой ночью. Он сидел довольно долго, пока неподалеку снова не завывли мутансы, почуявшие запах пролитой крови. Стая возвращалась, и Зих не собирался встречаться с ней, имея при себе всего шесть патронов. Тем более что он сегодня сделал достаточно много. Даже слишком много для одной ночи.

Дверь в его дом была плотно закрыта, но не заперта. Печка за то время, что он отсутствовал, разогрелась, и было тепло и уютно. А еще, из дома, казалось, выветрилось застоявшееся тут за дни одиночества зловоние, Зих ощутил приятный тонкий запах, вроде как каких-то цветов. Девочка крепко спала, свернувшись в клубочек на кровати Лизы — она осталась в доме, никуда не ушла, и Зиха это почему-то обрадовало. Осторожно, чтобы не разбудить девчонку, он поставил винтовку в шкаф, снял комбинезон, достал из своей тумбочки огрызок карандаша, который еще от Ленки остался и который Зих берег много лет как память о сыне, потом извлек из подсумка письмо Кирилла, сел за стол и, запалив «летучую мышь», начал писать. Получившиеся из подчеркнутых в письме букв слова он писал прямо между строчек, складывая их в единый текст, который все объяснял — по крайней мере, для Зиха:

Помогите! Мы в ловушке. Пастыри лгут. Божий голос просто непонятный ужасный обман. Мы слишком поздно поняли это. Выбраться из города невозможно, везде посты. Несколько человек пытались выбраться через подземные ходы, их поймали и убили. Людей уводят в какой-то Госпиталь, откуда никто не возвращается. Еды нет, мы продаем вещи спекулянтам, чтобы выжить. Владимир хочет бежать, у него убили жену. Я передаю с ним эту записку. Если нам не суждено спастись, пусть хоть другие знают, что тут творится. Не вздумайте слушать пастырей, не идите сюда! Кирилл.

Зих отложил карандаш, перечитал получившийся текст и посмотрел на девушку, мирно спящую в двух метрах от него на кровати Лизы. Вот уж воистину, нет худа без добра — если бы не мартихоры, то эта девчонка с испуганными серыми глазами попала бы в Каменный Лес и стала одной из тех несчастных, кого обманули. И может быть, поделила бы судьбу той светловолосой женщины, которую расстреляли на его глазах. Или попала бы в Госпиталь, который, как получается, охраняют не только солдаты в черном, но и хищные твари с блестящими шпучками в мозгу...

Зих опять подумал о расстрелянной женщине. Может, она и была женой того самого сектанта Владимира, которого два часа назад задрал мутант на Старых Стоках. И если так, они сейчас вместе, как сказал бы Снигирь. Может, так оно к лучшему для них.

Он осторожно вышел из дома, чтобы покурить. Стоял, курил одну сигарету за другой и думал о том, что случилось. Впервые в жизни ему хотелось не просто приспособиться к жизни, но сделать так, чтобы эта похабная жизнь стала хоть чуточку не такой похабной. Только ведь от него ничего не зависит. Совершенно ничего.

Или зависит?

Зиха начал бить сонный озноб, глаза слипались, накатила тяжелая болезненная усталость — и еще чувство хорошо сделанного дела. Впервые за четыре недели, прошедшие после смерти Лизы, он подумал о том, что есть еще, оказывается, в этой поганой жизни вещи, ради которых стоит открывать утром глаза.

Разбудили Зиха голоса и запахи. Он открыл глаза, попытался поднять голову и сразу услышал бодрый знакомый голос:

— А, проснулся? Это хорошо.

Усач стоял у печки и ложкой помешивал что-то в сковородке. А еще он широко улыбнулся Зиху, показав все оставшиеся у него во рту шесть зубов.

— Ты... чего? — пробормотал Зих, оглядываясь. И тут увидел Надежду: девочка сидела за столом и с любопытством смотрела на него.

— Зашел вот, угощеньице вам принес, — ответил Усач. — А то ведь память у тебя дырявая, забыл у меня вчера пакет с едой.

— Юрий Арсентьевич хочет показать мне, как готовится его фирменная яичница, — улыбаясь, сообщила девочка. — Он говорит, она очень вкусная.

— Очень, — подтвердил Усач, подмигнув девочке. — Сейчас все и попробуем.

— Я был на стоках, — сказал Зих, потирая виски. — Все сделано в лучшем виде.

— Уже? — Усач был изумлен. — Это ты туда после меня, косою потащился и все обделал? Ну, ты даешь. Могорыч с меня.

— Слушай, Усач, разговор есть. Пойдем-ка, выйдем.

— Яичница готова, — сообщил Усач девочке и вслед за Зихом вышел из дома.

— Чего надо? — спросил он охотника.

— Там был человек, — сказал Зих, раскурив сигарету. — Мутант убил его.

— Царствие небесное. А дома это нельзя было сказать, в тепле?

— Тут дело непростое, Арсентьевич. Короче, надо мне встретиться с твоим приятелем-майором и с его подружкой из сборщиков пепла. Но только по отдельности, и так, чтобы ни Бескудников, ни Елена этого не знали, что я не только с ними встречаюсь, понял?

— Зих, что случилось? — Усач с беспокойством заглянул охотнику в лицо. — Может, объяснишь, что творится?

— Потом, Арсентьевич, потом. Сначала с майором мне надо встретиться, сделаешь?

— Хорошо. Только я не пойму...

— Дяденьки, там яичница остывает! — сообщила Надежда, высунувшись в двери. — Я есть хочу!

Они ели молча, чинно, смакуя каждый кусочек фирменной яичницы Усача — она действительно была вкусная. А потом Зих выразительно показал Усачу глазами на дверь, и пристав все понял.

— Пятьдесят банкнот с меня за зверя, — сказал он, надевая шубу. — Зайдешь ко мне, получишь расчет.

— Зайду, сегодня же. И о моей просьбе не забудь.

— Не беспокойся, сегодня же сделаю.

— Я посуду помою, — сказала Надежда, когда Усач ушел.

— погоди, давай поговорим, — Зих потянулся за сигаретами, потом решил потерпеть, не курить в доме. Похлопал по матрацу рядом с собой. — Присядь-ка.

— Да? — Надежда села, подняла на Зиха глаза. Сегодня в них было совсем другое выражение, чем вчера. В глазах девочки появился свет.

— Расскажи мне про ваше учение и про этого вашего пастыря, отца Максима.

— А, тебе интересно? — обрадовалась Надя. — Ты в Бога веришь?

— Не знаю.

— Значит, веришь. Отец Максим говорил, что сомнения в нас тоже от Бога. Надо в себе эти сомнения побороть и просто верить, как маленькие дети верят.

— А ты его хорошо знала, этого Максима?

— Не очень. Он ведь пришел к нам совсем недавно, месяца два тому назад. Собрал людей, принес книжки разные, много со всеми разговаривал.

— А до этого вы как жили?

— Как все живут, — Надя смущенно улыбнулась. — У нас в бункере пятнадцать человек жили — Зимины, Бариновы и мы. Хорошо жили, у нас все было. Юрий Михайлович Зимин наш староста, нам со склада и еду, и одежду всегда сколько хочешь давал, а доктор Баринов всех лечил. Весной мы картошку сажали, мама с бабушкой даже поросенка хотели завести, но только выкармливать его тяжело. А вообще-то еды у нас всегда вдоволь было.

— А потом этот Максим появился?

— Да, — глаза девочки восторженно заблестели. — Он так интересно рассказывал! Меня бабушка в первый раз на собрание привела, и я прямо заслушалась, как он о Боге, о Последнем Убежище рассказывал. О том, что нет ни смерти, ни вечных страданий, что всех нас ждет новая хорошая и светлая жизнь у Бога. Так все здорово говорил, так красиво, что мы плакали. Даже мальчишки.

— И потом он предложил вам идти в Каменный Лес?

— Да. Отец Максим говорил, что сам Бог зовет нас туда. Он приготовил для нас Последнее Убежище, в которое попадет только тот, кто искренне верит в Него. А потом мир изменится, в нем больше не будет холода, страшных зверей и Диких. Земля покроется прекрасными деревьями и цветами, круглый год будет тепло, и все будут здоровы и счастливы. Отец Максим говорил, что все это будет очень скоро. Но сначала надо идти в Каменный Лес, где сейчас создается настоящий Небесный Город с храмом, и где сам Бог живет.

— И вы все бросили и пошли во Внешний мир без еды, без припасов, без оружия?

— Еда у нас была, одежда тоже. А оружие нам было не нужно — отец Максим сказал, что с оружием в Небесный Град никого не пустят. Бог не любит тех, у кого в руках оружие, которое смерть несет. Нас ангелы защищали.

— Ангелы?

— Ну да, — простодушно сказала девушка. — Отец Максим говорил, что есть белые ангелы и черные. Черные — это защитники, они всегда защитят верующих от зла.

— И ты видела этих ангелов, так?

— Один раз. Мы шли мимо каких-то развалин, и отец Максим вдруг остановился и показал нам на фигуру, которая стояла на развалинах. Он сказал нам, что это и есть черный ангел-защитник.

— И вы поверили?

— Конечно. Мы видели, как эта фигура исчезла, будто в воздухе растаяла. Разве человек может исчезнуть?

— «Да, милая ты моя, — в смятении подумал Зих, глядя на улыбающуюся Надежду, — как, оказывается, легко пудрить человеку мозги! И все такой человек будет принимать за чистую монету. Даже солдата в стелс-комбинезоне примет за ангела».

— Что ж вас ангел этот от котов не защитил? — сказал он, покачав головой.

— Я не знаю, — Надежда посмотрела на Зиха, и охотник понял, что она вот-вот расплачется. — Они все умерли, да?

— Слушай, ты сама только что сказала, что люди не умирают. Значит, все они живы, и ты однажды найдешь их.

— В самом деле? — В наполненных слезами глазах девочки снова вспыхнул свет. — Ты и вправду так думаешь?

— Конечно. У меня ведь тоже жена и сын умерли, но я знаю, что однажды увижу их снова, вот как тебя сейчас вижу. — Зих ласково потрепал девочку за плечо. — Иди, мой посуду. А я пойду, покурю на свежем воздухе. И подумаю над тем, что ты мне сейчас рассказала

13. ПАМЯТЬ

Синий свет повсюду. Синий свет и черные, двигающиеся в нем тени. Уродливые жуткие существа в зеленых плащах и капюшонах. Лица у них одинаковые, серые, с огромными круглыми глазами и хоботами из гофрированной резины. Он слышит их невнятные, странно звучащие голоса — они будто в жестяную трубу говорят. И еще, они постоянно смотрят на него, и от этих взглядов ему хочется спрятаться куда-нибудь, но спрятаться некуда.

Он стоит в круге синего света, маленький, беспомощный, замерзший, одетый только в трусики, прижимая к себе большого плюшевого медведя с красным бантом на шее. Ему холодно и страшно. Рука в резиновой перчатке ложится ему на плечо, и от этого прикосновения он вздрагивает всем телом.

— Можете одеть ребенка, — говорит жестяной голос.

Другие руки, женские и мягкие, начинают быстро натягивать на него теплое белье, потом вязаный свитер и штанишки, потом валенки. Озноб понемногу проходит, становится тепло и хорошо. Он крепче прижимает к себе плюшевого мишку, наблюдает, как одеваются мама, папа и дядя Радий с тетей Наташей. Люди с серыми резиновыми лицами им тоже разрешили одеться.

— Вперед! — командует кто-то.

Они быстро идут по длинному низкому темному коридору, мимо тусклых синих светильников в стенах. Ему снова становится страшно. Куда они идут? Откуда-то доносится гудение и гулкие удары, будто какое-то невидимое огромное чудовище топает тяжелыми железными лапами. Он спотыкается, роняет мишку на мокрый бетонный пол и начинает плакать от страха.

— Марин, подними медведя, я Егорку на руки возьму, — слышит он спокойный папин голос.

Его подхватывают сильные руки, он видит глаза папы, обхватывает его шею руками — и все страхи мгновенно уходят куда-то. Он больше ничего не боится, ему снова становится тепло и спокойно. Люди с серыми лицами и автоматами в руках ведут их дальше по длинному коридору. Что-то громко шипит — это открывается тяжелая зеленая дверь, за ней еще один коридор, короткий и совсем темный, в нем слабо светит только одна лампочка. Ему снова становится страшно, потому что вокруг темно, но папа с ним, папина рука ласково гладит его по голове, и страх отступает.

— Не плачь, сынок, все хорошо, — шепчет ему папа. — Я с тобой...

Открывается еще одна дверь, пропускающая их в сырой подземный туннель, где слышен шум воды и совсем нет света. Дверь за спиной с грохотом закрывается, и последний луч света гаснет. На мгновение становится так темно, что в глазах вспыхивают слепящие пятна. Снова становится страшно, снова начинают дергаться губы, но тут вспыхивает яркий свет — это папа включил фонарь, а потом и дядя Радий зажигает свой фонарик, и тьма отступает.

— Ну, вот и все, — говорит папа. — Все кончилось.

Он смотрит вперед, в темноту тоннеля и видит, как оттуда к нему навстречу мчится что-то светящееся, похожее на огненный шар. Слепящий свет с гулом обрушивается на них, как

волна, обступает со всех сторон, превращает пространство в огонь, а потом пламя гаснет, и наступает тьма. Тьма и ужасный холод. Последнее, что он успеваеет увидеть — брошенный на бетон плюшевый медведь, на которого опускаются крупные хлопья снега.

— Мама! — всхлипывает он. — Папа! Мааама!

— Дяденька, дяденька, ты что?

Зих с трудом открыл глаза. Надежда стояла у кровати с зажженной «летучей мышью» в руке и смотрела на него с испугом.

— Что? — прохрипел Зих, чувствуя острую боль в горле.

— Кричал ты во сне, — девочка положила руку ему на лоб, и от этого прикосновения Зиха начал бить озноб. — Ой, дяденька, да ты горишь весь!

— Все хорошо, — Зих жестом велел ей отойти от постели. — Иди, ложись.

— Может, воды тебе вскипятить?

— Ничего... не надо. Иди спать. Фонарь... погаси.

Это не в первый раз, подумал он. У него с детства такое бывает — ни с того ни с сего поднимается сильный жар, держится несколько часов, а потом все проходит. И в этот раз пройдет. От температуры и кошмар ему приснился. Всех покойничков увидел.

Он лежал с открытыми глазами и понимал, что девчонка тоже не спит. Озноб, казалось, чуть поутих, но ладони оставались сухими и вздутыми, во рту все пересохло, а по телу будто ледяными пальцами водили. Очень хочется пить, но он не станет звать Надежду. Дождется, когда она уснет и сам встанет и напьется.

Это была последняя мысль перед тем, как Зих снова провалился в тяжелое болезненное забытье.

— Как самочувствие, получше?

— Вроде оклемался. Кашель еще донимает, но так все в порядке. Главное — аппетит вернулся.

— Вот и хорошо, — Усач открыл ящик стола, сложенную пополам пачечку банкнот. — Держи, это обещанный могорыч за мутанта на стоках.

— Работа какая-нибудь есть? — спросил Зих, засунув деньги в карман комбинезона.

— Только собаки. Ничего крупнее, слава Богу, пока не объявлялось.

— Ты сделал, что я просил?

— Да. Майор в курсе, что ты приболел, ждет, когда сможешь с ним встретиться.

— А капитанша эта?

— С ней у меня контактов нет. Она птица важная, с такими как я дел не имеет. Это ты через Бескудникова решай.

— Ладно, посмотрим. Пойду я.

— Может, накатим по сто грамм? — Усач выразительно постучал пальцем по стоявшей на стойке алюминиевой кружке. — Что-то у меня настроение выпить.

— Знаешь, Арсентьич, я тут во сне родителей видел, и вот какое дело — вроде они, а вроде и нет. Лица я их уже стал забывать.

— Чепуха. — Усач разлил по кружкам спирт. — Мне вот тоже казалось, что я батяню

забыл совсем. А тут недавно у меня в комнате Ланка убиралась и, представляешь, старую отцовскую серебряную ложку нашла в столе. Я-то и забыл совсем про нее. Так знаешь, взял я ее в руки, и нахлынуло — прямо увидел я отца, как живого, как сидит он за столом, седой весь, сосредоточенный, и этой ложкой сахар в кипятке размешивает! Нельзя лица родителей забыть, Зих. Это как свое лицо позабыть, я так думаю. Давай помянем их добрым словом.

Они чокнулись, а потом долго молчали, и каждый думал о своем.

— Мне патроны нужны, — наконец, сказал Зих.

— Не вопрос. Для тебя две банкноты шука. Нужный калибр имеется.

— Давай. И знаешь что еще? — Зих замялся. — У тебя для девчонки есть что-нибудь?

— А, отцовский инстинкт просыпается? — Усач заулыбался. — Счастливый ты, Зих. Ты хоть ребенка своего на руках подержал, а мне вот не повезло. Сколько баб у меня было, и ни одна не забеременела. Наверное, все дело в радиации этой чертовой.

— Повезло, говоришь? — Зих чиркнул спичкой, раскурил сигарету. — Это как сказать. Верно, не держал ты своего ребенка на руках. Но и не хоронил его.

— Это точно. Прости меня, дурака.

— Я у родителей тоже один получился. Хоть и старались они брата или сестру мне организовать, не вышло.

— Зато какого охотника родили! Что девке хочешь купить?

— А что у тебя есть?

В кладовке Усача было много всякого добра, но Зих сразу увидел то, что хотел.

— Сколько? — спросил он, рассматривая тонкий браслетик из темного металла с красивым чернением.

— Бери просто так, — решил Усач. — Пусть это будет от меня подарок твоей жиличке. Как бы от нас двоих подарочек. Я как ее вижу, сразу на душе теплеет. Будто дочка она мне. Ты не хочешь ее у себя насовсем оставить, удочерить что ли?

— Трудные вопросы задаешь, Арсентьич. Ее судьбу военные решать будут, капитанша наша бравая. Я тут ничего сделать не могу.

— А ты поговори с ней. Глядишь, согласится Надьку тебе оставить. Или пусть мне ее передадут. Я бы ее удочерил, ей-Богу.

— Ты майора предупреди, что я готов с ним встретиться, — сменил тему Зих. — И пойдем, патроны мне покажешь...

Разговор проходил в пустом кабинете Усача, где было тихо и холодно, и тишина была такая, что Зиху казалось — каждое сказанное им слово отражается эхом в этих стенах. Капитан Гернер слушала очень внимательно. Зиху показалось, что она взволнована не меньше его самого. А ее первая реакция на его исповедь удивила Зиха по-настоящему.

— Дай мне сигарету, — сказала она, когда охотник закончил свой рассказ.

Некоторое время они молча курили. Зих делал вид, что его очень занимает то, как тлеет его сигарета. А капитан Гернер курила, смотрела куда-то в пространство, и в ее глазах можно было прочитать радость догадки, азарт, сомнение и великую успокоенность, будто рассказанное Зихом позволило ей наконец-то найти решение давно терзавшей ее загадки.

— Ну, чего молчишь? — не выдержал Зих.

— Горжусь сама собой, — сказала Елена. — Я все сделала правильно.

— Что правильно? Может, объяснишь мне, что к чему?

— Сначала о сектантах. Теперь все абсолютно ясно. Пастыри, организовавшие этот исход — специально подготовленные люди. Их обучили психопрограммирующим методикам, и они их применяют. И операция продумана до мелочей, — Елена затаилась, выпустила колечко дыма. — Смотри, на телевышке Ленинска они смонтировали устройство радиоподавления, попросту говоря, глушилку. Мы-то гадали, для чего — то ли чтобы нам помешать, то ли чтобы зомбировать сектантов через какие-то там излучатели. А все просто до ужаса: они глушат в городе все передатчики. Блокируют любую утечку информации о происходящем в городе. Надо сказать, «Лабиринт» действует очень грамотно и предусмотрительно.

— Предусмотрительно? Люди гибнут, Елена.

— Да, гибнут. Новая официальная церковь получает первых святых и мучеников, а «Лабиринт» — человеческий материал для своих экспериментов.

— Вы можете что-нибудь сделать, или опять будут одни слова?

— Я проинформирую начальство. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Я заберу у тебя этот листок, он может пригодиться.

— Конечно. Давай поговорим о диске. Зачем вам я понадобился, объяснишь?

— Это была моя идея. И возникла она в тот день, когда я прослушала запись, якобы оставленную доктором Дроздовым. Ее принесли наши разведчики после столкновения с боевиками из отряда 505 — это случилось во время очередной попытки разведать район Госпиталя. Запись была у одного из лабиринтовцев.

— Это ты уже говорила. Уфимцев сказал, что запись поддельная.

— Конечно. Я не настолько дура, чтобы не заметить в ней разительные несоответствия. Лабиринтовцы наивно пытаются нас убедить, что чуть ли не столетний Дроздов якобы покинул убежище всего несколько месяцев назад, буквально перед тем, как там снова начались исследовательские работы лаборатории «С». Я имею в виду тот самый Госпиталь, в котором ты побывал, созданный для больных СВДЛ, вирусной гнилью. Даже организовали такую вот утечку липовой информации о загадочном диске с важнейшими данными по экспериментам с контролируруемыми мутациями МАСБИ. В принципе, деза была достаточно хорошо и своевременно подброшена — все это случилось как раз в тот момент, когда «Лабиринт» обосновался в Ленинске, и выглядело все так, будто именно в этот момент Дроздов и покинул убежище. Потом, когда несколько раз послушала эту запись, поняла, что хотели нам сказать этой фальшивкой лабиринтовцы. На записи есть упоминание только о собственных работах Дроздова, но ни слова не говорится об архивах центра «С» в целом. А мы знали, что такие архивы существуют.

— Акакой смысл был делать такую фальшивку?

— Пустить нас по ложному следу и выиграть время. «Лабиринт» первым сумел добраться до архивов, которые хранились в информационном центре убежища Б90. Какое-то время ушло на изучение этих архивов, и вот тут аналитики «Лабиринта» должны были понять, что у них в руках будущее человечества как вида. Управляемая мутация МАСБИ давала уцелевшим в убежищах людям шанс на выживание. Но вирус с таким же успехом мог всех уничтожить. Продолжать эксперименты с МАСБИ можно было только в одном случае — имея всю документацию группы Дроздова, и эта документация полностью или частично сохранилась в терминале убежища Б90. У лабиринтовцев было два варианта: делать это в

другом месте, либо восстановить исследовательский центр Б90. Они выбрали второй, это было намного проще технически. Но чтобы начать работы и получить результаты, нужно время. Естественно, что очень скоро мы обо всем узнали.

— И началиискать диск.

— Для отвода глаз. Перехитрить врага всегда полезно.

— Елена, ты мне одно скажи — есть этот диск или нет?

— Зих, я должна попросить у тебя прощения. Я не рассказала тебе правды с самого начала, использовала тебя в темную. Но теперь, когда ты побывал в гостях у лабиринтовцев и кое-что узнал от Уфимцева, я могу раскрыть тебе секретную информацию.

— Опять секретная информация! — Охотник хлопнул ладонью по столу. — Просто можешь сказать, есть диск или нет?

— Есть. Лабиринтовцы очень старались пустить нас по ложному следу, но одну ошибку все-таки сделали. Большая часть записи подделка, это верно, и мы это знали. На записи говорят два разных человека, фонографическая экспертиза это подтвердила. Лабиринтовцы пытались создать у нас впечатление, что Дроздов просто сумасшедший, который считал, будто изобрел лекарство от снежной болезни. Но вот ее последний фрагмент подлинный. Это там, где Дроздов говорит, что пошел на встречу без диска. Это точно, Зих, потому что... — тут Елена сделала паузу, — потому что диск, о котором говорил Дроздов, мы уже нашли.

— Нашли? — Зих с удивлением посмотрел на девушку. — Где нашли, когда?

— Для начала взгляни-ка на это, — Елена сняла с шеи маленький продолговатый предмет на цепочке, что-то вроде пластмассового медальона. — Знаешь, что это такое? Это флэшка. Специальное устройство для записи информации. До Катастрофы такие флэшки были обычными предметами, их имел почти каждый. На такую вот штучку можно записать столько же информации, сколько на обычный оптический диск.

— Ну и что?

— А то, что Дроздов, к счастью, побоялся, что данные о его собственных опытах невозможно будет восстановить с флэшки, и не воспользовался ей, иначе все данные по экспериментам с МАСБИ были бы потеряны безвозвратно. У флэшек ограниченный цикл работы, и данные на них нельзя долго хранить. Поэтому он и записал всю информацию из архивов на обычные диски.

— Объясни мне, как вам удалось найти диск.

— Совершенно случайно. После того, как было установлено, что часть попавшей к нам записи подлинная, была составлена алгоритм-карта возможного поведения Дроздова после того, как он покинул убежище, чтобы встретиться с сотрудниками «Лабиринта». В ней учитывалось все, начиная от предполагаемого психического состояния Дроздова до радиационной обстановки в Ленинске на тот момент. Просчитывались вероятный маршрут Дроздова, возможные убежища на его пути, предполагаемые пункты встречи с лабиринтовцами, короче все, что только можно. Вероятность найти потерянный диск составляла всего восемь процентов, но нам повезло. Скажем так, нам чертовски повезло. Можно, я у тебя еще одну сигарету возьму?

— И где же вы его нашли?

— Недалеко от входа в убежище, в старом почтовом ящике.

— И все-таки я не понимаю, — Зих был поражен. — Как вы могли предугадать действия человека?

— Нас этому обучают, Зих. Простые умозаключения: Дроздов родился и вырос в убежище, значит, города не совершенно знал — это первое. Следовательно, место встречи должно было находиться совсем рядом с выходом из убежища — это второе. Если Дроздов пошел на встречу без диска, то свое сокровище он должен был спрятать где-то поблизости, причем в таком месте, которое имело запоминающийся ориентир, чтобы потом найти диск — это третье. Вот и все, остальное дело техники.

- Тогда какого хрена я ходил в город, лазал там по пустым домам, искал то, чего нет? Шкурой своей рисковал? Почему, для чего весь этот идиотский поход в Каменный Лес был затеян?

— Я все скажу тебе. Обязательно скажу, потому что не в диске Дроздова дело. Все дело в тебе, Егор Антонович. И в твоих отце и дяде.

— Уфимцев говорил, они тоже вроде как участвовали в эксперименте.

— Вот именно. Дроздов-младший после смерти отца пытался продолжать эксперименты с МАСБИ, используя его документацию и технологии, но что-то пошло не так. Незадолго до начала первого исхода в лаборатории Б90 произошла какая-то нештатная ситуация с банками препаратов МАСБИ, и среди сотрудников исследовательского центра вспыхнула эпидемия синдрома Гриннинга. Эпидемия смертельно опасной неизлечимой болезни в замкнутом убежище, где жили в то время почти восемьсот жителей. По факту эпидемии комендант Б90 и его люди начали выполнять секретную директиву и уничтожать резидентов из контрольной группы — тех, кто не участвовал в опытах с МАСБИ. Жестоко, конечно, но это был единственный способ остановить эпидемию. Дроздов сразу понял, в чем дело. Не знаю, о чем он тогда думал, но наверняка чувствовал свою ответственность за случившееся. Понимая, что комендант на этом не остановится, он организовал побег из убежища нескольких своих сотрудников, которые в свое время участвовали в программе МАСБИ. Это случилось в июле 2076 года.

— Погоди, значит, запись была сделана...

— Почти сорок лет назад. Не в 2115-ом, а в 2076-ом году. Я не знаю точно, как все происходило. Скорее всего, Дроздов сумел убедить коменданта Русинова, что носителями опасного вируса являются потомки участников первой волны экспериментов с МАСБИ, тех, что проводил его отец. Мол, в их организме вирус мутировал и стал смертельно опасен. Русинов сразу принял предложение врача выставить их вон из убежища, видимо, не захотел устраивать новую бойню, и пять человек были отправлены на поверхность. Русинов был уверен, что эти люди все равно не выживут — слишком жестокими были условия на поверхности. Этими изгнанниками были твой отец и дядя с женами, и ты, Зих. Тебе тогда было чуть больше двух лет.

— Мой сон, — сказал охотник, качая головой. — Все, как в моем сне. Оказывается, я не все забыл.

— Конечно. Человеческая память хранит все, мы сами об этом не подозреваем. Твой отец наверняка никогда тебе ничего не рассказывал?

— Ничего. Он сказал только однажды, что мы все родились в убежище.

— Но не сказал главного. Дроздов сумел тайно передать им копии архивов из лаборатории своего отца, Ильи Александровича, создателя проекта МАСБИ. Возможно боялся, что архивы будут уничтожены по приказу коменданта, или просто решил сделать побольше копий важнейших данных. Не исключено, что Антон и Радий Чигаревы сами попросили его об этом.

— Это точно?

— Абсолютно. Подлинные аудиодневники Дроздова содержат упоминание о том, что общий размер архивов по МАСБИ составлял почти 80 гигабайт информации. Разместить его на одном диске невозможно, поэтому Дроздов разделил архивы на несколько частей и записал их на высокоёмкие оптические диски. Даже на той записи, что лабиринтовцы состряпали как дезу для нас, есть интересный момент — Дроздов говорит о том, что Тоха и Радик, как он называет твоих близких, ушли к «Лабиринту» с какими-то материалами. Опять же хитрый ход наших соперников: мол, не ищите, все это давно у нас! Тот диск, который мы нашли, содержит лишь дневники Дроздова, его собственные разработки по теме МАСБИ и часть записей Дроздова-старшего, подтверждающую успешность экспериментов.

— Почему же вы не проникли в центр раньше них? За сорок лет было время.

— Мы упустили возможность это сделать, как это ни нелепо звучит. Вначале у нас были другие задачи, более важные, как нам тогда казалось. Нужно было обеспечить выживание первой волны исхода. Вся эта история с архивами МАСБИ всплыла уже после раскола с «Лабиринтом», и попасть в лаборатории убежища Б90, которое находилось в их зоне ответственности, стало невозможным. Все попытки проникнуть в Ленинск были неудачными, а во время последней попытки нам еще и липовую запись дневников Дроздова подкинули. После этого мы поняли, что находившиеся в убежище материалы по экспериментам с МАСБИ уже в распоряжении «Лабиринта», и работать в этом направлении дальше стало просто бессмысленно.

— Погляжу, серьезная у вас войнушка идет.

— Серьезнее некуда.

— Ты говорила, что все дело во мне, — напомнил Зих.

— Да. Это самое главное, что ты должен знать. Когда нашелся диск Дроздова-младшего, стало ясно, откуда взялся синдром Гриннинга, и как можно остановить эпидемию. Без архивов по МАСБИ это невозможно. Если мы получим полный архив, создать эффективную вакцину можно будет очень быстро, наши ученые в этом уверены. Меня включили в группу, которая занималась поиском архивов. Мы начали с того, что попытались найти потомков тех, кто когда-то жил в убежище Б90 и мог участвовать в экспериментах группы Дроздова, считали, что часть архивов может быть у кого-то из них. Нам очень повезло, такой человек нашелся. Ты, Зих.

— Интересно, — охотник потянулся за сигаретами. — И вы сразу решили меня взять в оборот, так?

— Не сразу. Мы наблюдали за тобой и очень быстро поняли, что ты мутант. То есть, ты человек, гены которого изменены от рождения. Видимо, эти мутации передались тебе от отца. Но главное — ты мог помочь нам напасть на след недостающей части архивов Дроздова. Вот в чем был смысл операции, которую я разработала.

— Ты послала меня искать несуществующий диск Дроздова. Да еще в квартире его отца и в госпитале, где он никогда не мог бывать, родился-то он в убежище!

— Вспомни, не я послала тебя, ты сам вызвался, — напомнила с улыбкой Елена. — Но мне нужно было совсем другое. Вся экспедиция была предпринята для того, чтобы ты смог найти свое прошлое, Зих.

— Не понял. Что это значит?

— Твоя память. Твои детские воспоминания. То, о чем мы только что говорили. Твоя семья после того, как покинула убежище, какое-то время жила в Ленинске. Я считала, что,

оказавшись в Каменном Лесу, ты сможешь вспомнить то, что давно забыл. Эффект неосознанных образов мог сработать.

— Так, а почему лабиринтовцы этого не знают?

— Знают, хорошо знают. Уфимцев дал тебе понять, кто ты. И они очень дорожат тобой. Ты единственное доказательство того, насколько успешными были опыты Дроздова-старшего с МАСБИ. И они теперь будут следить за каждым твоим шагом. Достаточно послушать на их волне релизы о твоих подвигах. А уж то, что они простили тебе смерть двух своих солдат, и вовсе меня убеждает, что ты для «Лабиринта» очень важен.

— Что-то не пойму я, — покачал головой охотник. — Говоришь, дорожат они мной. Но в лабораторию, где было полно мутантов, пропустили, а меня там чуть не угробили эти твари. И потом выпустили из города, как ни в чем не бывало. Не заперли, не стали изучать, дали полную свободу. Непонятно что-то.

— Чего же непонятного? — усмехнулась Елена. — В лаборатории они контролировали напавших на тебя тварей через систему нейроимпульсного интерфейса, а из города выпустили с диском, чтобы еще больше нас запутать. Они уверены, что мы не знаем, что и где искать. А мы знаем. И с твоей помощью обязательно найдем.

— И что же мы будем искать?

— Копии архивов Дроздова, ту, что была у твоего отца и твоего дяди, когда они покинули убежище Б90. Но будем это делать без тебя.

— Это почему? — насторожился Зих.

— Мой расчет не оправдался. Твоя память слишком крепко заперта на замок. Но я не жалею о нашем знакомстве. Ты действительно необыкновенный человек.

— Я очень хочу помочь, но не знаю, как.

— Вообще-то, есть еще один способзаставить тебя вспомнить, — сказала Елена, улыбнувшись. — Мнемоинверсия. Я попробую, если хочешь, при помощи своих методик покопаться в твоей памяти, нас этому обучают. Активировать воспоминания твоего самого раннего детства.

— Последний вопрос, Елена — что будет, если вы не получите то, что ищете?

— Наши работы по проекту МАСБИ будут окончательно свернуты. Если у «Лабиринта» имеется полный архив Дроздова, то они смогут получить лекарство от болезнетворного штамма вируса и используют это открытие для того, чтобы еще больше усилить свое влияние. Если у них, как я подозреваю, только часть архивов, та, что оставалась в убежище, они и дальше будут плодить мутантов, а при самом опасном развитии событий — получат новый вирус, еще более опасный, чем вирус снежной болезни, и тогда с человечеством будет окончательно покончено. Так что цена вопроса очень большая, Зих.

— Я понимаю. Мне нужно время подумать.

— Некогда думать, Зих. Каждый день сегодня на вес золота.

— Я прошу всего неделю. Мне надо немного оправиться от простуды и подумать. Может быть, я вспомню все сам. Это очень важно для меня, понимаешь? — Зих невесело усмехнулся. — Я очень хочу вспомнить то, что не имел права забывать. А если не смогу, тогда уж милости прошу ко мне в мозги со своими методиками.

— Ладно, неделю я могу подождать. О нашем разговоре никому ни слова, даже майору Бескудникову. Как будешь готов встретиться со мной, скажи Усачу, чтобы послал на базу «Дальние озера» сообщение: «Синий код, 3312». Запомнил?

— Запомнил. Тогда остается только одно. Я о девочке этой, о Надьке. Что с ней

решила?

— А что ты хочешь услышать? — Капитан Гернер лукаво улыбнулась. — Что наше начальство мне отказало, и девочка может остаться у тебя?

— Еще несколько дней назад я бы с чистой душой сказал: «Забирай!» А сейчас... Пусть еще немного поживет у меня, как-то спокойнее мне с ней, уютнее.

— Зих, я очень рада за тебя, — серьезно сказала Елена. — Эта девочка нужна тебе, а ты нужен ей. Вот и все. И в итоге двумя одинокими людьми в нашем мире станет меньше.

— Я все вспомню, — сказал Зих, задержавшись в дверях. — Обязательно вспомню капитан Елена. Я тебе обещаю.

Он наблюдал, как крупные хлопья снега за мутным забрызганным грязью стеклом медленно опускались на улицу, и без того заваленную высокими сугробами. Приблизив лицо к стеклу, ондохнул на него, и теплый воздух тут же превратился в конденсат. В комнате было холодно — конечно, не так, как снаружи, но пальцы на руках коченели, а изо рта шел пар.

Он взобрался на большую кучу обломков и мусора под подоконником, прижался лицом к стеклу, пытаясь разглядеть лучше то, что происходит снаружи. Там, за окном, были только два цвета — черный и белый. Белый снег и черные стены домов, черные тени, который отбрасывали в лунном свете торчащие из сугробов столбы. А потом нос и губы у него замерзли, и он слез с подоконника и пошел к печке, чтобы согреться.

Из соседней комнаты раздалась громкие голоса. Он на цыпочках подошел к двери, выглянул в комнату. Папа сидел на кровати и курил, а дядя Радий стоял перед ним и говорил, размахивая руками.

— Антон, ты спятил, — говорил дядя Радий, и голос его звучал пронзительно и неприятно. — Мы не можем. Мы обещали Дроздову.

— Да, обещали. Но я не могу и не хочу брать на себя такую ответственность. Ты сам видел, что случилось в центре. Видел эту бойню. Хочешь, чтобы так случилось везде?

— Это была ошибка. Оплошность Дроздова. Он не предполагал, что его эксперимент может так закончиться. И почему тебя так волнуют другие? Тебя должен твой сын волновать, и твоя жена.

— Да, меня волнуют мой сын и жена, но остальные люди тоже волнуют, — отвечал папа. — И тебя должны волновать. Короче, мое последнее слово — нет. Если вы с Ириной хотите, можете уходить. Только учти, ни в одно убежище вас не пропустят. Всем администраторам давно сообщили про нас. Им не мы нужны, им архивы нужны, которые Дроздов тайно через нас передал. А эти архивы можно и у живых, и у мертвых забрать. Я не хочу, чтобы в мою жену и моего сына стреляли. И чтобы в тебя и Ирину стреляли, не хочу.

— Ты... думаешь?

— Я уверен. Да, Дроздов договорился с экспертами «Лабиринта», но для нас это ничего не меняет. Мы им не нужны, более того — мы источник опасности. В лучшем случае нас будут держать в изоляторе, пока не разберутся с архивами, в худшем... Давай не будем о худшем. У нас только один путь, Радий — внешний мир. И здесь нам оставаться нельзя,

потому что нас будут искать.

— Антон, ты сгущаешь краски.

— Эх, брат, кабы сгущал! Сам все сопоставь, прикинь, лучше меня все поймешь... Я слишком хорошо понимаю, что нам доверил Виктор Ильич. Он идеалист, он не понимает, в какие игрушки играет. А я боюсь. Можешь назвать меня трусом, но я поступлю по-своему.

— Антон, Антон! Ты совсем раскис. Подумай ты своей башкой — ну что мы можем? У нас заканчиваются запасы, взятые из убежища. Этот город мертв, оставаться здесь дальше нельзя. Мы просто погибнем здесь.

— В городе много старых складов и магазинов, Рад. Там можно найти много чего полезного. Не сомневаюсь, что в городе есть еще люди, надо просто искать их. А если нет никого, не беда. Пополним запасы и отправимся на юг. Мы не пойдем туда, куда послал нас Виктор. Мы поищем свой путь.

— А если ты ошибаешься? — Радий горячился все больше и больше. — Если Дроздов все-таки прав, и в этих архивах спасение для всех? Кем ты тогда будешь, а, Антон?

— Кем? — Отец стоял у горящей печки, и его тень, неестественно огромная, падала на стену. — Отцом буду. Вон оно, мое будущее, выглядывает из-за двери.

Отец направился к нему, и он почувствовал, как его поднимают в воздух сильные надежные руки.

— Ради него я это делаю, — сказал отец. — Чтобы он рос человеком, а не лабораторной крысой, и чтобы не ставили над ним никаких экспериментов, как над нами ставили. Подумай, Радий. Если решишь со мной пойти, буду рад безмерно. А если по-своему поступишь — ну, на то человеку право выбора дано. Только давай сделаем так: архивы с собой брать не будем. Спрячем здесь до поры до времени. Нельзя с собой такие вещи носить. Слишком большой риск, Радий.

— Ты с ума сошел.

— Может быть. Ладно, я сейчас Егорку уложу и посидим, выпьем. Может, больше не доведется нам вместе выпить...

Солнце поднялось уже достаточно высоко, но было холодно, и под ногами хрустела не растаявшая с утра тонкая корка льда на земле. Лето кончалось, скоро опять придут семимесячная зима, морозы и долгие-долгие ночи. Ждать осталось совсем недолго.

На погосте как всегда было тихо и пустынно. Даже ворон сегодня тут не было. Зих даже удивился, насколько эти тишина и пустынность соответствуют торжественности момента. Меньше всего ему хотелось бы сейчас встретить кого-то из живых.

Он не стал заходить на могилу к Снигирию, сразу пошел туда, где лежали Лиза и Ленька. Большой холмик и маленький рядышком. На камнях, выступавших из большого холмика, уже появились серые пятна лишайника. А ведь всего шесть недель прошло...

Зих снял винтовку, приставил ее к ржавой ограде на соседней могиле, опустился на корточки и достал флягу со спиртом. Выпивка обожгла ему горло, он закашлялся, вытер рот рукой. Потом долго смотрел перед собой в пустоту, пытаясь найти нужные слова.

— Холодно уже, — сказал он, обращаясь не к тем, кто лежал под этими холмиками, а к самому себе. — Может, оно и к лучшему.

Он выкурил сигарету, а потом достал из портсигара Ленкин рисунок, развернул его. Три взявшихся за руки человечка рядом с домиком под овальным улыбающимся солнцем. Хороший рисунок, в котором было столько тепла и счастья. Зих долго смотрел на него, а потом сделал то, зачем пришел сюда. Сложил листок, положил в портсигар, вытащил нож, раскопал ямку на могиле Лизы, опустил в нее портсигар с рисунком и засыпал землей. Посидел еще немного в оцепенении, будто осмысливал то, что сделал, а потом встал, взял винтовку и дважды выстрелил в воздух.

Уходил он с кладбища с легким сердцем, будто свое горе тут оставлял. Или чувствовал что-то, чего никогда не чувствовал прежде. Особенную, непонятную прежде близость тех, кто смотрел ему вслед любящими глазами и верил в то, что он все делает правильно, так как надо. Ради этого он сегодня пришел сюда, ради этой близости и этого безмолвного одобрения.

Одобрения, не услышанного никем, кроме него.

— Я все сделал, как ты сказал, — заявил ему Усач, едва он вошел.

— И что?

— Ничего. Я должен был получить какой-то ответ?

— Нет, не должен. Налей мне по маленькой.

— Собрался куда? — спросил Усач. — Вид у тебя какой-то... смурной.

— Хочу немного прогуляться по окрестностям. — Зих вытащил деньги. — Сколько я тебе должен?

— Двадцать два.

— Держи, — Зих положил на стойку деньги, взял кружку со спиртом и залпом выпил.

— Тут сто сорок банкнот, — сказал Усач, пересчитав деньги.

— На оставшиеся сигарет хороших дай. «Мальборо», три пачки.

— Шикуюшь, Зих, — Усач полез в шкаф, долго рылся в нем, извлек красно-белый блок сигарет. — Тебе кто-то еще кроме меня платит?

— Правительство за использование моего имени в радиопрограммах.

— Хорошая шутка. Сдачу возьми.

— Не надо. Запиши на мой счет, сейчас к тебе придет Надежда за продуктами, с ней и рассчитаешься.

— Зих, — Усач смерил охотника подозрительным взглядом, — ты чего-то не договариваешь.

— Да будет тебе. Я так долго сидел дома, что просто хочу немного побродить по окрестностям.

— А сообщение это, что я передал? Галиматья какая-то, синий код, цифры.

— Предупреждение твоим друзьям военным, что я на них больше работать не буду.

— Вот как? — Усач был удивлен. — С чего бы?

— Надоели они мне. Я свободный человек, и мне не нравятся их тайны. Ладно, будь здоров, Арсентьич.

— Зих! — Усач будто охотнику в душу заглянул. — Ты мне больше ничего сказать не хочешь?

— Девчонке помоги, пока меня не будет. Хотя бы не дери за нее втридорога за

продукты.

— Ух, ты и сволочь! — задохнулся Усач. — Это когда я...

— Прости, Арсентьич, это я неудачно пошутил, — Зих протянул приставу руку. — Хороший ты мужик, хоть и жадный, но в последнее время вроде исправляться начал. Да, вот еще — у тебя листок чистой бумаги есть?

— Конечно, — Усач с готовностью вырвал листок из толстой тетради, в которую записывал долги клиентов. — А зачем...

— Пока, — сказал Зих и вышел из магазина.

Домой он сразу не пошел, постоял на улице, с удовольствием выкупив две сигареты подряд.

Надежда тут же сообщила ему, что обед вот-вот будет готов.

— Нам тут женщины-соседки картошки немного принесли, — сказала она, улыбаясь, — и я ее с салом потушила. Будет вкусно.

Зих хотел ответить, и не смог. Перед глазами из небытия появилась другая картина — тот день, когда у него появилась надежда, что Лизе можно помочь. Лиза, сидящая над ведерком с картофелем. Глаза Лизы.

— Что ты, дяденька? — Надя перестала улыбаться.

— Ничего, — Зих с трудом взял себя в руки. — Умница, хорошо похозяйничала. Только вот к твоей картошке у нас ничего нет. Сбегай к Усачу, посмотри, чем он богат. Вот деньги. Давай быстренько, а я подожду.

Надежда кивнула, быстренько накинула платок и бушлат, подхватила мешок и выпорхнула из дома. Зих несколько мгновений стоял в оцепенении, потом окинул взглядом свой дом и сел за стол. Записка получилась короткой, всего несколько предложений:

«Я должен уйти, оставляю дом на тебя. Прости, что не попробовал твою картошку. Деньги трать с умом, чтобы надолго хватило. Нужда какая будет, иди к Юрию Арсентьичу, он поможет. Спасибо тебе. И носи на здоровье мой подарок. Зих.»

Он сложил листок пополам, сверху положил пачку денег — все, что накопил и держал до последнего, — и браслет с чернением, полученный от Усача. Дело было сделано, оставаться дома он больше не мог и не хотел, поэтому быстро вышел и направился к воротам городка. Ненужные эмоции понемногу улеглись, вернулись спокойствие и сосредоточенность. Главная охота в его жизни началась.

14. ОХОТА НА ПРИМАНКУ

Бывшая газовая станция располагалась на возвышенности у края огромного поля развалин, которые когда-то назывались «Село Малая Биндюга». Большое было когда-то село — развалины тянулись на восток до самого горизонта. Но сегодня их скрывала повисшая с утра над землей влажная мгла, которую не мог рассеять даже задувавший временами северный ветер.

— В чем дело? — шепнула Елена.

— Надо перекурить.

— Что, это место?

— Оно, капитан, оно, — Зих достал сигарету из пачки, чиркнул спичкой. — Отец у меня не любил тайников, считал, что хорошему охотнику они к чему. На охоту налегке ходил, а меня к другому приучал. Наверное, умел он чего-то, чего я не умею. Тоже ведь мутант был, верно? — тут Зих посмотрел на девушку. — Вообще, если появлялось у нас что ценное, то отец сразу все это в работу брал, а не ховал по заначкам. Времена тогда были тяжелые. Но один тайник у него был — вот этот, и он мне о нем говорил. Показал место, и велел о нем не забывать, только я туда один раз заглядывал, много лет назад.

— И что там было? — голос Елены дрогнул от волнения.

— Патроны для ружья с согласованной картечью — тогда у меня обычный дробовик двуствольный был, — банка с ружейным маслом, соль, дробь, инструменты кое-какие и прочая мелочь. Коробка какая-то. Ну, я что поценнее забрал, а остальное даже не смотрел. Сейчас сама увидишь. Если диски уцелели, то они только тут могут быть, больше нигде.

Разбитая, разрушенная временем и морозами асфальтовая дорога вела прямо к воротам станции. Ворота совсем проржавели, до дыр в створках. Зих вошел первым, оглядел двор, сплошь заросший бурой сурчиной травой.

— Стой здесь, — сказал он Елене. — Я пойду здание осмотрю, вдруг там кто нехороший обосновался.

— Я с тобой пойду, — запротестовала девушка. — Помогу, если что.

— Ладно, только с пистолетом своим не балуй.

Елена фыркнула, сверкнула глазами. Зих взял винтовку наперевес, щелкнул затвором и поставил оружие на предохранитель, потом спокойным шагом двинулся к одноэтажному зданию станции. Стены дома совершенно почернели и осыпались, трава доросла до середины окон, крыша полностью провалилась, и сгнившие балки кровли торчали из руин, как черные истлевшие ребра из трупов. В воздухе стоял слабый запах плесени, но мускусной вони мутапсов и крысиного аромата Зих не почувствовал. Это место было совершенно мертвым, все здесь давным-давно умерло, и даже мутанты сюда не заглядывали, потому что в этих руинах им просто нечем было поживиться.

У зияющего провала двери были разбросаны лопнувшие проржавевшие газовые баллоны, а дальше, за порогом, зияла яма на месте прогнившего пола, полная вонючей темной воды. Зих помог Елене перебраться через нее, и они вошли внутрь, в ремесленный цех.

— Нам туда, — сказал Зих, показав стволом винтовки на выход в противоположной стороне цеха.

Елена кивнула. Вид у нее был взволнованный, глаза горели. Охотник пошел вперед, потом знаком показал — за мной. За цехом был короткий коридорчик, в который выходили две двери, одна напротив другой. Справа когда-то был абонентский отдел, слева кабинет начальника.

— Сюда, — сказал Зих, показав на левую дверь.

Мебели в кабинете не было, только какие-то бесформенные обломки истлевшей фанеры и ДВП на цементном полу, да огромный сейф в углу, слишком тяжелый, чтобы его могли утащить даже при очень большом желании. У Елены вырвался торжествующий крик.

— Да нет, не в сейфе, — снисходительно сказал Зих. — Слишком приметно. Поддержка винтовку.

Он передал «Стормер» девушке, а сам налег на сейф и не без труда сдвинул его в сторону. В открывшейся под сейфом неглубокой квадратной яме, вырубленной в цементе, лежал квадратный алюминиевый контейнер.

— Вот и тайник, — вздохнул Зих, сметая перчаткой землю с крышки контейнера. — Сейчас посмотрим, подвела меня моя память, или нет.

— У меня все внутри трясется, — призналась Елена с нервной улыбкой. — Давай, открывай скорее.

Зих усмехнулся, подцепил лезвием ножа крышку и вскрыл ящик. Внутри контейнера оказались несколько тронутых ржавчиной гаечных ключей, вентиль от газового баллона, пара фаянсовых кружек, несколько старых потрепанных книг — и пластмассовая оранжевая коробочка из-под медицинских препаратов. Елена снова вскрикнула. Зих взял коробочку, открыл и глубоко вздохнул — внутри были два диска в прозрачных пластиковых футлярах.

— Боже мой! — Елена буквально выхватила у него эти диски. — Зих, ты даже не представляешь... да ты просто не знаешь, что ты... Господи, да тебе памятник надо ставить при жизни!

— Надо же, — охотник с трудом отцепил от себя повисшую на нем девушку, — нашлись, мать их!

— Я немедленно проинформирую командование, — Елена дрожащей рукой включила портативную радиостанцию. — Пусть высылают вертолет, такое сокровище надо немедленно доставить на базу!

Зих пожал плечами, взял свою винтовку и вышел в коридор. Не спеша закурил, заботливо стер со ствола мелкую белую пыль и влагу. Сияющая Елена появилась минутой позже.

— Ну что, с меня коньяк, — заявила она. — Как и обещала.

— Коньяк — это хорошо, — кивнул Зих. — Что, будет вертолет?

— Да. Доставлю тебя домой по воздуху, ты это заслужил. Наверное, ни разу в жизни не летал на вертолете?

— Не летал. Я ж охотник, не военный.

— Знаешь, однажды я тебе устрою охоту на мутантов с вертолета, — Елена прищурила левый глаз, согнула палец, нажимая воображаемый курок. — Бездна удовольствия.

— Помнишь, я показывал вам место, где живоглота застрелил? — спросил Зих. — Я тогда впервые в жизни охотился на приманку, и приманкой был живой человек. Дикий, правда, но я его использовал, чтобы живоглота приманить. Никогда прежде так не делал, а

тут попробовал.

— Ну, убил же живоглота.

— Убил, и Дикому сумел жизнь сохранить, — Зих усмехнулся. — Даже клык ему один подарил. Вот радости было!

— Ты просто не знаешь себе цены, Зих, — сказала Елена. — С такими людьми, как ты, мы мир перевернем.

— Мы — это «Лабиринт»?

— Что? — Елена перестала улыбаться.

— Я не закончил, — произнес Зих, вышел из коридора в цех и остановился, глядя на девушку. — В ту ночь, когда я застрелил живоглота в Приречном, я не думал, что снова буду охотиться с приманкой. Но ошибся. Сегодня пришлось во второй раз так поохотиться.

— Как ты догадался? — Елена выпрямилась, глаза ее потемнели, вся ее веселость исчезла в одно мгновение.

— Сначала просто было подозрение. Я ж все-таки охотник, следопыт, и никогда не поверю, чтобы в огромном городе можно было найти такую мелочь, как диск с записью. Подумал я почему-то, что с самого начала этот диск был у тебя, и искала ты что-то совершенно другое. А потом, когда попал я к лабиринтовцам, Уфимцев в разговоре со мной несколько раз упомянул твое имя. Говорил о тебе не очень почтительно, но говорил. Вот я и подумал: а откуда лабиринтовский чиновник знает о капитане Гернер?

— Идиот, — Елена покачала головой. — Я всегда подозревала, что в нашем руководстве слишком много идиотов.

— Нет, он просто подумал, что я теперь целиком ваш. Что не отвертится теперь Зих, будет вашей зачатой душой, потому что очень хочет спасти больную жену. — Зих сделал паузу. — А жена моя умерла. Вот такая вот штука выходит, капитан Елена Гернер.

— Ладно, теперь все это не имеет значения, — Елена попыталась надеть улыбку на лицо. — Архивы нашлись, а это главное. Поверь мне, ты сделал очень большое дело. И ни о чем не думай, ты поступил правильно.

— Потом я заподозрил неладное в церкви, когда вернулся с этим липовым диском, — продолжал Зих, будто не слыша того, что говорит девушка. — Уж очень легко ты мне поверила, что я подлинный диск принес. Даже не вставила его в компьютер свой, не посмотрела. Будто была на двести процентов уверена, что я притащил именно то, что требовалось.

— Проверить диски? — Елена медленно отступила к верстаку, скинула с плеча рюкзак. — Хорошая идея, Зих. Сейчас посмотрим, что за диски на этот раз ты мне обеспечил.

Охотник спокойно наблюдал, как она включает свой ноутбук, как вставляет диск в дисковод. И даже испытал что-то вроде удовлетворения, когда у Елены вырвался яростный крик.

— Липа! — Капитан Гернер смотрела на Зиха с убийственной ненавистью. — Это тот самый диск, что был у тебя, когда ты вернулся из города!

— Все верно, — подтвердил Зих. — Возвращаю вам то, что вы мне дали. Второй можешь не смотреть, там то же самое. А копию помог майор сделать. Я с ним до тебя встречался, все обсудил. С ним мы все это и придумали. Тайник, который ты только что видела — он не отцов, мой. Так что хорошая у нас получилась приманка. А Бескудников ведь тебе на все сто доверял.

— Хорошо, — Елена невероятным усилием воли взяла себя в руки. — Очень хорошо. Будем считать, что это дружеская шутка. Я прощу тебе этот идиотский розыгрыш, и начальство ничего не узнает. Я слишком ценю тебя, Зих. Но за это ты скажешь мне, где настоящий диск.

— Я не знаю.

— Знаешь. И ты сказал о нем Бескудникову. Ты понимаешь, что ты творишь, Егор? МАСБИ — это сверхмощное бактериологическое оружие шестого поколения, вирус, который может уничтожить все живое, если попадет в руки к дилетантам. У Гласкома нет ни технологической базы, ни специалистов, чтобы им заниматься. Они есть у нас, и мы хотим помочь. Всем помочь, всему миру. А ты... ты сектантов пожалел, да? Думаешь, этим спасешь их? Ты всех нас убьешь, дурак ты старый! Ты тупо мстишь нам, потому что считаешь, что это мы виноваты в смерти твоей жены. Ты не знаешь истинной правды, Зих. В том, что Лиза заболела синдромом Гриннинга — твоя вина. Ты источник инфекции, носитель этого самого вируса. Он навсегда остался в твоём теле, и ты будешь вольно или невольно заражать всех, с кем близко контактируешь. Ты избавишься от него только, когда будет получена эффективная вакцина от него. Ты виноват в её смерти, Зих!

— Я знаю, — ответил охотник. — Бескудников мне все рассказал. Почему умерла Лиза, почему умер Ленка, мой сын. Почему у моего дядьки и его жены, которые вместе с нами ушли из убежища, никогда не было детей. Поэтому я и говорю, что я самый настоящий мутант. И мой отец был мутантом. И после этого ты хочешь, чтобы я пожелал своей судьбы другим людям? Плохо ты меня знаешь, девонька. Ни за какой коньяк я такого не сотворю.

— Но ты знаешь, где архивы? Я ведь по глазам вижу — знаешь.

— Они у Бескудникова.

— Не верю, — Елена сжалась в комок, как разъяренная пантера. — Неет, не верю. Гласкомовцам нужно время, чтобы добраться до дисков. Все это время ты был со мной... Постой, ты что, пытался выиграть время?

— Ты сама знаешь, где диски, которые Дроздов отдал моему отцу и дяде Радию, — Зих усмехнулся. — Покажи, какая ты умная — а я знаю, что ты умная, вас там всему обучили. Догадайся, пока есть время.

— Нет, — Елена молниеносно выхватила пистолет, навела на охотника. — Ты мне сам все расскажешь. Сейчас же.

— Нервишки сдают, капитан, — Зих закурил очередную сигарету. — Я ж просил, не балуй с пистолетом. Глядишь, выстрелит.

— Через несколько минут сюда придёт группа поддержки, — сказала Елена со злобной улыбкой. — Мы доставим тебя на базу, а там ты сам все расскажешь. У нас есть для этого все необходимое. Ты сделаешь правильный выбор, и мы вместе подумаем, как не позволить гласкомовцам заполучить архивы.

— Я уже сделал выбор. И никуда я с тобой не полечу. Смерти я не боюсь, так что плевать я на вас хотел. — Зих с наслаждением затянулся сигаретой. — Ну, так как же, капитан Гернер, угадаешь мою загадку, или подсказать?

— Зих, ты испытываешь мое терпение, — девушка подняла пистолет, направляя его Зиху прямо в лицо. — Говори, где диск?

— Честно говорю, я не помнил, не знал. Но ты правильно сказала — человеческая память хранит все, даже то, что, кажется, давным-давно позабылось. Ты молодец, капитан Елена Гернер, ты и в самом деле заставила меня многое вспомнить. Благодаря тебе я

вспомнил главное — себя. Ты не дала мне опуститься после того, как Лиза умерла, привела мне эту девочку. Я знаю, что ты это сделала не из доброты душевной, просто исполняла свой хитрый план, но и за это тебе спасибо. Когда в моем доме появился этот ребенок, я вдруг вспомнил, что сам когда-то был ребенком. Как уходили мы из этого убежища, как страшно мне было. И как отец в тот день доверил мне самое важное, что было у него.

— Погоди... — лицо Елены стало серым. — Ты хочешь сказать?

— Нас на выходе из убежища обыскивали. Всех, даже меня, двухлетнего ребенка. Раздели догола, перетрясли все вещи, проверили чемоданы. Только одну вещь не догадались посмотреть, проверить — догадываешься, какую? Если не догадываешься, вспомни сон, который я тебе у Усача рассказал.

— Проклятье! — Елена в ярости ударила ногой по верстаку. — Как все просто!

— Действительно, просто. Я и сам бы не вспомнил, если бы не сон. А потом все сопоставил — и понял, что не ошибаюсь. Рассказал об этом Бескудникову. Он знает, где искать. А вы не знаете. Вот и весь сказ, вот и вся любовь, — Зих бросил окурок себе под ноги. — А теперь я пойду. Не поминай лихом.

— Стоять! — крикнула Елена. — Никуда ты не уйдешь. Стоять, я сказала!

— Стрелять будешь? — Зих еще раз плюнул. — Ну, стреляй. Посмотрим, умеешь ты по людям стрелять, или только по дорожным знакам пуляешь.

— Зих, в последний раз прошу добром — где искать? Ну же!

— Нет, ошибся я в тебе, капитан Гернер. Не умная ты. Не разбираешься ты в людях. Потому и нет у вашего этого «Лабиринта» никакого будущего.

— Раз, Зих, — Елена вытянула руку с пистолетом, прищурила левый глаз. — Два...

Выстрелы грянули одновременно — гулкий, раскатистый из «Стормера» и бухающий, отрывистый из «Гриссома М-25», — и потому прозвучали как один. Елену будто сбитую пинком куклу отбросило к противоположной стене, по которой она и сползла вниз, оставляя на штукатурке широкую темно-красную полосу. Зих опустил винтовку.

— Один выстрел, — с удовлетворением прошептал он. — Один...

Он шагнул к распростертой в натекающей луже крови Елене, чтобы убедиться, что она мертва. Да, второго выстрела не понадобилось бы — его пуля попала офицеру «Лабиринта» прямо в лоб. Его «Стормер» снова доказал ему, что лучше винтовки в мире не было и не будет. Левый глаз Елены остался закрытым, а в правом, широко распахнутом, навсегда застыли смертельная ненависть и изумление.

— Сама напросилась, — сказал Зих и повернулся, чтобы уйти, и тут почувствовал, что с ним что-то не так. Он опустил глаза, посмотрел на свою левую ногу — штанина комбинезона на глазах пропитывалась кровью.

— Ах ты, мать! — пробормотал Зих. — Достала, все-таки...

Голова закружилась, в ушах начало шуметь. Потом Зих понял, что это шумит не потому, что он слабеет от потери крови — это гул приближающегося вертолета. Вертолет пока еще далеко, но очень скоро будет здесь, так что надо уходить.

Уходить туда, где его давно ждут.

Он сумел выйти во двор и тут упал. С трудом поднялся, доковылял до стены и рухнул, привалившись к холодной кирпичной кладке спиной. Сил встать больше не было. Последним усилием Зих прижал к себе винтовку так крепко, как только мог. Она единственная, кто остался с ним до последней минуты, и это счастье, что так получилось. Счастье, что в такие важные для него мгновения они вместе.

Далекий гул становился все громче и очень скоро превратился в истошный звенящий вой, по двору станции закружил вихрь, снежная крошка, пыль и мелкий мусор, поднятые винтами. Но Зих уже не слышал этого гула. Стало вдруг необыкновенно тихо, и в этой тишине его позвал очень знакомый женский голос. Зих повернул голову и увидел Лизу — она стояла совсем рядом от него, юная, красивая, с сияющими глазами.

— Зих! — позвала она и улыбнулась ему. — Зих!

Охотник попробовал улыбнуться. С трудом разлепил веки, на которых повисла свинцовая усталость близкой смерти, снова увидел Лизу. Но теперь она была не одна. Рядом с женой стоял Ленька. А чуть дальше, ближе к стене станции — отец и мать. Они тоже звали его, Зих видел, как шевелятся их губы, как они произносят его имя. И еще — он узнал их! Увидел в мельчайших подробностях их лица: молодые, красивые, такие же, как сорок лет назад. Но не им он отдал свой последний взгляд. Дальше всех его незабвенных, в воротах станции стоял крошечный мальчик в огромных валенках, в синтетической синей куртке и в огромном женском платке на голове — двухлетний Егорка Чигарев. С тем самым плюшевым мишкой в руках. И он не звал его. Он просто ждал, когда Зих сам придет к нему. Улыбался и ждал, когда все это кончится. Когда все кончится. Когда все...

ЭПИЛОГ

До начала комендантского часа оставалось не больше пятнадцати минут. Командир второй роты особого отряда номер 505, капитан Ермолаев отворил дверь караулки, выглянул наружу — на улице начался мелкий снег. Взяв со стола автомат, капитан щелкнул тумблером системы обогрева на поясе своего стелс-комбинезона и скомандовал своим людям, коротавшим время за игрой в карты.

— Пошли!

На улице Баррикадной было тихо и пустынно, как обычно — никого. Ермолаев повел свой патруль мимо брошенных мертвых домов в сторону площади Чехова, к универмагу «Сибирь». И там они заметили человека — неизвестный шел быстрым шагом со стороны Советского проспекта к универмагу.

— Стоять! — приказал Ермолаев, и человек сразу остановился. Капитан подошел ближе, осветил фонариком в лицо бродяге. Мужчина лет пятидесяти, с изможденным давно не мытым лицом, заросшем сивой щетиной, испуганно закрыл глаза рукой.

— Капитан Ермолаев, вооруженные силы Объединенного Комитета, — сказал офицер. — Кто таков?

— Черный ангел! — воскликнул мужчина, и лицо его сразу просветил неподдельный восторг. А миг спустя он упал на колени и протянул к капитану руки. — Черный ангел!

Опять один из этих сумасшедших, подумал Ермолаев, глядя на странного мужика. Хоть и безобидные, они уже начинают действовать ему на нервы. Каждую ночь одно и то же, обязательно натолкнешься на одного-двоих из этих придурков, которые даже не в состоянии внимательно прочитать приказы коменданта, расклеенные на стенах.

— Ты что, из Наследников? — спросил он, хотя прекрасно понимал, что вопрос бессмысленный, и так все понятно.

— Воистину! — Мужчина поднял руки к небу. — Я один из слуг Божьих, господин. Шел в поисках общины, где мог бы провести ночь, и заблудился.

— Тут ночью небезопасно, — сказал капитан. — Собак полно. Жизнь не дорога?

— Господь охраняет всякого верного Ему, — с жаром фанатика заявил мужчина.

— Охраняет, но не всегда береженого Бог бережет, запомни, — Ермолаев посмотрел на часы. — Ладно, дергай отсюда. И учти, что до начала комендантского часа осталась пара минут. После одиннадцати часов вечера передвижение для гражданских по улицам запрещено, понял, блаженный? Нарушишь приказ, наживешь себе проблемы.

— Я все понял, господин! Спасибо, господин! — с замиранием в голосе сказал мужик, поднялся с колен и быстрым шагом направился в темный переулок за универмагом.

— Идиоты! — с раздражением пробормотал Ермолаев и знаком велел патрулю идти за собой.

Когда военные ушли с площади, сектант вышел из переулочка, осмотрелся и быстрыми перебежками, стараясь держаться темных участков улицы, добрался до большого полуразрушенного четырехэтажного сталинского дома, на первом этаже которого

до Катастрофы располагался единственный в городе фирменный магазин «Океан», торговавший рыбой и морепродуктами. Оглядевшись, мужчина перебежал улицу, нырнул во двор дома, зашел в первый подъезд, потом во второй. Нужная ему квартира находилась здесь, на первом этаже. Ни окон, ни дверей, ни мебели в квартире давно не было — все сломали и утащили на топливо для костров и печей. Но человек зашел в квартиру не ради ночлега. В прихожей он достал из своей потрепанной клеенчатой сумки красную «Книгу Завета», безжалостно оторвал у нее переплет. Между книжным блоком и переплетом оказалось устройство, похожее на очки без оправы с широкими плоскими дужками из темного металла. Человек надел эти очки, нажал крохотную кнопку на дужке — теперь он мог видеть в темноте.

Из прихожей мужчина прошел в большую комнату, а оттуда в детскую. Нужно ему место находилось здесь — большая куча строительного мусора и разного хлама в углу, слежавшаяся за долгие годы чуть ли не до каменного состояния.

После долгих поисков человек нашел в кухне ржавый, незамеченный мародерами кухонный нож, вернулся в комнату и начал раскапывать груды мусора. Копал он долго, терпеливо, пока, наконец, не увидел черный пластиковый пакет. Сердце у мужчины тревожно забилось, он с удвоенной энергией начал ковырять мусор вокруг пакета, пока не смог вытащить его из кучи. В пакете оказался потрепанный плюшевый мишка с красным бантом на шее и без одного глаза. Мужчина вздохнул, как человек, который собирается прыгнуть в ледяную воду, взял медведя, ножом распорол спинку игрушки и запустил в наполнявший медведя холофайбер руку — а потом снова вздохнул и закрыл глаза.

— Есть! — прошептал он.

Секунду спустя он извлек из разорванной игрушки два блю-рей диска в футлярах. Диски были помечены буквами «А» и «Б». Это был полный архив исследовательской группы профессора Дроздова.

Майор Бескудников еще несколько секунд смотрел на диски, как зачарованный. Потом вздохнул в третий раз, расстегнул свою драную собачью доху и сунул диски во внутренний карман надетой под доху куртки. Из другого кармана куртки он извлек маленькую металлическую фляжку с коньяком, наполнил колпачок и прошептал:

— Царствие тебе небесное, Егор Антонович Чигарев, и светлая память тебе и отцу твоему. И тебе вечная память, Виктор Ильич Дроздов. Всех вы спасли. Никогда вас не забудем.

Смыв коньяком застрявший в горле ком, Бескудников спрятал фляжку и вышел из квартиры. Не снимая очков, добежал до противоположного конца двора, а там, через узкий переулочек вышел на улицу Пионерскую и очень быстро нашел открытый канализационный люк, в который и спустился. В люке находился выход в главный городской коллектор.

Если бы не очки ночного зрения, майору пришлось бы гораздо труднее найти верную дорогу в этом переплетении тоннелей и дренажных труб. Но очень скоро он увидел впереди огни фонарей, а потом — две фигуры, которые сразу двинулись ему навстречу.

— Батя! — воскликнул Бескудников-младший. — Нашел?

— Нашел, мальчишки, — впервые за много лет майору хотелось плакать от радости. — Теперь живем, понимаете, живем!

— Мы проверили пути отхода, товарищ майор, — сказал подошедший лейтенант Небогатов. — Все чисто, можем выдвигаться.

— Держи, батя, — Бескудников-младший протянул отцу свой пистолет.

— Погодите, пацаны, курить хочу, мочи нет. Сигареты взяли?

— Так точно, — Небогатов протянул майору пачку «Явы». Майор зажег сигарету, жадно затянулся. Табак отдавал плесенью — еще бы, сколько лет пролежал где-то на складах. Спасибо, хоть такой есть. Небогатов тоже закурил. Бескудников-младший был некурящим.

— А третьим будет Зих, — сказал майор. Зажег еще одну сигарету и положил на выступ стены коллектора. Курили они долго, чинно, пока не увидели, что сигарета на выступе дотлела почти до фильтра. И только после этого Бескудников дал команду выдвигаться. Сборщики пепла выполнили свою работу.

И на этот раз успех операции не вызывал никаких сомнений.

Больше книг на сайте - Knigoed.net